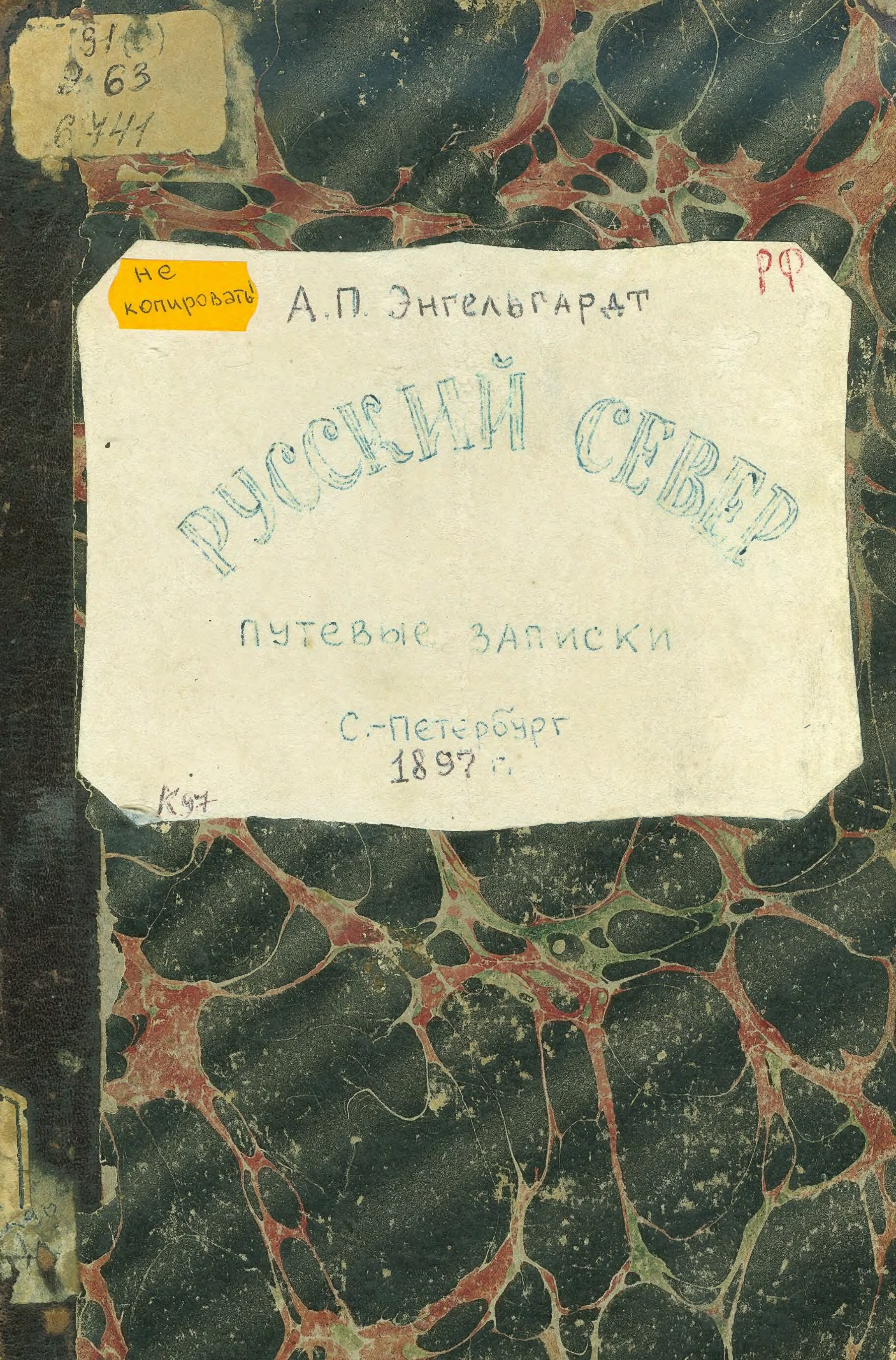
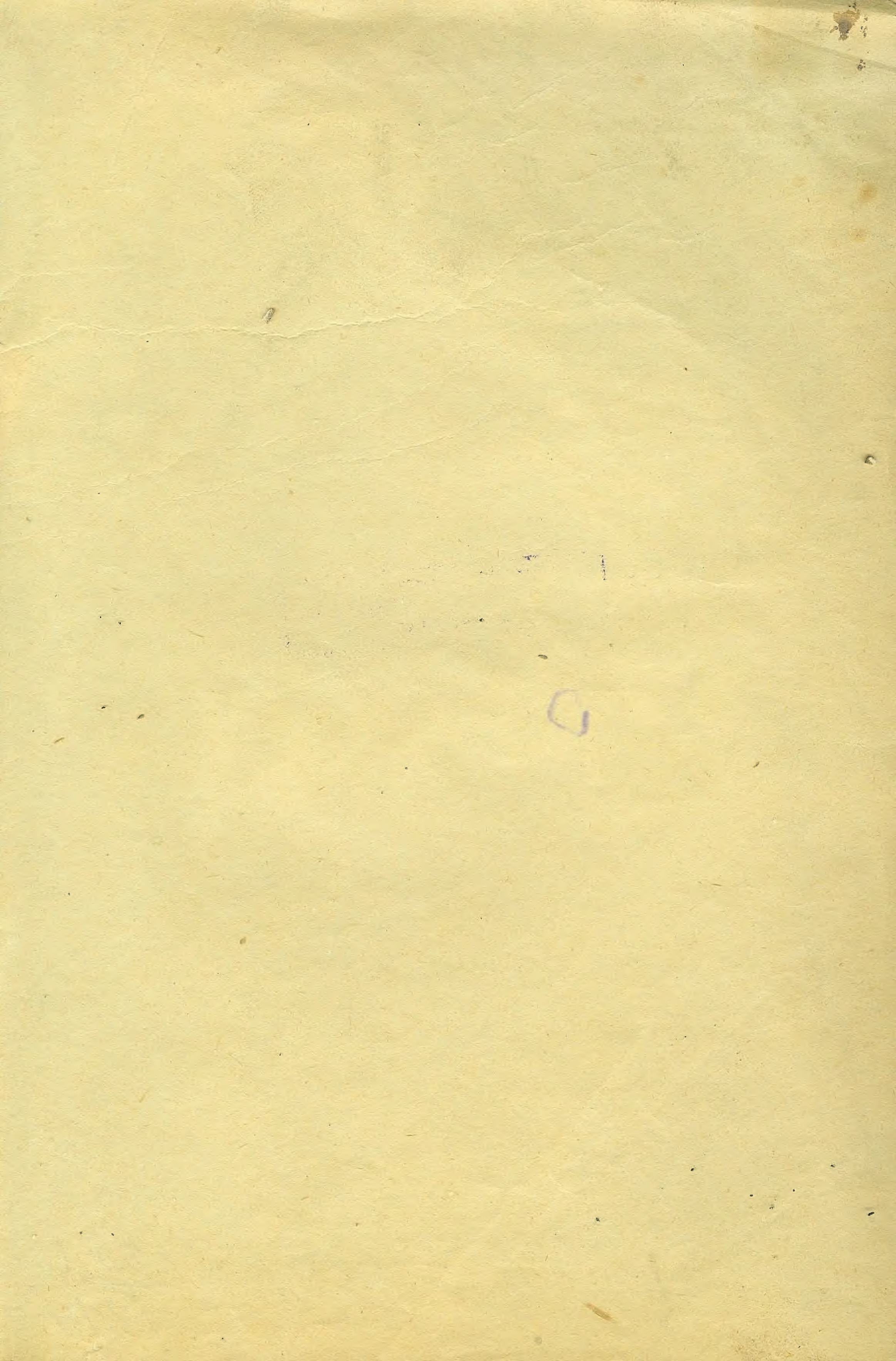
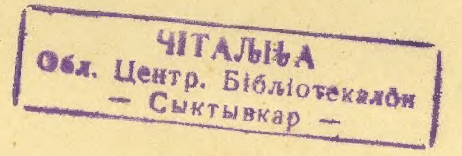

91(С)
Э 63
6741
не копировать!
РФ
А. П. Энгельгардт
РУССКИЙ СЕВЕР
путевые записки
С.-Петербург
1897 г.
К97



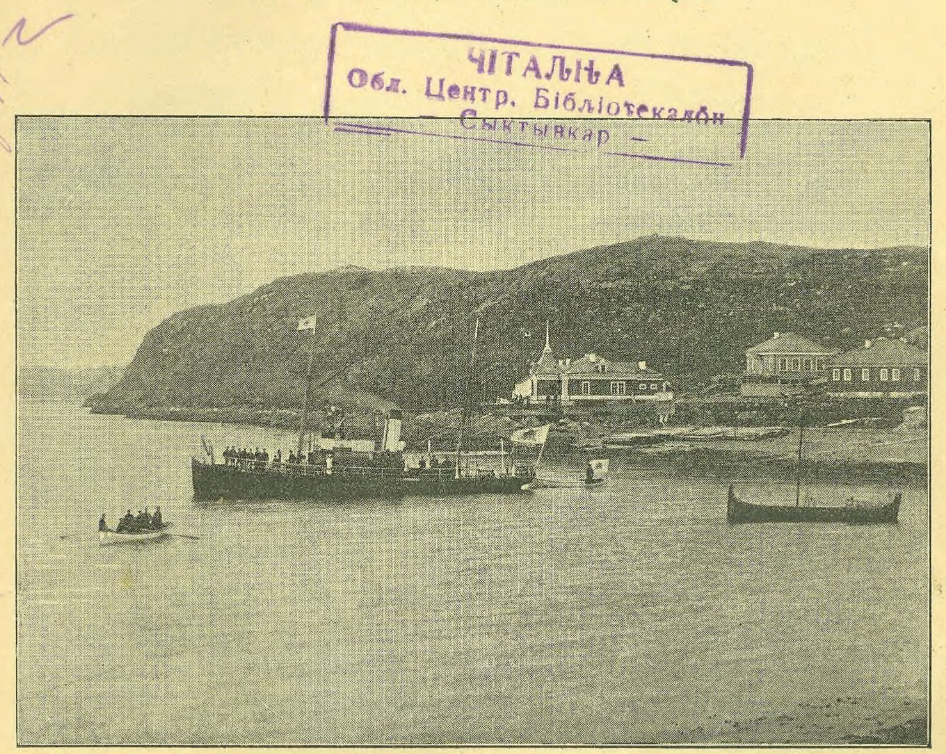
РУССКІЙ СѢВЕРЪ



А. П. Энгельгардтъ

РУССКІЙ СѢВЕРЪ

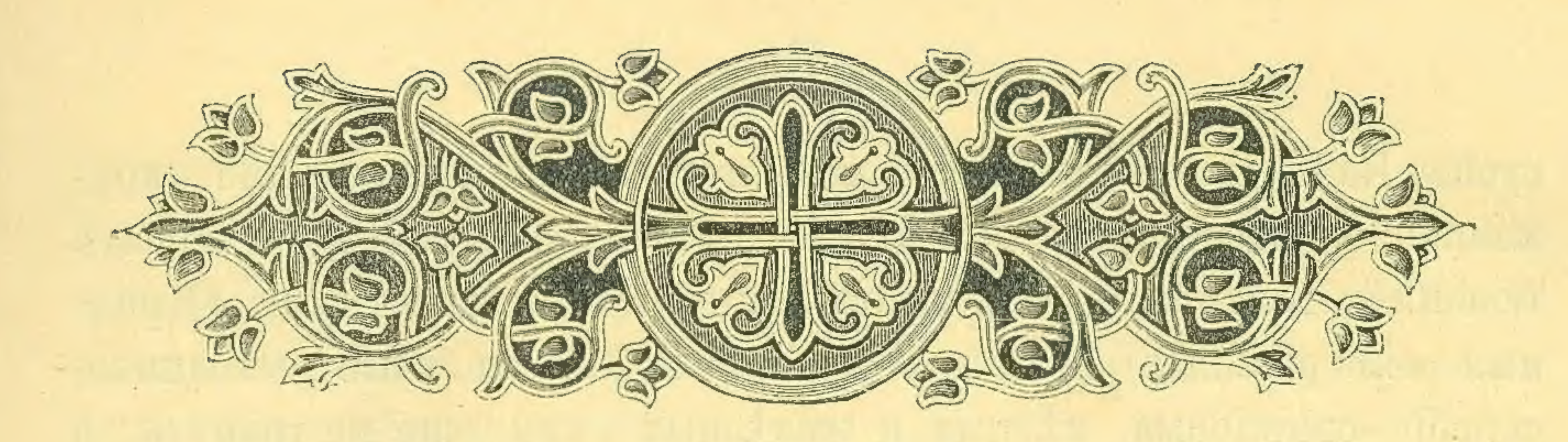
ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1897

Дозволено цензурою 7 мая 1897 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13



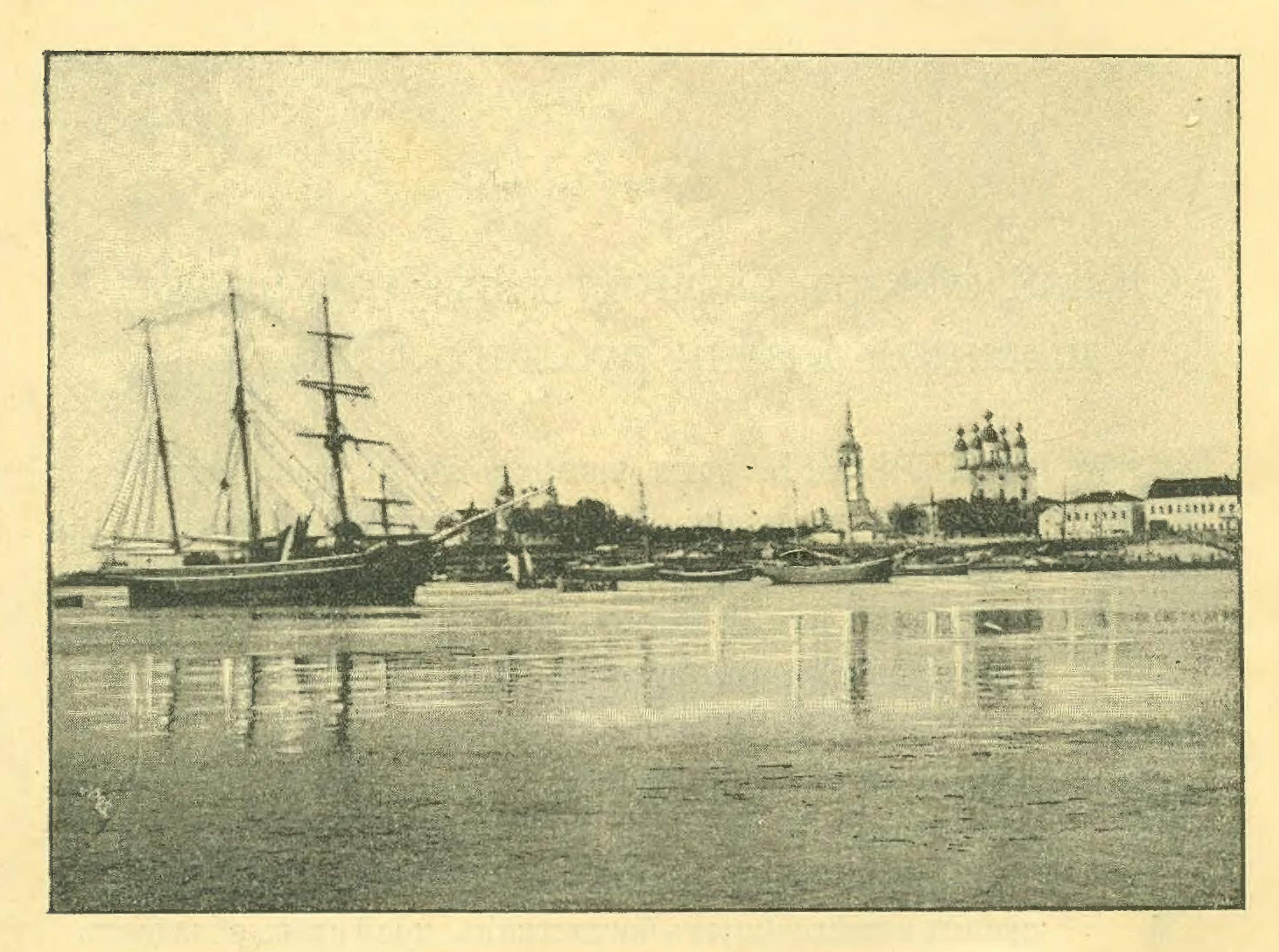
Общій обзоръ экономической и промышленной жизни русскаго Сѣвера.

При первомъ, даже поверхностномъ, знакомствѣ съ мѣстными условіями и нуждами русскаго Сѣвера, составляющаго Архангельскую губернію и обнимающаго огромное пространство отъ границъ Норвегіи до Тобольской губерніи вдоль береговъ Сѣвернаго океана и Бѣлаго моря, нельзя не замѣтить, что экономическая и промышленная жизнь этого обширнаго края находится въ полномъ застоѣ и какъ бы въ летаргическомъ снѣ.

Между тѣмъ, по своему географическому положенію и своимъ естественнымъ богатствамъ, край этотъ обладаетъ всѣми данными, чтобы не только развить и упрочить благосостояніе мѣстнаго населенія, но и служить на пользу всего государства.

Сѣверный океанъ у береговъ Мурмана и Бѣлое море представляютъ богатую мѣстность для рыбной промышленности: уловы трески на Мурманѣ, сельдей въ Бѣломъ морѣ, наваги въ Мезенскомъ заливѣ и проч. столь обильны, что могли бы снабжать всю среднюю и восточную часть Россіи и обѣ столицы превосходною дешевою рыбою; между тѣмъ, русскіе потребители уплачиваютъ ежегодно иностранцамъ нѣсколько милліоновъ рублей за рыбу, которая привозится въ порты Балтійскаго моря. Печорскій край, острова Кол-

гуевъ, Вайгачъ и Новая Земля изобилуютъ пушными звѣрями, окружающіе же эти острова Ледовитый океанъ и Карское море кишатъ тюленями всякихъ породъ и прочими морскими животными. Огромныя минеральныя богатства края — нефть, соляные источники, серебро-свинцовыя, мѣдныя и желѣзныя руды, еще не тронуты, а эксплоатація обширныхъ казенныхъ лѣсовъ, занимающихъ площадь въ нѣсколько десятковъ милліоновъ десятинъ, можетъ быть значительно расширена и должна составить крупную, постоянную статью государственнаго дохода и русской отпускной торговли. Обиліе



Архангельскъ. — Соборная пристань.

поемныхъ луговъ по Сѣверной Двинѣ, Мезени, Печорѣ и другимъ рѣкамъ представляетъ всѣ условія для развитія здѣсь въ широкихъ размѣрахъ скотоводства. Въ то же время Архангельскій портъ по природнымъ удобствамъ находится въ рѣдкихъ благопріятныхъ условіяхъ: Сѣверная Двина у г. Архангельска представляетъ отличную гавань, а произведенныя въ недавнее время работы по углубленію фарватера сдѣлали его доступнымъ для самыхъ большихъ судовъ.

Наконецъ, нельзя упускать изъ виду, что изъ всѣхъ морей, омывающихъ русскіе берега, только въ Бѣломъ морѣ и въ Сѣверномъ

океанѣ Россія можетъ считать себя полнымъ хозяиномъ, и что только изъ незамерзающихъ водъ Мурмана съ его прекрасными гаванями, окруженными неприступными гранитными скалами, русскій флотъ во всякое время можетъ имѣть свободный выходъ на просторъ открытаго океана и во всѣ страны міра.

Значеніе Сѣвера для Россіи было оцѣнено еще Петромъ Великимъ. Онъ три раза посѣтилъ Архангельскъ, и принятыя имъ мѣры имѣли послѣдствіемъ быстрое развитіе торговли, промысловъ

Архангельскъ. — Поморскія суда на С. Двинѣ.

и судоходства. Край ожилъ и населеніе стало пользоваться благосостояніемъ; на Бѣломъ морѣ постепенно образовался значительный торговый флотъ; благодаря военному порту въ Архангельскѣ, мѣстное населеніе научилось строить прочныя, правильно оснащенныя суда, а мореходныя школы дали знающихъ моряковъ. Такимъ образомъ мѣстными поморами былъ созданъ довольно большой торговый флотъ, и въ наше время поморы на своихъ судахъ ведутъ торговлю съ Норвегіей, плаваютъ даже въ Англію и С.-Петербургъ. Ихъ флотъ. съ развитіемъ отпускной торговли изъ Архангельскаго

порта, могъ бы до нѣкоторой степени устранить господство иностранцевъ въ перевозкѣ грузовъ, конкурировать съ ихъ флотомъ и вообще служить интересамъ русской торговли. По свѣдѣніямъ, собраннымъ по порученію комитета для помощи поморамъ русскаго Сѣвера А. Г. Слезскинскимъ, поморскій флотъ состоитъ въ настоящее время изъ 414 парусныхъ судовъ, вмѣстимостью 20,250 тоннъ и стоимостью около 750,000 рублей [1]).

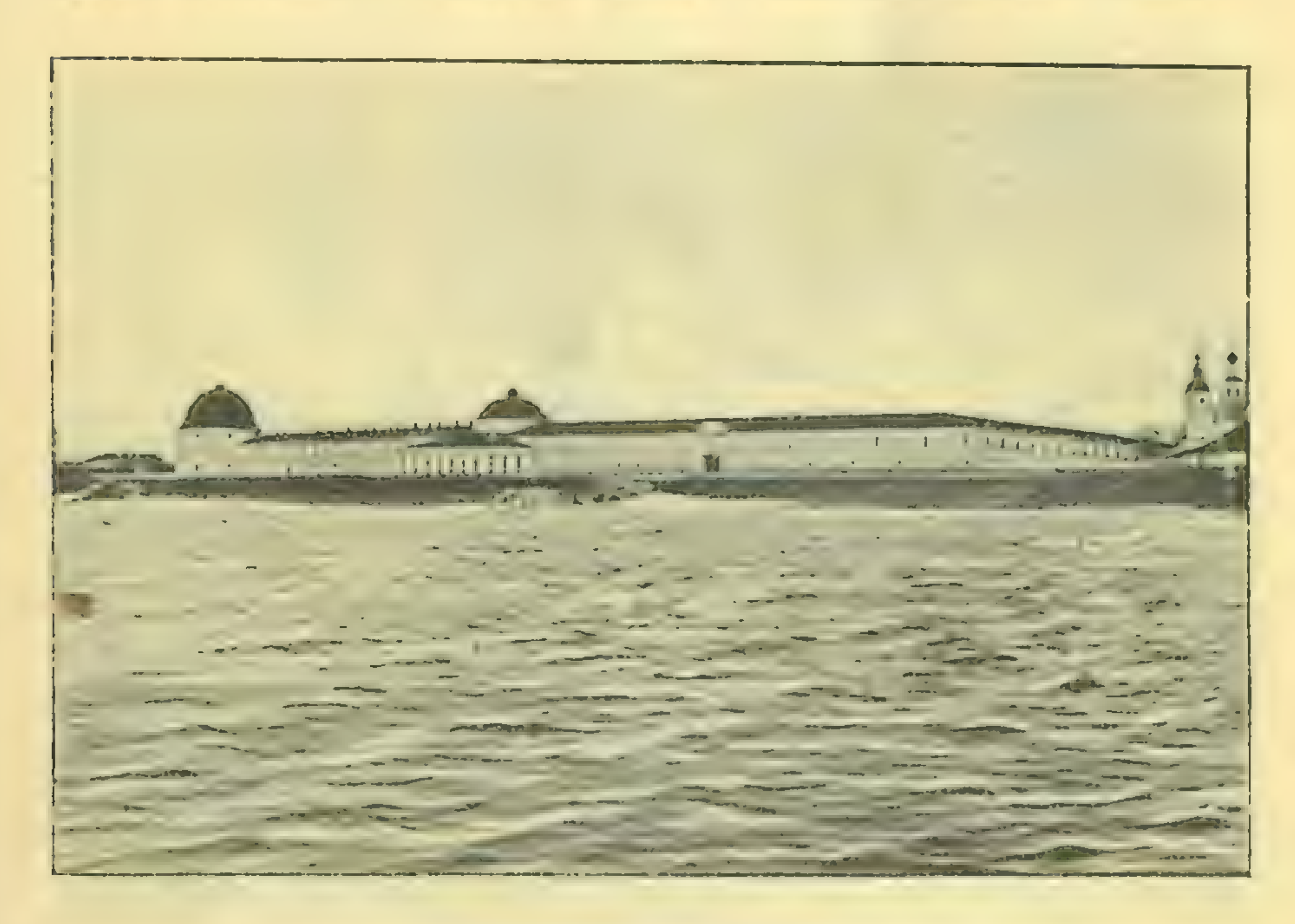
Бѣломорская торговля и промышленная дѣятельность Сѣвера процвѣтала и развивалась, пока пути сообщенія внутри Россіи

Архангельскъ.—1) Присутственныя мѣста. 2) Домъ губернатора. 3) Памятникъ М. В. Ломоносову.

находились въ болѣе или менѣе одинаковыхъ первобытныхъ условіяхъ; произведенія восточной части Россіи—хлѣбъ, ленъ и проч., направлялись къ ближайшему естественному своему порту въ Архангельскъ, а обратно шли продукты рыбнаго и звѣринаго промысловъ. Но, по мѣрѣ распространенія улучшенныхъ путей въ остальной Россіи, кромѣ Сѣвера, удешевленія провозной платы и

[1]) «Бѣломорскій парусный флотъ». С.-Петербургъ. 1896 г.

ускоренія подвоза произведеній поволжскихъ губерній къ портамъ Балтійскаго и Чернаго морей. — Сѣверъ Россіи сталъ терять свое значеніе. Стоитъ только взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, что всѣ желѣзныя дороги, всѣ искуственные водяные пути сообщенія направлены отъ Волги къ Балтійскому и Черному морямъ и къ западной границѣ; Сѣверъ же остался безъ путей сообщенія и совершенно обособленнымъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ рельсовыхъ путей отъ Волги къ Западу, капиталы отшатнулись отъ Бѣлаго моря, торговля и промыслы начали падать, а жители Сѣвера,



Архангельскъ. — Таможня.

несмотря на окружающія ихъ богатства, стали испытывать постоянную нужду.

Географическое положеніе и климатическія условія Сѣвера таковы, что земледѣліемъ населеніе заниматься не можетъ, но оно имѣетъ полную возможность жить и пользоваться даже благосостояніемъ, занимаясь рыбными, звѣриными, лѣсотехническими и горнозаводскими промыслами, судостроеніемъ и торговлею, — конечно, при томъ условіи, чтобы продуктамъ этихъ промысловъ былъ предоставленъ болѣе или менѣе вѣрный, обезпеченный и скорый сбытъ.

Въ Архангельской губерніи трудъ земледѣльца окупается еще кое-какъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ и въ южной части Архангельскаго и Холмогорскаго уѣздовъ. На сѣверѣ Печорскаго, Мезенскаго, Архангельскаго и Кемскаго уѣздовъ и во всемъ Кольскомъ уѣздѣ зерновые хлѣба вовсе не произрастаютъ; въ остальныхъ частяхъ губерніи хлѣбопашество составляетъ лишь незначительное подспорье къ остальнымъ промысламъ.

Для годового продовольствія наличнаго населенія Архангельской губерніи необходимо $3^1/_2$ милліона пудовъ хлѣба, мѣстный же

Архангельскъ. — Нѣмецкая слобода.

урожай въ хорошій годъ даетъ не болѣе $1^1/_2$ милліоновъ пудовъ; слѣдовательно, въ урожайные годы требуется привознаго хлѣба около 2 милліоновъ пудовъ, а въ неурожайные до 3 милліоновъ пудовъ. Сосѣднія Олонецкая и Вологодская губерніи не могутъ снабдить хлѣбомъ Архангельскую губернію, потому что сами нуждаются нерѣдко въ привозномъ хлѣбѣ; поэтому, недостающій хлѣбъ вносится частью изъ Вятской губерніи гужомъ и по притокамъ Сѣверной Двины, частью съ приволжскихъ пристаней отъ Ярославля по Вологодской желѣзной дорогѣ и по рѣкѣ Сухонѣ. Мелко-

ховье Сухоны и другихъ притоковъ Двины, опасность плаванія и разныя задержки представляютъ для хлѣбной торговли значительный рискъ и требуютъ затраты большихъ капиталовъ, притомъ по меньшей мѣрѣ за годъ впередъ. Такія условія хлѣбной торговли даютъ широкій просторъ хлѣбной монополіи и ставятъ населеніе въ зависимость отъ немногихъ хлѣбныхъ торговцевъ. Вслѣдствіе дороговизны провоза и риска, цѣны на хлѣбъ нерѣдко очень высоки. Правда, въ видахъ возможнаго удержанія цѣнъ на хлѣбъ

Архангельскъ. — Смоляной буянъ.

отъ непомѣрнаго повышенія и огражденія населенія отъ недостатка хлѣба, правительствомъ устроены запасные и торговые хлѣбные магазины, но содержаніе этихъ магазиновъ и условія развозки хлѣба по магазинамъ вызываютъ значительные расходы и возвышаютъ стоимость хлѣба.

Дороговизна хлѣба вынуждаетъ промышленниковъ Сѣвера затрачивать большую часть заработка на покупку хлѣба и, отправляясь на промыселъ, запасаться хлѣбомъ нерѣдко въ долгъ по цѣнѣ, еще болѣе высокой.

Крестьянка села Кегострова, Архангельскаго уѣзда.

Крестьянка посада Ненoксы, Архангельскаго уѣзда.

Такимъ образомъ, развитіе торговли, развитіе и усовершенствованіе промысловъ, съ одной стороны, и удешевленіе хлѣба, съ другой—вотъ самыя существенныя потребности Сѣвера. Всѣ мѣропріятія правительства, направленныя для достиженія этой цѣли, не имѣли до сего времени желательныхъ результатовъ и оказывали населенію лишь временную помощь. При новыхъ условіяхъ торговли и промысловъ, въ связи съ огромными разстояніями между промысловыми пунктами, и при краткости времени для производства промысловъ и для производительнаго труда вообще на Сѣверѣ,

Архангельскъ — Буксировка лѣса.

только сооруженіе усовершенствованныхъ путей сообщенія и быстрота сношеній, т.-е. устройство желѣзныхъ дорогъ, расширеніе пароходныхъ сообщеній и устройство телеграфовъ, могутъ возродить благосостояніе и промышленную дѣятельность края и вызвать къ жизни его естественныя богатства.

Живой интересъ къ Сѣверу и милостивое вниманіе къ его нуждамъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III и Императора Николая Александровича ускорили проведеніе въ исполненіе цѣлаго ряда мѣръ, направленныхъ къ экономиче-

скому развитію и возрожденію Сѣвера: въ 1895 году приступлено къ сооруженію желѣзной дороги отъ Вологды до Архангельска[1]), а въ 1896 году отъ Перми на Вятку и Котласъ. Эти дороги соединятъ между собою бассейны рѣкъ Камы, Волги и Двины; Сѣверъ Россіи будетъ обезпеченъ дешевымъ хлѣбомъ, а продукты его промысловъ найдутъ себѣ сбытъ на внутреннихъ рынкахъ; усилится эксплоатація природныхъ богатствъ края и его колонизація; съ другой стороны, произведеніямъ земледѣльческой промышленности сѣверо-восточныхъ приволжскихъ губерній

Холмогорская корова.

и западныхъ губерній Сибири откроются новые рынки какъ на самомъ Сѣверѣ, такъ и за границею черезъ ближайшій Архангель-

[1]) Рельсовый путь отъ Вологды до Архангельска имѣетъ протяженіе 600 верстъ. Возвращаясь въ декабрѣ 1896 г. изъ С.-Петербурга въ Архангельскъ, я отправился по линіи желѣзной дороги и проѣхалъ въ вагонѣ по рельсамъ 360 верстъ и на лошадяхъ 240 верстъ. По ходу работъ на пространствѣ, гдѣ еще не уложенъ рельсовый путь, нужно думать, что весь путь будетъ открытъ для всеобщаго пользованія къ концу 1897 г., несмотря на всѣ трудности, которыя пришлось преодолѣть при проведеніи дороги по необитаемой мѣстности, по дебрямъ, куда ранѣе не вступала человѣческая нога, по тундрамъ и глубокимъ болотамъ, и съ которыми, повидимому, инженеры справились вполнѣ успѣшно.

скій портъ; вмѣстѣ съ тѣмъ возродится упавшая въ послѣднее время торговая дѣятельность Архангельска, на Бѣломъ морѣ усилится кораблестроеніе и существующій уже поморскій торговый флотъ получитъ еще бо́льшее развитіе.

Естественнымъ продолженіемъ рельсовыхъ путей являются пароходныя сообщенія по Бѣлому морю и Сѣверному океану; въ этомъ отношеніи въ послѣдніе два года сдѣлано очень много. Дѣятельность товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства рас-

Желѣзнодорожная насыпь черезъ р. Исакогорку, притокъ С. Двины, близъ Архангельска.

ширена въ значительной мѣрѣ при участіи правительства; въ 1896 году товарищество пріобрѣло шесть новыхъ превосходныхъ пароходовъ, построенныхъ въ Англіи, такъ что всѣ прибрежныя поселенія Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана связаны въ настоящее время пароходными сообщеніями. Въ то же время открыто впервые пароходство отъ Архангельска къ устьямъ рѣки Печоры и вверхъ по Печорѣ на протяженіи около 1,000 верстъ.

Рядомъ съ постройкою рельсовыхъ путей и съ расширеніемъ пароходныхъ сообщеній приступлено къ сооруженію телеграфныхъ

линій, съ одной стороны, на сѣверо-западъ къ Мурманскому берегу до Норвегіи, а съ другой — на востокъ къ Печорѣ. Несмотря на всѣ трудности, которыя приходилось преодолѣвать при постройкѣ телеграфа по необитаемой мѣстности, по тундрамъ и скаламъ Кольскаго полуострова, по непроходимымъ Печорскимъ лѣсамъ, телеграфная линія на протяженіи слишкомъ 1,500 верстъ была построена въ одинъ годъ и въ настоящее время отдаленнѣйшія поселенія на Сѣверѣ: г. Кола, Екатерининская гавань, Печенгскій монастырь и

Видъ тундры и временная дорога.

другія на Мурманѣ, Усть-Цыльма на Печорѣ, пользуются удобствами телеграфнаго и телефоннаго сообщеній.

Наконецъ, въ одной изъ лучшихъ незамерзающихъ бухтъ на Мурманѣ, въ Екатерининской гавани, приступлено къ сооруженію коммерческаго порта. Съ устройствомъ этого порта, въ связи съ развитіемъ пароходства и промышленной дѣятельности на Сѣверѣ, Россія сдѣлается дѣйствительною обладательницею Бѣлаго моря, Сѣвернаго океана и ихъ неисчерпаемыхъ богатствъ.

Само собою разумѣется, что всѣ мои заботы, вся моя дѣятельность были направлены къ тому, чтобы всѣми мѣрами содѣйство-

вать успѣшному и скорѣйшему осуществленію намѣченныхъ мѣропріятій по устройству въ губерніи рельсовыхъ путей, пароходныхъ сообщеній, телеграфовъ и порта на Мурманѣ; все прочее явится само собою и не потребуетъ уже особаго напряженія энергіи, силъ и капиталовъ. Исключительныя мѣстныя условія вызвали во многихъ сомнѣнія въ возможности осуществить сказанныя предположенія, въ виду природныхъ, непреодолимыхъ, будто бы, препятствій. Чтобы лично ознакомиться съ положеніемъ дѣла, я предпринялъ цѣлый рядъ путешествій въ самыя отдаленныя мѣстности губерніи,

Американская землекопательная машина.

какъ, напримѣръ: по Кемскому уѣзду и черезъ Кольскій полуостровъ на Мурманъ до границы Норвегіи; въ Печорскій край, какъ сухимъ путемъ черезъ Мезенскій уѣздъ, такъ и моремъ къ устьямъ р. Печоры; при этомъ на Новую Землю и на Мурманъ моремъ я ѣздилъ нѣсколько разъ. Свои путевыя записки я посылалъ въ журналъ «Русское Судоходство», органъ с.-петербургскаго отдѣленія Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, которое принимало всегда самое живое участіе въ интересахъ нашего Сѣвера и въ послѣдніе годы оказало существен-

ную поддержку поморскому населенію, собравъ по добровольной подпискѣ значительный капиталъ для оказанія помощи семействамъ поморовъ, погибшихъ при кораблекрушеніяхъ. Записки эти печатались въ журналѣ «Русское Судоходство» за 1895 и 1896 гг., въ настоящемъ же изданіи онѣ соединены вмѣстѣ и пополнены нѣкоторыми позднѣйшими данными.

Доходъ, который можетъ получиться отъ этого изданія я предоставляю въ распоряженіе Императорскаго Общества для содѣйствія

Узкоколейная желѣзная дорога системы Деконвилля.

русскому торговому мореходству на снабженіе учебными пособіями мореходнаго класса и класса рыболовства, которые, я надѣюсь, будутъ учреждены при училищѣ въ будущемъ Екатерининскомъ портѣ на Мурманѣ.

Путешествіе въ Кемскій и Кольскій уѣзды.

Цѣль этого путешествія. — Значеніе для Сѣвера посѣщенія Архангельска и Мурмана Министромъ Финансовъ С. Ю. Витте въ 1894 г. — Значеніе телеграфа на Мурманъ. — Условія его устройства. — Соловецкій монастырь. — Островъ Поповъ и его значеніе при проведеніи желѣзной дороги въ Кемь. — Городъ Кемь. — Рѣка Кемь и Подужемскій водопадъ.

ВЪ 1894 ГОДУ Архангельскъ и Мурманское побережье посѣтилъ Министръ Финансовъ С. Ю. Витте. Это путешествіе имѣло огромное значеніе для Сѣвера. С. Ю. Витте лично убѣдился въ государственномъ и экономическомъ значеніи Мурмана, и, благодаря его участію и содѣйствію, многія мѣропріятія, намѣченныя въ интересахъ экономическаго развитія края и сѣверныхъ промысловъ, получили быстрое и благопріятное движеніе. Между прочимъ, С. Ю. Витте была признана и неотложность постройки телеграфной линіи на Мурманъ, о сооруженіи которой я вошелъ съ представленіемъ къ Министру Внутреннихъ дѣлъ тотчасъ по прибытіи моемъ въ Архангельскъ. Вопросъ о постройкѣ телеграфа былъ вскорѣ рѣшенъ и на 1895 г. были уже ассигнованы потребныя для этого суммы. Необходимость сооруженія телеграфа на Мурманъ вызывалась слѣдующими соображеніями: однимъ изъ главныхъ тормозовъ для усиленія колонизаціи Мурманскаго берега и для развитія и усовершенствованія мѣстныхъ

рыбныхъ промысловъ является отсутствіе возможно быстрыхъ сношеній какъ между отдѣльными промысловыми пунктами, такъ и съ главными центрами сбыта предметовъ промысла.

Съ Мурманскимъ берегомъ, Кольскаго уѣзда, прекращаются всякія сношенія, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ: въ октябрѣ, ноябрѣ и съ половины марта до половины мая. Зимою возстановляется почтовое сообщеніе между Колою и Архангельскомъ, по земскому почтовому тракту на Кемь; но этотъ почтовый путь, если и имѣетъ нѣкоторое значеніе въ административномъ отношеніи, то въ торгово-промышленномъ дѣлѣ никакой роли не играетъ. Затѣмъ, правильное и болѣе или менѣе удовлетворительное сообщеніе съ Мурманскимъ берегомъ открывается лишь въ концѣ мая,—съ того времени, когда пароходы товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства имѣютъ возможность выйти изъ Бѣлаго моря,—и продолжается до половины сентября, т.-е. до прекращенія пароходныхъ рейсовъ.

Устройство телеграфной линіи между главными колоніями и становищами по Мурманскому берегу представляется необходимымъ потому, что рыба приплываетъ къ берегамъ не всегда къ однимъ и тѣмъ же мѣстамъ, не въ одинаковомъ количествѣ и не въ одно и то же время. Случается, что въ однихъ становищахъ, за отсутствіемъ хода рыбы, промышленники сидятъ безъ дѣла, тогда какъ въ другихъ, сосѣднихъ, такое изобиліе рыбы, что мѣстные промышленники не въ состояніи наловить ее въ томъ количествѣ, въ какомъ это было бы возможно при бо̀льшихъ силахъ.

Въ Норвегіи, гдѣ всѣ главныя мѣста лова соединены между собою телеграфомъ, какъ только рыба появляется въ такомъ количествѣ, что мѣстныя средства оказываются недостаточными, тотчасъ объ этомъ дается знать другимъ промышленникамъ; немедленно являются пароходы, которые подвозятъ снасти, лодки, бочки, соль, людей и пр. Такимъ образомъ, уловъ получается болѣе обильный, а прибыль отъ промысла распредѣляется болѣе правильно между бо̀льшимъ числомъ промышленниковъ. Въ этихъ случаяхъ необходима поспѣшность еще и потому, что рыба не ждетъ на одномъ мѣстѣ, а черезъ нѣкоторое время исчезаетъ.

Огромное значеніе въ рыбномъ промыслѣ играетъ еще наживка, т.-е. мелкая рыба мойва, которая идетъ на наживленіе крючковъ для приманки крупной рыбы. Если нѣтъ наживки, то сколько бы ни появлялось крупной рыбы, ловъ ея невозможенъ. Между тѣмъ,

и съ наживкою бываетъ то же самое, что и съ крупною рыбою: она появляется то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ; поэтому, для промышленниковъ весьма важно имѣть свѣдѣнія, гдѣ въ данное время есть наживка.

Необходимость соединенія береговой мурманской линіи съ общею телеграфною сѣтью ясна сама собою: самый удачный ловъ трески бываетъ обыкновенно раннею весною, въ то время, когда Бѣлое море покрыто еще льдами и сношенія съ Архангельскомъ невозможны. Между тѣмъ, въ самомъ Архангельскѣ и при посредствѣ архангельскихъ торговцевъ совершаются съ С.-Петербургомъ, Либавою, Гамбургомъ и другими рынками торговыя и кредитныя сдѣлки, зависящія, съ одной стороны, отъ требованій рынка, а съ другой—отъ количества улова. Отъ того или другого количества улова зависитъ также необходимость зафрахтованія судовъ для нагрузки и перевозки рыбы, заготовленіе соли и проч.

Въ настоящее время исканіе рыбы и наживки и вообще все дѣло промысла ведется на удачу, ощупью, на авось. Многіе промышленники при неудачѣ разоряются, а новые появляются на ихъ смѣну не вдругъ, отъ чего промыслы падаютъ, принимаютъ случайный характеръ азартной игры и не могутъ получить должнаго прочнаго развитія. Поэтому, безъ телеграфа на Мурманѣ всѣ усилія къ упорядоченію и развитію рыбныхъ промысловъ и колонизаціи Мурманскаго берега не могутъ имѣть успѣха. Безъ телеграфа нѣтъ никакой возможности вести правильно, съ успѣхомъ, самый промыселъ; въ то же время нельзя ожидать, чтобы и торговля на Мурманѣ упрочилась, получивъ надлежащее направленіе, пока на Мурманѣ не будутъ получаться своевременно свѣдѣнія о требованіяхъ рынка, а въ торговыхъ центрахъ не будутъ знать объ успѣхахъ улова. Устройство же телеграфной линіи вдоль Мурманскаго побережья и отъ Колы до Кеми, въ соединеніи съ общею телеграфною сѣтью Имперіи, совершенно измѣнитъ характеръ рыбныхъ промысловъ на Мурманѣ, послужитъ къ развитію и упроченію этихъ промысловъ, къ развитію колонизаціи по Мурманскому берегу и къ благосостоянію поморскаго населенія Кемскаго, Онежскаго и частью Архангельскаго уѣздовъ, для котораго мурманскіе промыслы составляютъ главный источникъ заработка.

Между тѣмъ, возникъ рядъ вопросовъ о разныхъ техническихъ затрудненіяхъ, на которыя предполагалось натолкнуться при сооруженіи этой линіи. Обыкновенно телеграфъ проводится вдоль

существующихъ уже дорогъ, по мѣстностямъ болѣе или менѣе населеннымъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ и изслѣдованнымъ, тогда какъ телеграфную линію отъ г. Кеми на с. Кандалакшу, далѣе черезъ Кольскій полуостровъ на Колу и вдоль Мурманскаго берега предстояло проложить при исключительныхъ условіяхъ. Грунтовыхъ дорогъ въ указанной мѣстности нѣтъ никакихъ; сообщенія производятся лѣтомъ вдоль морского берега на пароходахъ и лодкахъ, а внутри Кольскаго и Кемскаго уѣздовъ, покрытыхъ почти сплошь озерами, болотами, тундрами, горными хребтами,—частью пѣшкомъ, частью на лодкахъ по озерамъ и рѣкамъ; зимою же путь пролегаетъ по цѣлой цѣпи озеръ и по болотамъ. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ сооруженію телеграфа, представлялось необходимымъ произвести точныя изысканія мѣстности.

Въ виду упомянутыхъ затрудненій, которыя ожидались не только вслѣдствіе топографическихъ особенностей мѣстности, но и по другимъ мѣстнымъ условіямъ, напр., по отсутствію рабочихъ рукъ, а равно съ цѣлью оказать чинамъ телеграфнаго вѣдомства возможное содѣйствіе привлеченіемъ мѣстныхъ силъ къ участію въ работахъ, не требовавшихъ особыхъ техническихъ знаній, я нашелъ необходимымъ лично ознакомиться со всѣми мѣстными условіями и вмѣстѣ съ телеграфными инженерами, командированными главнымъ управленіемъ почтъ и телеграфовъ, объѣхать сперва отъ г. Кеми побережье Кандалакшскаго залива, а затѣмъ пройти весь путь черезъ Кольскій полуостровъ отъ с. Кандалакши до г. Колы и далѣе—до Екатерининской гавани и вдоль Мурманскаго побережья.

Не мудрено было бы, конечно, пройти этотъ путь въ составѣ небольшого числа лицъ, въ качествѣ туристовъ и охотниковъ, къ услугамъ которыхъ всегда нашлись бы проводники и перевозочныя средства по рѣчкамъ и озерамъ, но, имѣя нѣкоторыя данныя предполагать, что намѣченный путь не представляетъ вообще особыхъ, непреодолимыхъ препятствій, и желая выяснить, насколько онъ проходимъ даже лѣтомъ для болѣе значительныхъ партій, я рѣшился взять съ собою, по соглашенію съ военнымъ начальствомъ, охотничью команду Архангелогородскаго резервнаго батальона въ составѣ 15-ти человѣкъ, подъ командою подполковника Чарковскаго. Къ тому же, эта команда, состоявшая исключительно изъ уроженцевъ Архангельской губерніи, Мезенскаго и Печорскаго уѣздовъ, съ малолѣтства сжившихся съ моремъ, лѣсами и тундрами, могла быть полезна инженерамъ при рекогносцировкѣ мѣстности.

12-го іюня 1895 года, на пароходѣ «Чижовъ», я отбылъ изъ Архангельска, въ сопровожденіи инспектора телеграфовъ, дѣйств. ст. совѣтника Корнилова, телеграфныхъ инженеровъ Новицкаго и Менделѣева, чиновника особыхъ порученій Янушковскаго и фотографа Лейцингера.

Послѣ 16-ти часовъ довольно бурнаго плаванія, мы подошли къ Соловецкимъ островамъ и остановились у пристани Соловецкаго монастыря, гдѣ насъ ожидалъ радушный пріемъ, которымъ всегда отличалась эта гостепріимная обитель.

Соловѣцкій монастырь. — Общій видъ монастыря при входѣ въ гавань.

Основателями и покровителями Соловецкой обители считаются преподобные Зосима и Савватій. Первыми перебираются на Соловецкіе острова въ началѣ XV-го вѣка два валаамскихъ инока Савватій и Германъ. Послѣ кончины Савватія прибыли на островъ инокъ Зосима и другіе искатели пустынной жизни и поставили общими силами первую церковь во имя Преображенія Господня. По ходатайству Зосимы, бояре и выборные новгородскіе уступили острова въ пользу вновь образовавшейся Соловецкой обители. При самомъ ея основаніи было введено правильное общежитіе, и обитель съ самаго начала приняла характеръ хозяйственной общины на началахъ нераздѣльности труда и имущества. Іоаннъ III, послѣ занятія

Новгорода, подтвердилъ жалованныя грамоты, данныя обители. Но главнымъ устроителемъ Соловецкаго монастыря былъ другъ дѣтства царя Іоанна Грознаго, боярскій сынъ Θедоръ Колычовъ, впослѣдствіи игуменъ Соловецкій и, наконецъ, митрополитъ Московскій, святитель Филиппъ. Въ его игуменство проведены по острову прекрасныя шоссейныя дороги, которыя существуютъ и понынѣ, озера соединены каналами, а вода проведена въ самый монастырь, построены каменные храмы и разныя монастырскія зданія.

Соловецкій монастырь. — Святыя ворота.

Кромѣ митрополита Филиппа, изъ иноковъ Соловецкаго монастыря вышли извѣстные Θеодоритъ Кольскій и патріархъ Никонъ.

Свой первоначальный характеръ самостоятельной хозяйственной общины Соловецкій монастырь сохранилъ подъ сѣнью свв. Зосимы и Савватія до сихъ поръ. Хотя Соловецкіе острова причислены къ Кемскому уѣзду, но въ предѣлахъ монастырскихъ владѣній нѣтъ никакой свѣтской власти. Несмотря на тысячи пребывающихъ лѣтомъ богомольцевъ, монастырское управленіе умѣетъ сохранить всегда полнѣйшій порядокъ. Строгій порядокъ и хозяйственность

ницы въ всемъ; все, что нужно монастырю, у него свое; монастырь владѣетъ подворьями въ Архангельскѣ, Онегѣ и Сумскомъ посадѣ; для перевозки богомольцевъ у него есть отличные пароходы со всѣми новѣйшими приспособленіями; близъ монастыря устроенъ прекрасный сухой докъ, единственный на всемъ Бѣломъ морѣ. Этимъ докомъ нерѣдко пользуются пароходы товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства и другіе частные пароходы,

Соловецкій монастырь. — Казенная башня.

плавающіе въ Бѣломъ морѣ. При монастырѣ имѣются гостиницы, всевозможныя мастерскія, лѣсопильный заводъ, мукомольная мельница, а погреба, ледники, кладовыя, кухни и пекарни устроены образцово.

Даже огородничество и скотоводство находятся въ такомъ состояніи, что могутъ снабжать монастырь въ достаточной мѣрѣ всякими овощами и молочными продуктами, а это у полярнаго круга, подъ 65° сѣверной широты. Само собою разумѣется, что ловля рыбы, семги и трески организована какъ нельзя лучше.

Я не буду долѣе останавливаться на описаніи монастыря и Соловецкихъ острововъ; благодаря существующимъ многочисленнымъ описаніямъ, всѣ подробности о монастырѣ болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ.

На другой день, напутствуемые настоятелемъ, мы отправились въ дальнѣйшій путь, въ г. Кемь. Пройдя островъ Раибаки, мимо лоцманской станціи, устроенной товариществомъ Кемскихъ лѣсопильныхъ заводовъ, пароходъ прошелъ по отлично обставленному

Соловецкій монастырь. — Сухой докъ.

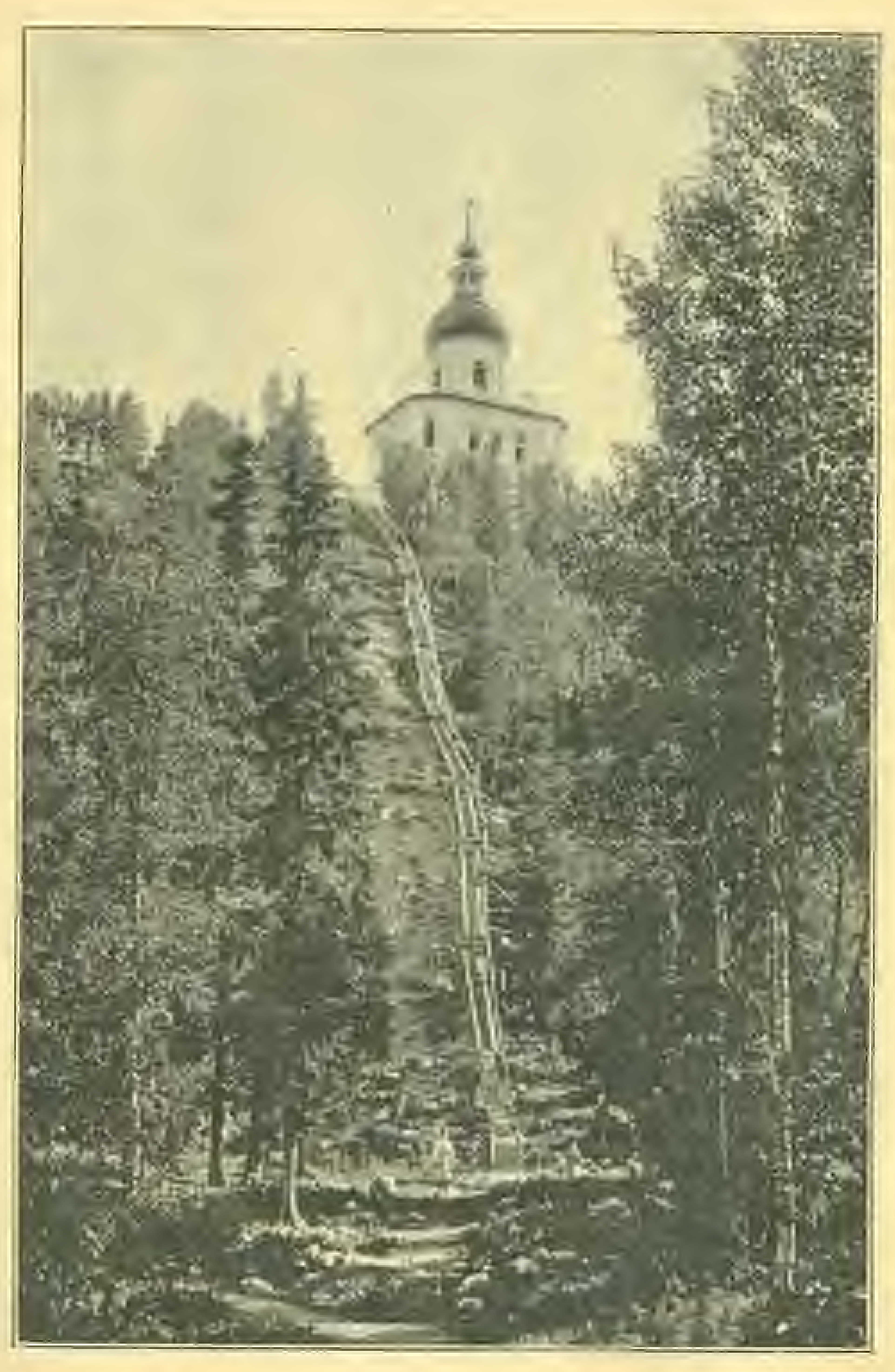
тѣмъ же товариществомъ фарватеру и остановился у острова Попова, на которомъ расположенъ заводъ товарищества. Навстрѣчу намъ выѣхалъ на паровомъ катерѣ одинъ изъ хозяевъ завода, В. В. Гувелиусъ, вмѣстѣ съ управляющимъ заводомъ, г. Гехлержановъ, и пригласилъ насъ осмотрѣть заводъ.

Островъ Поповъ получитъ, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ выдающееся значеніе. Нужно думать, что недалеко то время, когда будетъ приступлено къ сооруженію желѣзной дороги отъ С.-Петербурга на Петрозаводскъ и Кемь. Произведенныя въ 1895 г. изысканія по этому направленію показали, что проведеніе здѣсь рель-

соваго пути возможно и не представляетъ какихъ-либо непреодолимыхъ препятствій. Проходя частью по густонаселенной мѣстности, между С.-Петербургомъ и Петрозаводскомъ, по мѣстности, богатой желѣзною рудою, алебастромъ и проч., и соединяя Бѣлое море съ Балтійскимъ, эта линія откроетъ широкій сбытъ рыбному богатству Бѣлаго моря, дастъ толчекъ желѣзодѣлательному производству, эксплоатаціи мѣстнаго мрамора и гипса, и послужитъ къ развитію и совершенствованію мѣстныхъ промысловъ и съ тѣмъ

Соловецкій монастырь. — Макаріевская пустынь.

вмѣстѣ къ экономическому благосостоянію края. Всѣ эти данныя даютъ право разсчитывать на то, что и въ финансовомъ отношеніи эта дорога окажется вполнѣ состоятельною, тѣмъ болѣе, что рано или поздно представится неизбѣжнымъ соединить г. Кемь рельсовымъ путемъ съ Сѣвернымъ океаномъ, черезъ г. Колу и строящійся нынѣ Екатерининскій портъ. Въ случаѣ проведенія желѣзной дороги до Кеми, ее необходимо будетъ продолжить до острова Попова на протяженіи около 10-ти верстъ, такъ какъ между этимъ островомъ и сосѣднимъ Якъ-островомъ существуетъ удобная, естественная, защищенная отъ вѣтра гавань. Океанскіе пароходы съ



Соловецкій монастырь. — Сѣкирная гора.

осадкою до 25-ти футовъ подходятъ къ самой пристани острова, далѣе же отъ Попова острова до города Кеми можно ѣхать только на пароходахъ съ незначительною осадкою.

Я объѣхалъ на лодкѣ весь островъ и отдѣляющій его отъ матерника проливъ и убѣдился, что при отливѣ этотъ проливъ совсѣмъ осыхаетъ и можетъ быть засыпанъ, такъ что желѣзную дорогу можно будетъ безъ особыхъ затрудненій довести до самой пристани на островѣ. Это представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что по всему побережью Бѣлаго моря отъ г. Онеги до г. Кеми нѣтъ ни одной болѣе или менѣе сносной гавани. Въ виду отмелыхъ береговъ, пароходы вынуждены останавливаться, напримѣръ, въ такихъ многолюдныхъ поселеніяхъ, какъ Сумскій посадъ и с. Сорока, за 10 верстъ на рейдѣ, при чемъ нерѣдко, въ случаѣ бурной погоды, не представляется даже возможности съѣхать на берегъ въ шлюпкахъ, такъ какъ всѣ эти гавани не защищены отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Обходя островъ, я вспугивалъ многочисленныя стада гагъ и нашелъ нѣсколько гагачьихъ гнѣздъ. Гага водится на всѣхъ островахъ Поморья, но, къ сожалѣнію, мѣстные жители преслѣдуютъ эту птицу изъ-за вкуснаго мяса и хищнически разоряютъ ея гнѣзда изъ-за драгоцѣннаго пуха и замѣчательно вкусныхъ яицъ. Тамъ, гдѣ гагу не преслѣдуютъ и не разоряютъ ея гнѣздъ, какъ, напримѣръ, въ Норвегіи, она дѣлается почти ручною, и гагачій пухъ, выбранный изъ гнѣздъ въ то время, когда это не вредитъ выводу птенцовъ, составляетъ предметъ довольно значительнаго промысла. У береговъ острова водятся самые разнообразные сорта рыбъ: семга, сельдь, треска, навага, камбала, зубатка, сиги, кярчи и проч. Замѣтивъ неподалеку отъ берега заброшенную сѣть и вынувъ ее изъ воды, мы вытащили изъ нея цѣлую кучу разной рыбы: десятка два-три сиговъ, камбалъ и особенно много кярчи и пинагора. Мѣстные жители не ѣдятъ кярча и пинагора, а сушатъ эти рыбы въ громадномъ количествѣ на солнцѣ и затѣмъ кормятъ ими зимою рогатый скотъ.

Ознакомившись съ положеніемъ острова Попова и Якъ-острова, я поѣхалъ на паровой шлюпкѣ, предоставленной въ мое распоряженіе г. Гуведякенымъ, въ г. Кемь. Въ этомъ городкѣ въ настоящее время числится жителей: мужчинъ 960, женщинъ 1,170, всего 2,130 человѣкъ. Окружающая мѣстность состоитъ изъ сплошныхъ камней, весь городъ построенъ на сплошномъ гранитѣ. Рѣка

Кемь, пробираясь между камнями, образуетъ множество пороговъ и водопадовъ, а подъ самымъ городомъ она съ шумомъ падаетъ съ порога въ довольно обширный бассейнъ. Неумолкаемый шумъ стоитъ въ городѣ отъ порога и нѣсколько ослабѣваетъ во время морского прилива, когда вода наполняетъ бассейнъ до самыхъ краевъ: съ отливомъ камни въ порогѣ обнажаются и шумъ снова несется на весь городъ.

Городъ Кемь.

По свидѣтельству Соловецкой лѣтописи, въ XV-мъ вѣкѣ Кемь принадлежала именитой новгородской посадницѣ Марѳѣ Борецкой. Въ 1450 г. она подарила эту волость вмѣстѣ съ другими Соловецкому монастырю. Въ городъ Кемь переименована по указу Императрицы Екатерины II въ 1785 году, а въ 1802 году Кемь присоединена къ Архангельской губерніи. Хотя и въ настоящее время Кемь считается центромъ промышленной дѣятельности всего Поморскаго края, тѣмъ не менѣе это—бѣдный уѣздный городокъ, котораго, впрочемъ, ожидаетъ, по всей вѣроятности, болѣе блестящая будущность съ проведеніемъ сюда желѣзной дороги, съ одной стороны, отъ С.-Петербурга, а съ другой — отъ Мурмана.

Изъ Кеми я поѣхалъ вверхъ по рѣкѣ, частью на лодкахъ, частью верхомъ, въ обходъ пороговъ, до села Подужемья, расположеннаго въ 18-ти верстахъ отъ города. Неподалеку отъ села находится замѣчательно красивый порогъ, получившій названіе Подужемскаго водопада. Рѣка несется здѣсь со страшнымъ шумомъ съ высоты 15-ти футовъ и, падая двумя уступами, разбивается на нѣсколько рукавовъ между выдвинутыми въ порогѣ скалами, покрывая при этомъ пѣною рѣку во всю ея ширину. Шумъ отъ водопада настолько силенъ, что почти всѣ жители села очень туги на ухо. Многія лица изъ числа видѣвшихъ водопадъ Иматру въ Финляндіи и Подужемскій

Городъ Кемь.

водопадъ утверждаютъ, что послѣдній представляетъ болѣе интересное и величественное зрѣлище, чѣмъ Иматра. У порога устроенъ заборъ для ловли семги. Заборъ устраивается изъ бревенъ, укрѣпленныхъ въ дно; въ заборѣ оставляется отверстіе, въ которое вставляется большая сѣтка — «морда». На заборѣ устроены подмостки, съ которыхъ поднимаютъ и опускаютъ сѣти по блокамъ. Въ моемъ присутствіи были выловлены двѣ семги, вѣсомъ около 25-ти фунтовъ каждая, при чемъ онѣ сильно бились въ сѣткѣ, блестя на солнцѣ своею серебристою чешуею; удержать въ рукахъ живую семгу нѣтъ возможности, такъ сильны и порывисты ея движенія. Извѣ-

стно, что рыба эта ежегодно оставляетъ море и входитъ въ рѣки, а изъ рѣкъ и въ озера, пробираясь вверхъ по теченію черезъ высокіе пороги. Преодолѣвая страшную быстроту, она подвигается все впередъ и впередъ, перескакивая даже черезъ камни. Перезимовавъ въ рѣкахъ и озерахъ, семга превращается въ такъ-называемую лоховину, красный цвѣтъ ея мяса переходитъ тогда въ блѣдно-розовый, при чемъ она теряетъ свой вкусъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ

Подужемскій водопадъ.

и цѣну. Обратившись въ лоха, семга становится вялою и тощею, на кожѣ образуются темныя пятна, а на концѣ нижней челюсти вырастаетъ крюкообразная кость.

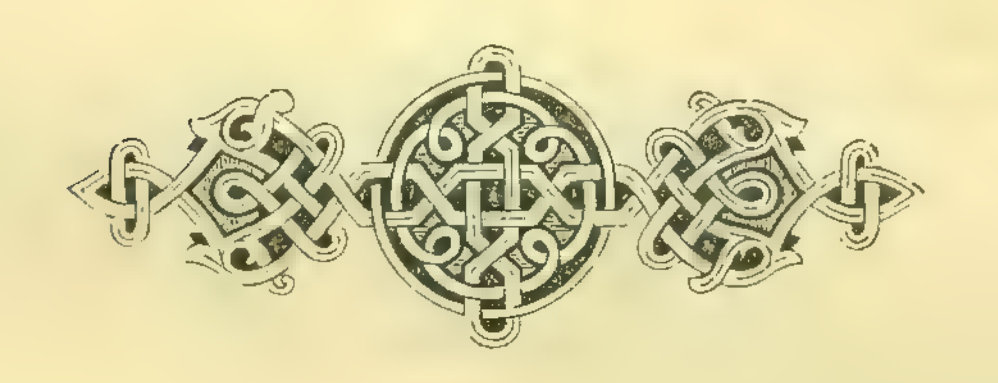
Отъ водопада я поѣхалъ внизъ по рѣкѣ въ лодкѣ и спустился къ селу Подужемью не безъ нѣкотораго страха, по довольно крутому порогу, изъ котораго лодку съ неимовѣрною быстротою вынесло на спокойное и широкое плёсо рѣки. Рулевымъ и гребцами въ лодкѣ были только бабы; смѣлость и ловкость, съ которыми онѣ управляли лодкою, изумительны, — при малѣйшей оплошности лодка

могла удариться о камень, и тогда, конечно, прощай: выбраться живымъ изъ такого омута невозможно. Какъ-то неловко было передъ бабами отказаться отъ предложенной прогулки по порогу, но въ другой разъ безъ особой надобности я постараюсь избѣгать такихъ поѣздокъ. Когда мы уже плыли по безопасному мѣсту, наши гребцы разсказали намъ, что на-дняхъ въ порогѣ разбило лодку съ шестью человѣками, — двое какъ-то выкарабкались, а четверо такъ и погибли. Въ утѣшеніе онѣ прибавили, что это случается

Рѣка Кемь у села Подужемья.

очень рѣдко. Въ селѣ Подужемьѣ мнѣ представилось все мѣстное начальство: единственный мужчина волостной старшина, десятскіе же и старосты — бабы, наряженныя въ должностные знаки; мужчинъ не было дома никого, всѣ до единаго ушли на промыслы. Село Подужемье довольно зажиточное, населено корелами, жители промышляютъ преимущественно семгою и занимаются судостроеніемъ. Подужемцы строятъ суда для поморскихъ промышленниковъ и считаются лучшими строителями парусныхъ судовъ и карбасовъ во всемъ Поморьѣ. Проходя на обратномъ пути по берегу рѣки, я замѣтилъ, что изъ дупла дерева, нависшаго надъ

рѣкою, вылетѣла утка; заглянувъ въ дупло, я увидѣлъ тамъ свитое гнѣздо и утиныя яйца. Оказывается, что по порожистымъ рѣкамъ Кемскаго и Кольскаго уѣздовъ водится особая порода утокъ, которыя всегда устраиваютъ гнѣзда на деревьяхъ. Мѣстные жители пользуются ихъ способностью нести неимовѣрное количество яицъ, устраиваютъ для нихъ на деревьяхъ особыя помѣщенія и выбираютъ оттуда по нѣскольку разъ въ весну вкусныя ихъ яйца. Утка этимъ не смущается, наноситъ еще яицъ, и, когда высидитъ птенцовъ, то вытаскиваетъ изъ только-что вылупившихся яицъ утятъ и спускаетъ ихъ въ воду.



Корела или Корелія.

Пространство и населеніе Кемскаго уѣзда. — Историческія свѣдѣнія о корелахъ. — Пространство, занимаемое нынѣшнею Кореліею. — Поверхность. — Пути сообщенія. — Земледѣліе. — Подсѣчное хозяйство. — Лѣсной промыселъ. — Рыболовство. — Охота. — Извозъ. — Разносная торговля. — Расположеніе деревень. — Жилища. — Одежда. — Пища. — Языкъ.

РЕЖДЕ чѣмъ продолжать разсказъ о дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи, я полагалъ бы не безынтереснымъ предпослать здѣсь краткій историческій и этнографическій очеркъ Кореліи и Поморья, составляющихъ Кемскій уѣздъ.

Площадь Кемскаго уѣзда занимаетъ пространство въ 737 квадр. миль, что составляетъ 36,110 квадр. верстъ или 3.755,000 десятинъ. Къ 1-му января 1895 г. въ Кемскомъ уѣздѣ числилось жителей: мужчинъ 17,690, женщинъ 19,230, всего 36,920 человѣкъ. Изъ нихъ, русскихъ 14,420 и кореляковъ 22,500 человѣкъ. Раскольниковъ насчитывается 2,500 человѣкъ. Остальное населеніе считается православнымъ.

Корелы, довольно многочисленное финское племя, занимало въ прежнія времена до XIV-го вѣка бо́льшую часть юго-западнаго берега Бѣлаго моря и распространялось далѣе на востокъ до береговъ Сѣверной Двины. Доказательствомъ этому служитъ то, что береговая полоса Кемскаго уѣзда называется Корельскимъ берегомъ; изъ четырехъ устьевъ Сѣверной Двины одно долго называлось Ко-

рельскимъ; на берегу Бѣлаго моря, у Корельскаго устья, стоитъ понынѣ Корельскій Никольскій монастырь, изъ исторіи котораго видно, что онъ былъ основанъ въ 1110 году преподобнымъ Евѳиміемъ среди кореловъ, живившихъ тогда по морскому побережью между русскими поселенцами и, по грамотамъ Соловецкаго монастыря, извѣстныхъ подъ названіемъ корельскихъ дѣтей; среди архангельскихъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ очень часто попадается фамилія Корельскій. Съ наплывомъ къ берегамъ Бѣлаго моря русскихъ поселенцевъ, корелы отчасти смѣшались съ русскими и уте-

Кемскій заливъ.

ряли свою племенную связь, частью отодвинулись въ предѣлы нынѣшней Кореліи и въ свою очередь отодвинули далѣе на сѣверъ, въ Кольскій полуостровъ, лопарей, которые занимали прежде сѣверную часть Кемскаго уѣзда, заселенную нынѣ корелами. Съ другой стороны, есть основаніе предполагать, что корелы были распространены далеко на западъ, до береговъ Ботническаго и Финскаго заливовъ, и именовались тамъ квенами, такъ какъ шведскіе и финскіе квены и донынѣ говорятъ на корельскомъ языкѣ. По скандинавскимъ сказаніямъ, подъ названіемъ Коріоландіи и

Квенландіи» разумѣется страна между Финскимъ заливомъ и Бѣлымъ моремъ. О корелахъ упоминается еще въ IX-мъ столѣтіи: норманскій король Эрикъ Эмундсонъ, умершій въ 882 г., проникалъ до Кореліи; въ 877 г. Торольфъ Квельдуфсонъ, воевода короля Гарольда Гарфагара, разбилъ кореловъ. Въ XII-мъ вѣкѣ корелы участвовали въ ополченіи кн. Изяслава и Ростислава Мстиславичей и, кромѣ того, вмѣстѣ съ новгородцами неоднократно воевали съ емью — другимъ финскимъ племенемъ. Съ XIV-го вѣка корелы стали орудіемъ вражды между русскими и шведами и принуждены были нерѣдко вести междоусобную войну. Такъ, въ 1592 г. шведы съ финляндцами произвели жестокое нападеніе на Поморье и опустошили всю страну, которую занимали тогда корелы.

Рѣка Кемь.

Въ настоящее время Корела занимаетъ западную часть Кемскаго уѣзда и граничитъ: съ сѣвера Русскою Лапландіей, съ сѣверо-востока, востока и юго-запада — поморскими волостями, съ юга и юго-запада—Олонецкою губерніею, а съ запада—Финляндіей. Она заключаетъ въ себѣ слѣдующія 12 волостей: Тунгудскую, Лѣтнеконецкую, Подужемскую, Маслозерскую, Поньгскую.

Кондокскую, Вокнаволоцкую, Ухтинскую, Тихтозерскую, Кестенгскую, Вычетайбольскую и Олангскую.

Вся Корелія покрыта множествомъ озеръ, изъ которыхъ берутъ начало всѣ рѣки, впадающія въ Бѣлое море. Нѣкоторыя рѣки представляютъ сплошную цѣпь озеръ; такъ, напр., рѣка Кемь, протекая черезъ всю Корелу отъ границы Финляндіи, проходитъ черезъ Ветозеро, Кирозеро, Верховье, Орелъ, Верхнее, Среднее и Нижнее Кунто. Берега Кеми каменисты, особенно ближе къ морю; на всемъ ея теченіи встрѣчаются пороги. Главнѣйшія озера въ Корелѣ слѣдующія: озеро Кунто, состоящее изъ трехъ озеръ — Верхняго, Средняго и Нижняго, длина его 115 вер. и ширина отъ 5 до 15 вер., глубина Средняго Кунто до 50 саж.; Топозеро, длиною 80 вер., шириною отъ 3 до 18 вер. и глубиною до 40 саж.; Пявозеро, длиною 60 вер., шириною до 30 вер. и глубиною до 25 саж.; Ковдозеро, до 60 вер. длины и до 40 ширины.

Поверхность Корелы холмистая и болотистая. Холмы песчаные и каменистые. Нерѣдко попадаются на значительномъ протяженіи каменные кряжи. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ поверхность болѣе камениста. Горы и берега рѣкъ и озеръ къ сѣверу и сѣверо-востоку круты, къ югу и юго-западу болѣе покаты. Климатъ суровый и сырой; значительное число топкихъ и глубоко промерзающихъ болотъ служитъ причиною холодныхъ тумановъ и раннихъ осеннихъ морозовъ; морозы-утренники обыкновенно начинаются въ срединѣ августа, а первый снѣгъ выпадаетъ въ концѣ сентября и въ началѣ октября.

Флора и фауна въ Корелѣ мало отличается отъ флоры и фауны другихъ приморскихъ мѣстностей губерніи.

Лѣтніе пути сообщенія въ Корелѣ самые первобытные. Колесныхъ дорогъ вовсе нѣтъ, по большей части приходится ѣхать по озерамъ и порожистымъ рѣкамъ, а болѣе опасные пороги обходить пѣшкомъ, пробираясь по камнямъ; между многими деревнями существуетъ исключительно пѣшій путь, гдѣ путнику приходится балансировать по жердочкамъ, проложеннымъ черезъ болота. Чиновнику, желающему, напримѣръ, посѣтить Корельскія волостныя правленія, нужно сдѣлать 113 вер. пѣшкомъ, 169 вер. верхомъ, 838 вер. въ лодкѣ, всего 1,120 верстъ.

Главныя занятія населенія корельскихъ волостей: земледѣліе, вырубка, вывозка и сплавъ лѣса для лѣсопильныхъ заводовъ, ловля рыбы въ мѣстныхъ рѣкахъ и озерахъ, извозъ, лѣсная охота, а изъ

отхожихъ промысловъ—разносная торговля въ Финляндіи и отчасти ловля сельдей въ Кандалакшскомъ заливѣ.

Суровыя климатическія условія не обезпечиваютъ труда земледѣльца; весенніе холода задерживаютъ посѣвы и ростъ ихъ, а ранніе заморозки въ началѣ августа нерѣдко уничтожаютъ урожай. Почва требуетъ сравнительно бóльшаго удобренія, между тѣмъ развитію скотоводства препятствуетъ недостатокъ сѣнокосовъ и недоброкачественность травъ. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ населеніе собираетъ хлѣба на продовольствіе лишь въ теченіе 3—5-ти мѣсяцевъ; остальное же время года оно вынуждено питаться покупнымъ хлѣбомъ, а въ неурожайные годы, какъ, напримѣръ, 1891—92 гг., почти круглый годъ. Изъ зерновыхъ хлѣбовъ сѣются рожь и ячмень; урожай рѣдко достигаетъ самъ 6. Изъ овощей растутъ картофель и рѣпа. За отсутствіемъ достаточнаго количества удобренія, корелы почти не пользуются дарованнымъ населенію Архангельской губерніи правомъ расчистки земель на 40-лѣтнемъ правѣ пользованія, тѣмъ болѣе, что вблизи поселеній по большей части нѣтъ удобныхъ мѣстъ для расчистокъ, а таковыя разбросаны клочками на далекомъ пространствѣ. Старожилы-корелы, вспоминая время, когда они безпрепятственно разрабатывали въ лѣсахъ подсѣки, т.-е., срубая и сжигая лѣсъ на извѣстномъ пространствѣ, засѣвали его почти безъ всякой обработки и, снявъ одинъ и рѣдко два урожая, бросали эти мѣста и переходили на другія,—говорятъ, что тогда у нихъ хлѣба было вдоволь, такъ какъ урожай на подсѣкахъ въ благопріятные годы давалъ самъ 40—50, и если бы имъ и нынѣ было предоставлено это право, то они были бы всегда съ хлѣбомъ. Расчистку подсѣкъ они считаютъ возможнымъ производить на прежнихъ подсѣкахъ, заброшенныхъ лѣтъ 25—35 назадъ, и вообще на мѣстахъ, гдѣ лѣсъ не достигъ крупныхъ размѣровъ. Вообще земледѣліе въ Кемскомъ уѣздѣ, при мѣстныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, можетъ вознаграждаться только при системѣ подсѣчнаго хозяйства.

Вырубка, вывозка и сплавъ бревенъ для лѣсопильныхъ заводовъ и прочія при этомъ работы составляютъ въ настоящее время главный мѣстный заработокъ для населенія.

Рыболовство въ рѣкахъ и озерахъ приноситъ небольшой доходъ, такъ какъ вылавливаемая рыба большею частью идетъ для мѣстнаго потребленія и только небольшая часть ея продается скупщикамъ.

Лѣсная охота, съ изданіемъ закона 1892 г., запрещающаго ловлю птицъ петлями, силками, пастями и проч., почти вовсе прекратилась, такъ какъ кореляки не имѣютъ хорошихъ ружей и довольствуются кремневыми винтовками. Впрочемъ, нужно думать, что этотъ довольно прибыльный промыселъ находится въ застоѣ лишь временно, пока населеніе не обзаведется лучшими ружьями, и будетъ даже болѣе выгоднымъ, чѣмъ при прежнемъ хищническомъ и непроизводительномъ уничтоженіи дичи, такъ какъ при правильной, своевременной охотѣ дичь, несомнѣнно, размножится въ огромныхъ лѣсныхъ пространствахъ уѣзда. Съ промысломъ птицы совпадаетъ время охоты и на лѣсныхъ звѣрей, изъ коихъ корелы охотятся только на бѣлку, рѣдко на лисицу, а охота на медвѣдей составляетъ случайность.

Извозомъ населеніе занято съ половины декабря до половины марта, перевозя хлѣбъ изъ города Кеми и села Керети во внутреннія волости Кореліи.

Промысломъ семги, сельдей и отчасти морскихъ звѣрей занимаются только тѣ кореляки, которые проживаютъ въ приморскихъ волостяхъ—Керетской и Поньгамской. Вылавливаемая сельдь сбывается въ соленомъ видѣ въ Архангельскъ, во время навигаціи, въ боченкахъ до 30-ти фунтовъ вѣсомъ, мѣстнаго издѣлія; но солится, къ сожалѣнію, не прочно, почему сельдь не можетъ долго сохраняться, а потому и цѣнится на рынкѣ дешево.

Корелы съ давнихъ временъ занимаются разносною торговлею въ сосѣдней Финляндіи; торговля эта въ былыя времена, когда въ финляндскихъ поселеніяхъ не было мѣстныхъ торговцевъ, давала хорошій заработокъ. Въ послѣднее же время эта торговля съ каждымъ годомъ падаетъ, такъ какъ финляндцы сами открыли лавки почти въ каждомъ приходѣ, и потому еще, что разносная торговля въ Финляндіи нынѣ запрещена. Впрочемъ, корелы, по привычкѣ, продолжаютъ торговать контрабандно, при чемъ нерѣдко попадаются и товаръ ихъ подвергается конфискаціи.

Вообще экономическое положеніе кореляковъ не завидное и пришло въ послѣднее время въ упадокъ, вслѣдствіе измѣнившихся условій жизни, къ которымъ кореляки, по своей неразвитости, примѣняются довольно туго.

Корельскія деревни расположены по берегамъ рѣкъ и озеръ, имѣющимъ покатость къ югу и юго-западу. Въ этихъ деревняхъ, особенно въ обществахъ, пограничныхъ съ Финляндіей, дома раз-

брошены на пространствѣ двухъ, трехъ и болѣе верстъ. Ближе къ Поморью — деревни сплошныя.

Особенность корельскихъ домовъ та, что они построены глаголемъ. Войдя черезъ ворота въ сѣни, вы поднимаетесь вверхъ по лѣстницѣ. Налѣво большею частью дверь въ чистую избу, а направо — сѣни, въ родѣ коридора, отдѣляющія избу отъ повѣти. Въ нижнемъ этажѣ помѣщеніе для скота и хлѣвы для овецъ. Внутреннее устройство и убранство избы незатѣйливое. Русская печь вылѣплена изъ глины, потому что нигдѣ въ Корелѣ не выдѣлываютъ кирпича, а основаніе ея сдѣлано изъ булыжнаго камня. Въ про-

Село Умба, на Терскомъ берегу.

тивоположномъ углу — образа, старые и безъ особенныхъ украшеній; встрѣчаются также мѣдные складни. Вокругъ стѣнъ лавки, къ печи придѣлана обширная деревянная лежанка, на которой спятъ. Въ болѣе богатыхъ избахъ большею частью есть кровати и иногда и нѣсколько стульевъ; въ углу шкапикъ для посуды. Домашняя утварь корелки очень бѣдна: во многихъ домахъ, кромѣ котелка, висящаго на очагѣ, нѣсколькихъ ложекъ и ухвата, почти не найдется другой утвари; глиняной посуды мало, такъ какъ она не выдѣлывается въ Корелѣ, а привозится изъ Архангельска. За неимѣніемъ кринокъ, молоко ставятъ въ печь даже въ бере-

стяныхъ коробкахъ. Самоваръ и посуда къ нему, а также ножи и вилки, есть только у зажиточныхъ.

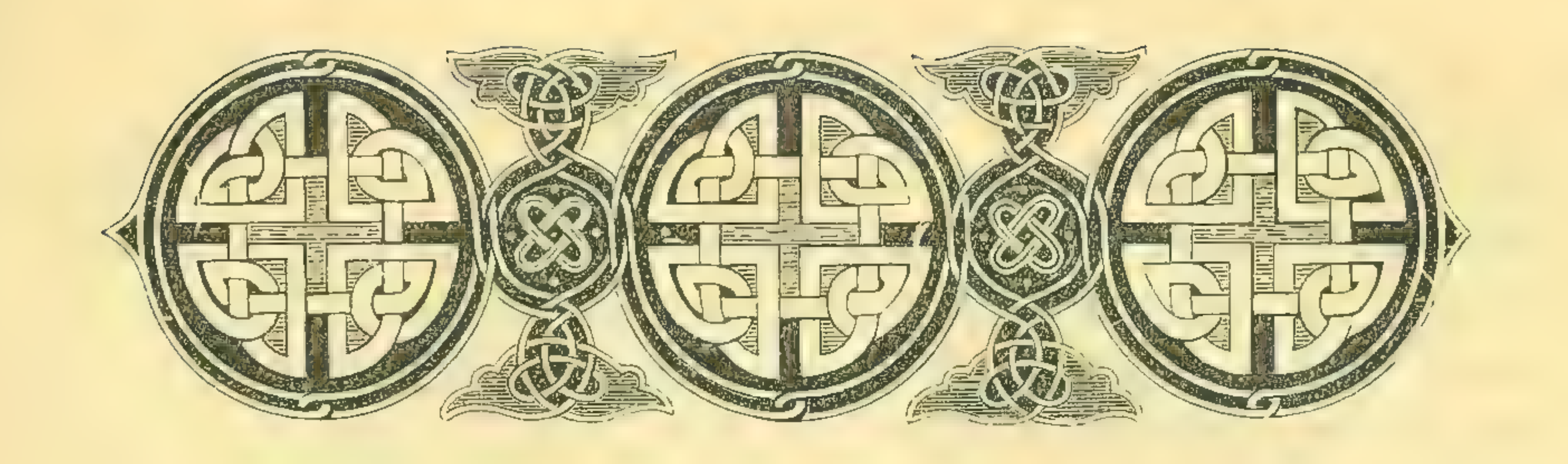
Обыкновенная одежда мужчинъ слѣдующая: бѣлье изъ толстаго холста, верхняя одежда изъ сѣраго сукна, по покрою близко подходящая къ малороссійской свитѣ, сапоги изъ невычерненной кожи (упаки), по покрою похожіе на кожаные лапти съ голенищами. На головѣ носятъ что̀ попало: и фуражки, и шляпы, и мѣховыя шапки. Женщины носятъ бѣлье изъ толстаго же холста, сарафанъ изъ пестряди или набойки и такую же, какъ у мужчинъ, свиту. Обувь составляютъ башмаки. Головной уборъ состоитъ изъ платковъ или повязокъ. Праздничное платье у зажиточныхъ мужчинъ — свита изъ синяго сукна или изъ плису; молодежь, занимающаяся торговлею съ Финляндіей, одѣвается по-городски. Праздничный нарядъ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ — коленкоровая рубаха, ситцевый или кумачный съ позументами сарафанъ. Дѣвушки на головѣ носятъ повязки, въ родѣ малороссійской стрички, а женщины —повойникъ (сороку). Зимою одежду составляютъ полушубки, большею частью изъ домашнихъ овчинъ.

Хлѣбъ безъ всякой примѣси составляетъ достояніе только зажиточныхъ, большинство же примѣшиваютъ къ мукѣ кору и солому. Главная пища кореляковъ—уха или, какъ они ее называютъ, щи изъ рыбы. По праздникамъ пекутъ пироги изъ рыбы, называемые рыбниками. По постнымъ днямъ ѣдятъ соленые грибы (грузди и волнухи), пареную рѣпу и картофель. При хорошихъ урожаяхъ варятъ нѣчто въ родѣ браги; водку пьютъ рѣдко — во всей Кореліи нѣтъ ни одного кабака; чай и кофе пьютъ только зажиточные; кофе кореляки очень любятъ, особенно тѣ, которые живутъ ближе къ Финляндіи.

Ростомъ и тѣлосложеніемъ кореляки мало отличаются отъ русскихъ. Глаза большею частью голубые, а волосы русые и частью рыжеватые; лобъ не высокъ, волоса подстрижены на лбу вровень съ бровями, а на вискахъ и затылкѣ—съ нижнею оконечностью уха.

Корельскій языкъ похожъ на финскій, такъ что бывшій со мною чиновникъ особыхъ порученій Янушковскій, знающій финскій языкъ, легко объяснялся съ кореляками. Корельскихъ народныхъ пѣсенъ вовсе нѣтъ; въ ближайшихъ къ Финляндіи мѣстахъ поютъ финляндскія плясовыя пѣсни, длинныя и однообразныя; поютъ ихъ не звучно, такъ что это пѣніе приближается болѣе къ речитативу; въ ближайшихъ къ Поморью мѣстахъ поютъ русскія пѣсни.

Кореляки, живущіе въ ближайшихъ къ русскому населенію обществахъ, знаютъ русскій языкъ, но между собою говорятъ по-корельски. Между кореляками, живущими ближе къ Финляндіи, весьма немногіе мужчины говорятъ по-русски, огромное же большинство ихъ вовсе не знаетъ русскаго языка.



Поморье.

Волости Кемскаго уѣзда съ поморскимъ населеніемъ. — Историческій очеркъ заселенія береговъ Бѣлаго моря выходцами изъ Новгорода. — Поморы. — Поморскіе промыслы, ловъ семги, сельди, наваги.—Судостроеніе.—Выборъ направленія Мурманской телеграфной линіи и способъ ея устройства.—Село Кереть.—Ловля жемчуга.—Село Ковда.—Заводъ Русанова.—Село Кандалакша.—Исторія серебро-свинцовыхъ рудниковъ.

СОВЕРШЕННУЮ противоположность кореламъ представляютъ по характеру и образу жизни поморы, населяющіе по берегамъ Бѣлаго моря слѣдующія волости Кемскаго уѣзда: Нюхотскую, Сороцкую, Лапинскую, Поньгамскую, Керетскую, Ковдскую и Кандалакшскую.

Потомки вольнолюбивыхъ новгородцевъ, поморы до сихъ поръ еще сохранили духъ предпріимчивости, необузданности и смѣлости своихъ предковъ.

Движеніе новгородцевъ на Сѣверъ началось съ давнихъ временъ. По сказаніямъ лѣтописцевъ, новгородскія колоніи встрѣчаются уже въ XI и XII вѣкахъ по берегамъ рѣкъ Онеги, Сѣверной Двины, Мезени, Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана. Ватаги новгородской вольницы, извѣстныя подъ именемъ ушкуйниковъ, стремились на Сѣверъ преимущественно съ завоевательными цѣлями,—съ цѣлью наживы и пріисканія, въ лицѣ мѣстныхъ инородцевъ, новыхъ данниковъ на Господина Великаго Новгорода. Но самъ Господинъ Великій

Новгородъ, вслѣдствіе несостоятельности своего государственнаго строя, былъ совершенно безсиленъ владѣть этою обширною областью, и она въ дѣйствительности принадлежала отдѣльнымъ лицамъ, силою захватившимъ цѣлыя волости; такъ, напримѣръ, извѣстная новгородская посадница Марѳа Борецкая владѣла чуть ли не всѣмъ берегомъ отъ Онеги до Кеми и широко надѣляла цѣлыми поселками церкви и монастыри; между прочимъ, она подарила только-что образовавшейся Соловецкой обители нынѣшній посадъ Суму, село Сороку и городъ Кемь. Нерѣдко шайки новгородцевъ, недовольныхъ внутренними порядками, самовольно удалялись на Сѣверъ и съ береговъ Двины дѣлали набѣги на сѣверо-востокъ до Печоры и на западъ до Мурмана. При такихъ условіяхъ, находясь въ постоянной враждѣ съ мѣстными инородцами, новгородцы не могли, конечно, прочно укрѣпиться въ этихъ отдаленныхъ областяхъ и сколько-нибудь правильно и твердо организовать гражданскій порядокъ и управленіе, хотя упорно называли даже Пермь, Печору, Югру, Лопь, Терь (Терскій берегъ) и Мурманъ своими волостями. Только впослѣдствіи, начиная съ XIV-го вѣка, подъ вліяніемъ московскихъ порядковъ, съ устройствомъ въ краѣ христіанскихъ церквей и монастырей и въ особенности благодаря мирной и просвѣтительной дѣятельности среди инородцевъ такихъ подвижниковъ православной церкви, какъ Стефанъ Пермскій, Зосима и Савватій Соловецкіе, Ѳеодоритъ Кольскій, Трифонъ Печенгскій и друг., укрѣпилась на Сѣверѣ русская народность и совершилось обрусеніе и просвѣщеніе инородцевъ.

Условія жизни, близость моря, постоянныя опасности при производствѣ морскихъ промысловъ выработали изъ нашихъ поморовъ отважныхъ моряковъ и смѣлыхъ промышленниковъ. Они не останавливаются передъ далекими, не рѣдко опасными плаваніями по океану на своихъ судахъ, построенныхъ домашними средствами,— то за морскимъ промысломъ на Мурманъ, къ Новой Землѣ и даже къ Шпицбергену, то съ торговыми цѣлями въ Норвегію, Англію и С.-Петербургъ.

Поморъ никогда не задумается пуститься за добычею въ самое рискованное плаваніе, въ совершенно неизвѣстныя ему мѣста; его не страшатъ ни трудности пути, ни лишенія, ни бури, ни холода,—море и льды его родная стихія. Разныя экспедиціи на Сѣверъ, которыя брали съ собою нашихъ крестьянъ для услугъ, всегда отзывались о нихъ съ хорошей стороны; такъ, напримѣръ,

въ экспедиціяхъ горнаго инженера Чернышева въ 1895 г. и кн. Голицына въ 1896 г. на Новую Землю принимали участіе крестьяне Мезенскаго уѣзда Василій Игнинъ и Николай Петровъ и въ переходѣ поперекъ Новой Земли съ западной стороны на восточный берегъ къ Карскому морю, по скаламъ и вѣчнымъ льдамъ, оказали экспедиціямъ не мало услугъ своею находчивостью, силою и выносливостью.

Между прочимъ, въ Архангельскѣ запасалась разными предметами экспедиція Джексона, отправлявшаяся къ сѣверному полюсу на пароходѣ «Виндвортъ», годомъ позже послѣ Нансена. Экспедиція заготовила нѣсколько небольшихъ домиковъ для склада провіанта и для пріюта по пути. Эти домики требовалось разобрать, а затѣмъ сложить на мѣстахъ, для чего Джексонъ нанялъ двухъ архангельскихъ крестьянъ. Приходятъ они ко мнѣ и просятъ о выдачѣ имъ заграничныхъ паспортовъ. «Куда же вы собираетесь ѣхать?»—«Ѣдемъ на полюсъ, да волостной не даетъ паспорта,—говоритъ, что полюсъ за границею, а за границею требуется паспортъ отъ губернатора».—«Ну, положимъ, полюсъ не за границею, онъ настолько же за границею, насколько и въ предѣлахъ Архангельской губерніи, и паспорта вамъ туда не нужно; но я все-таки не совѣтовалъ бы вамъ туда ѣхать: до полюса вы не доберетесь, а скорѣе всего погибнете во льдахъ. Исканіе полюса граничитъ съ безуміемъ, и ваши англичане такіе же безумцы, какъ и другіе подобные имъ искатели полюса» (въ то время о результатахъ экспедиціи Нансена еще ничего не было извѣстно).—«Нѣтъ, чего безъ ума, народъ обстоятельный: все резонно дѣлаютъ, запасу имѣютъ всего вдоволь, да и деньги платятъ намъ хорошія, 50 рублей въ мѣсяцъ на ихъ харчахъ. Что-жъ? они зря, что ли, будутъ деньги бросать!» Мои убѣжденія такъ и не подѣйствовали, и, несмотря на увѣренія, что для поѣздки на полюсъ имъ паспортовъ не нужно, такъ какъ тамъ нѣтъ начальства, нѣтъ урядниковъ и потому никто отъ нихъ и не потребуетъ ихъ, — они, удивляясь больше всего тому, что какая же это сторона, гдѣ нѣтъ урядниковъ, продолжали настаивать на выдачѣ паспортовъ: «все, молъ, вѣрнѣе, какъ паспортъ-то при себѣ». Я имъ выдалъ свидѣтельства на безпрепятственный проѣздъ къ полюсу, и они, не задумываясь болѣе, отправились съ экспедиціею. Спустя годъ одинъ изъ нихъ пришелъ ко мнѣ и заявилъ, что оба они благополучно вернулись домой; пароходъ «Виндвортъ», оставивъ Джексона и часть экп-

пажа на землѣ Франца-Іосифа, пошелъ за новымъ запасомъ провизіи въ Норвегію и привезъ въ Вардэ нашихъ крестьянъ. «Ну, что?—спрашиваю я,—хороша страна, гдѣ вы были?»—«Нѣтъ, добра мало. Не знаю, чего они тамъ ищутъ,—звѣря и того нѣтъ. Ну, да мы свое дѣло сдѣлали, дома имъ поставили и расчетъ сполна получили».

А вотъ примѣръ тѣхъ странствованій, какія приходится испытывать поморамъ-промышленникамъ.

Года три тому назадъ, два промышленника Печорскаго уѣзда, Яковъ Запасовъ и Василій Кириловъ, и съ ними два самоѣда отправились на промыселъ морского звѣря къ острову Вайгачу. Въ погонѣ за звѣремъ лодку ихъ отнесло теченіемъ черезъ Карскія ворота къ Новой Землѣ и затерло тамъ льдами. Терпя всевозможныя лишенія, они три года странствовали вдоль береговъ Новой Земли и добрались, наконецъ, до становища Кармакулъ, откуда ихъ доставилъ въ 1896 г. пароходъ Архангельско-Мурманскаго пароходства «Ломоносовъ». Однако, несмотря на всѣ невзгоды, они не бросили болѣе цѣнной добычи,—шкуры бѣлыхъ медвѣдей и проч., и выручили за нее въ Архангельскѣ довольно большую сумму. Это ихъ такъ соблазнило, что, забывъ все пережитое, они настоятельно просили меня разрѣшить имъ навсегда поселиться на Новой Землѣ.

Въ самомъ способѣ производства промысловъ помора видна широкая натура и смѣлость замысла. Поморы предоставляютъ старикамъ, бабамъ и дѣтямъ мѣстные болѣе легкіе промыслы—ловлю семги, наваги и сельди, сами же отправляются далеко въ океанъ за морскимъ звѣремъ или на Мурманъ на ловъ трески. Здѣсь поморъ пойдетъ скорѣе въ работники-покрученники, чѣмъ станетъ ловить, напримѣръ, треску тѣмъ способомъ, какимъ ловятъ финляндскіе и норвежскіе колонисты (на уду и небольшими ярусами),—способомъ хотя и болѣе вѣрнымъ и обезпечивающимъ извѣстный уловъ, но кропотливымъ и медлительнымъ; нѣтъ, онъ забрасываетъ въ океанѣ за десятки верстъ отъ берега ярусъ въ нѣсколько верстъ длины съ тысячами крючковъ, болтается въ своей шнякѣ по цѣлымъ суткамъ въ морѣ, терпитъ непогоду; ему хочется вычерпать чуть не все море, разомъ обогатиться, наловить тысячи пудовъ.

Страшный штормъ, какого не запомнятъ старожилы, разразился надъ Бѣлымъ моремъ въ началѣ сентября 1894 г., какъ разъ въ то время, когда поморы возвращались съ Мурмана домой и на Маргаритинскую ярмарку въ Архангельскъ, везя съ собою добычу промысла. Этотъ штормъ показалъ, насколько поморы

опытны въ мореплаваніи: несмотря на первобытную постройку и плохую оснастку ихъ судовъ, крушеніе потерпѣло сравнительно небольшое число судовъ; всего разбило 16 крупныхъ палубныхъ и 18 беспалубныхъ судовъ, при чемъ погибло 52 человѣка; большинство же судовъ укрылось въ безопасныя мѣста или продержалось въ морѣ.

Поморы-рыбопромышленники.

Съ ранней весны всѣ мужчины уходятъ на далекіе промыслы и дома остаются только старики, дѣти и женщины. Женщины завѣдуютъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, занимаются мѣстными промыслами, исполняютъ обязанности ямщиковъ, гребцовъ и нерѣдко несутъ за своихъ мужей и братьевъ общественную службу

(десятскихъ, старостъ и проч.), которую, нужно отдать имъ справедливость, выполняютъ вполнѣ добросовѣстно и исправно. Въ общемъ, поморы народъ гостепріимный, коренастый, здоровый; лица у нихъ широкія и вѣчно красныя, такъ какъ большую часть года они проводятъ на воздухѣ, на морѣ. Лѣтомъ мужчины носятъ картузы, пиджаки и кожаные сапоги, а во время промысла бахилы и норвежскія куртки-фуфайки, зимою—валенки и тулупы. Женщины ходятъ въ цвѣтныхъ яркихъ сарафанахъ. Избы большею частью просторныя и довольно опрятныя. Въ каждомъ домѣ найдется самоваръ,

Поморы въ зимней одеждѣ.

чайная и столовая посуда. Главный промыселъ, который питаетъ поморское населеніе, это мурманскій рыбный промыселъ. О немъ я буду говорить ниже при описаніи Мурмана, а пока укажу на мѣстные промыслы: ловлю семги, сельдей, наваги, и на судостроеніе.

Болѣе значительныя поморскія селенія на юго-востокѣ отъ Кеми: Шуя—170 дворовъ, Сорока—230, Шижма—200, Сухонаволоцкое—125, Вирма—70, Сумскій посадъ—280, Колежма—140 и Нюхча—260 дворовъ. Главный мѣстный промыселъ въ этихъ селеніяхъ ловъ сельди и наваги. Сельдь ловится мережами, переметами и сѣтями. Весь

улова продается на мѣстѣ скупщикамъ, крестьянамъ Олонецкой и Вологодской губерніи, частью въ замороженномъ видѣ, частью въ копченомъ. Обыкновенная цѣна во время лова за 1,000 штукъ свѣжихъ сельдей отъ 50 коп. до 1 руб. 50 коп., смотря по количеству улова и по погодѣ. При теплой погодѣ цѣна падаетъ; на-

Поморки Кемскаго уѣзда.

противъ, тѣмъ сильнѣе морозы во время улова, тѣмъ цѣна выше. Сельдь зимняго улова не солятъ, не по недостатку соли, какъ думаютъ нѣкоторые, а потому, что существуетъ большой спросъ на свѣжую сельдь въ мороженомъ видѣ, и потому, что сельдь, добывая зимою, тутъ же на льду коченѣетъ отъ мороза, а солить можно только талую сельдь. Пробовали ее оттаивать и затѣмъ со-

лить, но оказалось, что въ такомъ видѣ сельдь дѣлается грубою, жесткою и вообще далеко не имѣетъ качествъ мягкой, нѣжной сельди, посоленной осенью до наступленія морозовъ. Въ иные годы ловъ сельди бываетъ чрезвычайно обильный; совершая свой обычный путь по океану, сельдь, преслѣдуемая разными хищными рыбами и тюленями, ищетъ спасенія въ Бѣломъ морѣ и въ самыхъ отдаленныхъ бухтахъ. Иногда она набивается въ морскія губы въ такомъ количествѣ, что при переѣздѣ на лодкѣ приходится веслами упираться въ сельдяную массу. Въ селеніи Сорокѣ выла-

Поморки Кемскаго уѣзда.

вливается, въ среднемъ, около 5 милліоновъ, въ с. Шижмѣ также около 5 милліоновъ, въ с. Сухонаволоцкомъ до 2-хъ милліоновъ, въ с. Вирмѣ полтора милліона и въ посадѣ Сумѣ до одного милліона штукъ сельдей, такъ что, въ общемъ, только въ пяти этихъ селеніяхъ вылавливается до 15 милліоновъ штукъ сельдей въ годъ. Въ селѣ Сорокѣ и другихъ сосѣднихъ селеніяхъ имѣется до 10 коптиленъ, въ которыхъ ежегодно коптится отъ 5 до 15 тысячъ пудовъ сельдей, т.-е. около пяти милліоновъ штукъ. Копченая сельдь продается отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. за 1,000 штукъ.

Наважьимъ промысломъ занимаются преимущественно жители деревни Шуи, Колежмы, Сумскаго посада и Нюхчи. Шуерѣцкая навага мелка, продается на мѣстѣ отъ 4 до 6 коп. за сотню и большею частью идетъ для мѣстнаго потребленія. Навага, вылавливаемая въ Колежмѣ и Сумскомъ посадѣ, въ особенности въ Кузь-ручьѣ, очень крупна. Одна Кузь-ручейская навага вѣситъ иногда до 2-хъ фунтовъ, обыкновенной же Сумской и Колежемской наваги идетъ 2 штуки на фунтъ. Большая часть улова идетъ въ продажу. Обыкновенная цѣна на мѣстѣ—отъ 40 до 60 коп. за

Сѣти для ловли сельдей въ Кандалакшѣ.

сотню крупныхъ навагъ. Возъ хорошихъ навагъ, около 4,000 штукъ, стоитъ на мѣстѣ лова отъ 8 до 20 рублей. Время наважьяго промысла продолжается съ ноября по январь включительно. Въ февралѣ навага, выпустивъ икру, дѣлается тощею и невкусною, въ мартѣ она уходитъ въ море и тогда ловъ ея совсѣмъ прекращается. Навага очень прожорлива, уловъ ея до того простъ, что его предоставляютъ ребятишкамъ; стоитъ только опустить веревочку съ привязаннымъ къ ней кускомъ той же наваги или селедки, какъ на него тотчасъ бросаются наваги и ни за что не выпускаютъ изо рта.

поспѣвай только вытаскивать. Случается, что одна навага съ досады, что ей не достался брошенный кусокъ, хватается за хвостъ той, въ зубахъ которой очутилась веревочка, и, такимъ образомъ, ловецъ вытаскиваетъ обѣихъ. Въ с. Шуѣ вылавливается до 100,000, въ Сумскомъ посадѣ до 200,000, въ Колежмѣ 100,000 и въ Нюхчѣ около 200,000 навагъ; всего въ этихъ четырехъ селеніяхъ добывается до милліона навагъ.

На сѣверо-западъ отъ г. Кеми по Кандалакшскому заливу расположены слѣдующія болѣе значительныя поморскія селенія: Лѣтнерѣцкое—35 дворовъ, Поньгама—30, Гридино—20, Кереть—115,

Село Княже-губа, въ Кандалакшскомъ заливѣ.

Чернорѣцкое—40, Ковда—65, Княже-губа—50, Кандалакша—110, а по Терскому берегу: Умба—85 и Кузомень—180 дворовъ.

Главный мѣстный промыселъ въ этихъ селеніяхъ—ловъ семги и сельди. Ловъ семги начинается вскорѣ послѣ вскрытія рѣкъ и спада весенней воды, въ первой половинѣ мая мѣсяца, и продолжается, съ нѣкоторыми перерывами, лѣтомъ, до конца октября. Лучшею семгою считается та, которая вылавливается осенью, въ августѣ и сентябрѣ. Ловъ семги, которая стремится для метанія икры изъ моря въ рѣки, производится въ устьяхъ болѣе широкихъ рѣкъ неретами, поѣздами, а въ верховьяхъ рѣкъ по поро-

гамъ,—заколами. Весь осенній уловъ семги продается скупщикамъ; обыкновенная цѣна семги, заготовленной впрокъ, на мѣстѣ отъ 8 до 12 руб. за пудъ; она отправляется по первому зимнему пути, въ концѣ октября и въ началѣ ноября, въ С.-Петербургъ. Обыкновенная провозная цѣна отъ Кеми до С.-Петербурга около одного рубля за пудъ. Семга весенняго улова (лоховина) не такъ вкусна, идетъ для мѣстнаго потребленія и продается отъ 2 до 4 руб. за пудъ. Въ упомянутыхъ селеніяхъ вылавливается семги для продажи: въ с. Поньгамѣ около 100 пудовъ, Керети 300

Семужій заколъ на р. Кеми.

пудовъ, Ковдѣ 500 пудовъ, Княже-губѣ 100 пуд., Кандалакшѣ 100 пуд., Умбѣ 1,500 пуд. и Кузомени 1,000 пуд.

Кромѣ того, во всѣхъ названныхъ деревняхъ ловится сельдь. Здѣсь сельдь ловится обыкновенно лѣтомъ и осенью, засаливается впрокъ и отвозится на судахъ въ Архангельскъ, гдѣ продается по 40—70 коп. за боченокъ, вѣсомъ около 30 фунтовъ. Лучшею сельдью считается Кандалакшская и Княжегубская. Сельдь преимущественно ловится въ Керети, Ковдѣ, Княжегубѣ и Кандалакшѣ, при чемъ въ среднемъ вылавливается обыкновенно въ Керети около 10,000 боченковъ, въ Ковдѣ 25,000 боч., въ Княже-губѣ 50,000 боч.

и въ Кандалакшѣ 30,000 боч. въ годъ, а всего въ этихъ четырехъ селеніяхъ около 115,000 боч., т.-е. около 25 милліоновъ штукъ сельдей.

Кромѣ семги, сельдей и наваги, по побережью Бѣлаго моря ловится мелкая треска, зубатка, сиги и камбала, но эти рыбы не составляютъ предмета торговли и идутъ лишь на мѣстное потребленіе. Во множествѣ водится также кирчъ, похожая на навагу, но ее въ пищу не употребляютъ, а сушатъ и даютъ въ кормъ скоту.

Поморская ладья.

Судостроеніемъ поморы занимаются исключительно зимою. По особому Высочайшему повелѣнію, жителямъ Архангельскаго, Мезенскаго, Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ предоставлено право безпошлиннаго полученія изъ казенныхъ дачъ лѣса на постройку и починку какъ мореходныхъ, такъ и промысловыхъ судовъ. По изслѣдованіямъ г. Слезкинскаго, поморы Кемскаго уѣзда владѣютъ въ настоящее время 220 мореходными судами, вмѣстимостью въ 11,100 тоннъ и стоимостью около 885,000 руб. Изъ этого числа: шхунъ—95, яхтъ—55, клиперовъ—55, гальясей и гафелей—18,

кочмарь, шлюповъ и раньшинъ—17. Суда строятся во всѣхъ поморскихъ селеніяхъ. По мѣсту постройки они распредѣляются такъ:

НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число судовъ.	Вмѣстимость въ тоннахъ.	Стоимость въ рубляхъ.
Шуя	33	1,800	47,000
Сумскій посадъ	25	1,700	53,000
Нюхча	24	650	30,000
Колежма	23	1,050	30,000
Сорока	22	950	42,000
Кемь	21	1,550	48,000
Шижма	15	750	36,000
Унежма	12	300	8,000
Малошуйка	12	550	14,000
Прочія селенія Кемскаго уѣзда	34	1,800	77,000
Всего	220	11,100	385,000

Всѣ эти суда ходятъ на Мурманъ и въ Норвегію съ грузомъ муки, смолы и дровъ, а оттуда везутъ въ Архангельскъ соленую и сушеную рыбу.

14-го іюля пароходъ «Чижовъ» отошелъ изъ Кеми и мы поплыли вдоль берега Кандалакшскаго залива Бѣлаго моря, заходя въ попутныя селенія: Гридино, Кереть, Чернорѣчье, Ковду, Княже-губу и проч., съ цѣлью по возможности ближе ознакомиться съ мѣстностью, гдѣ должна пройти телеграфная линія.

Задача по изысканію пути для телеграфной линіи отъ Кеми до Кандалакши, на протяженіи около 350-ти верстъ, какъ оказалось, въ значительной мѣрѣ облегчилась, благодаря тому, что въ 1894 году между этими пунктами были произведены инженеромъ Журданомъ изысканія для проектированной на Сѣверъ желѣзной дороги. По изысканіямъ инженера Журдана, желѣзная дорога должна быть направлена вдоль берега моря, не въ значительномъ отъ него разстояніи, захватывая почти всѣ прибрежные населенные пункты, съ обходомъ всѣхъ озеръ и болотъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, которыя необходимы для постройки телеграфной линіи. При осмотрѣ сдѣланной инженеромъ Журданомъ просѣки оказалось, что имъ поставлены всюду пикеты, сдѣланы отмѣтки высотъ и проч., а потому работами инженера Журдана и прорубленною имъ просѣкою представлялось вполнѣ возможнымъ воспользоваться при проведеніи телеграфа.

Оставалось лишь, для окончательнаго опредѣленія телеграфной линіи, пройти и провѣрить весь путь по этой просѣкѣ и подойти по возможности ближе къ тѣмъ населеннымъ пунктамъ, каковы, напр.,

Берегъ и Ковда, гдѣ предполагалось устроить телеграфныя станціи,—что для телеграфа болѣе удобно, чѣмъ для желѣзной дороги. Для выполненія этихъ работъ былъ оставленъ на мѣстѣ инженеръ Новицкій и въ его распоряженіе командированъ мѣстный урядникъ, отлично знающій мѣстность и сопровождавшій въ прошломъ году инженера Журдана во все время работъ. Мѣстнымъ сельскимъ властямъ предложено оказывать инженеру всякое съ ихъ стороны содѣйствіе и хранить привезенныя уже въ прибрежныя селенія разныя телеграфныя принадлежности.

Ковда. — Пароходъ «Спокойный».

Всѣ работы, которыя не требуютъ особыхъ техническихъ знаній, но, съ другой стороны, для выполненія которыхъ требуется значительное число рабочихъ рукъ, какъ, напр., вырубка просѣки, очистка пути, заготовленіе и развозка телеграфныхъ столбовъ, устройство мостковъ по топкимъ мѣстамъ,—все это было поручено мною, по соглашенію съ инспекторомъ телеграфовъ, мѣстнымъ чиновникамъ по крестьянскимъ дѣламъ, въ томъ соображеніи, что они, зная мѣстныя условія, когда населеніе свободно и не занято промыслами, когда рабочія руки могутъ быть болѣе свободны, а также

имѣя въ своемъ распоряженіи волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, могутъ выполнить упомянутыя работы съ бо́льшимъ успѣхомъ и дешевле, чѣмъ подрядчики и чины телеграфнаго вѣдомства, менѣе ознакомленные съ мѣстными обычаями. Съ этою цѣлью участокъ между Кемью и Кандалакшею былъ раздѣленъ мною между чиновниками по крестьянскимъ дѣламъ 1 и 2 участковъ Кемскаго уѣзда, Нарушевичемъ и Ульяновскимъ, при чемъ порядокъ веденія дѣла и исполненія работъ, подъ руководствомъ телеграфнаго инженера, преподанъ лично инспекторомъ телеграфовъ.

Село Кандалакша.

Того же 14-го іюля мы подошли къ селу Керети, которое представляетъ довольно крупный административный центръ. Кромѣ волостного правленія, здѣсь имѣютъ мѣстопребываніе мировой судья, становой приставъ, сельскій врачъ, лѣсничій и таможенный чиновникъ. Всѣ сношенія съ Кореліей производятся преимущественно черезъ Кереть. Отсюда же вывозится значительное количество сельдей: такъ, во время нашей стоянки было погружено на пароходъ около 1,000 боченковъ сельдей. Село Кереть расположено подковою по берегу залива. Когда мы подъѣзжали къ селу, былъ чудный, чисто лѣтній день, все населеніе въ праздничныхъ нарядахъ толпилось по берегу; мѣстныя власти въ карбасахъ подплыли къ па-

роходу. Посѣтивъ церковь, школу и волостное правленіе, я, вмѣстѣ съ инспекторомъ телеграфовъ и инженерами, отправился для осмотра желѣзнодорожной просѣки, верстъ за шесть вверхъ по рѣкѣ Керети, на лодкѣ, принадлежащей мировому судьѣ Богдановичу и лично имъ управляемой. Въ это время по рѣкѣ сплавляли лѣсъ для лѣсопильнаго завода Савина; звонко раздавались по водѣ пѣсни сплавщиковъ, при чемъ особенно выдѣлялся одинъ голосъ, высокій баритонъ...

Въ Керети и другихъ рѣчкахъ Кемскаго уѣзда ловится довольно много жемчуга,—впрочемъ, невысокаго качества; къ намъ на пароходъ мѣстными промышленниками были привезены жемчужины для продажи и только-что выловленныя раковины съ вросшими въ нихъ жемчужинами. Продавцы торговали, повидимому, хорошо, потому что многіе изъ насъ пріобрѣли по нѣскольку жемчужинъ на память.

Вечеромъ пароходъ «Чижовъ» двинулся далѣе. Обогнувъ мысъ, у котораго расположенъ заводъ Савина и гдѣ стоялъ огромный англійскій пароходъ, мы вышли въ море; оно было совершенно спокойно и сидѣвшіе на капитанскомъ мостикѣ могли любоваться солнцемъ, виднѣвшимся еще на горизонтѣ, несмотря на то, что часы показывали уже полночь. Съ этого дня до нашего возвращенія въ Архангельскъ солнце насъ не покидало, не заходя болѣе за горизонтъ. Пароходу приходилось идти узкими проливами, все время лавируя между высокими скалистыми островами, такъ что панорама постоянно мѣнялась и представляла самыя разнообразныя и эффектныя картины.

Командиръ парохода Лоушкинъ, мѣстный уроженецъ и опытный морякъ, большой охотникъ поболтать, восторгаясь красотами Кандалакшскаго залива, занималъ насъ разсказами о различныхъ происшествіяхъ,—о томъ, какъ онъ «своими боками», т.-е. боками парохода, пересчиталъ всѣ подводные камни залива.

На слѣдующее утро мы прибыли въ Ковду, къ пристани лѣсопильнаго завода, гдѣ насъ встрѣтилъ управляющій заводами Русанова, Н. О. Шарвинъ. У береговъ стоялъ цѣлый рядъ иностранныхъ судовъ, расцвѣтившихся флагами по случаю нашего прибытія. Пустынная нѣсколько лѣтъ назадъ мѣстность, благодаря выстроенному заводу, ожила. Въ недалекомъ разстояніи отъ завода, со стороны моря, устроена лоцманская станція, а фарватеръ на всемъ пространствѣ, гдѣ могла бы представиться опасность для

прохода судовъ, обставленъ знаками, бакенами и проч. Заводъ снабженъ всѣми новѣйшими усовершенствованными машинами и освѣщается, какъ и всѣ лѣсопильные заводы въ Архангельской губ., электричествомъ. Въ расположеніи и солидной постройкѣ заводскихъ зданій, помѣщеній для служащихъ и рабочихъ виденъ общій порядокъ и особенныя заботы владѣльца объ удобствахъ для служащихъ и рабочихъ.

Вечеромъ того же дня, въ сопровожденіи нѣсколькихъ мѣстныхъ пароходовъ, мы двинулись далѣе въ Кандалакшу, гдѣ я долженъ былъ покинуть пароходъ и продолжать путь черезъ Кольскій полуостровъ, частью пѣшкомъ, частью на лодкахъ.

При подъѣздѣ къ с. Кандалакшѣ, на горизонтѣ со всѣхъ сторонъ виднѣются мрачныя горы, но, несмотря на это, Кандалакшскій заливъ и самое село Кандалакша, расположенное на склонѣ горы, какъ бы притаившись между скалами, представляютъ изъ себя одинъ изъ красивѣйшихъ уголковъ Бѣлаго моря. Въ общемъ получается какое-то величественное спокойствіе; такъ и кажется, что въ этихъ берегахъ сокрыты силы, которыя лишь временно объяты тяжелымъ сномъ; мысленному же взору путешественника, въ миражѣ этой вѣковой тишины и спокойствія, какъ бы рисуется уже несущійся сюда паровозъ, который разбудитъ дремлющія кругомъ силы и оживитъ молчаливо-угрюмую, безлюдную въ настоящее время мѣстность.

Впрочемъ, на короткое время и здѣсь началась было жизнь, когда вблизи стали добывать серебро-свинцовую руду. Исторія этихъ пріисковъ представляетъ интересную страничку прошлаго нашего Сѣвера. Въ 1733 г. жители г. Архангельска, Ѳедоръ Прядуновъ, Егоръ Сабинскій и Ѳедоръ Чирцовъ, объявили, что они добыли и сплавили чистаго серебра 35 фунтовъ, при чемъ вмѣстѣ со слитками серебра, сплавленнаго изъ самородковъ, представили и нѣсколько штуфовъ натуральной серебряной руды, которая, при пробѣ, оказалась «весьма прибыльною». Открытое на Медвѣжьемъ островѣ, близъ Кандалакши, серебро было поднесено Государынѣ Императрицѣ, которая именнымъ указомъ повелѣла послать на мѣсто вице-бергмейстера Циммермана и унтеръ-штейгера Трейгера для осмотра и изслѣдованія на мѣстѣ отысканныхъ серебряныхъ рудъ. Въ вѣдомости, присланной съ Поморья въ 1736 г., значится слѣдующее: гютенъ-фервальтеромъ Милюковымъ, съ 16-го августа 1734 г. по январь 1735 г., при помощи рудоискателей Ѳе-

дора Прядунова съ товарищами, при 9 рабочихъ, добыто серебра: самороднаго 4 п. $4^1/_2$ ф. и въ рудахъ—37 пуд. 5 ф.; всего же по 1-е января 1736 г. добыто серебра: самороднаго—30 пуд. 32 ф. и въ рудахъ—65 пуд., изъ которыхъ было получено 5 пуд. чистаго серебра.

Въ 1739 г. всѣ рудные промыслы въ Лапландіи были отданы Бирономъ во владѣніе главѣ горнаго управленія въ Имперіи, саксонскому барону Шембергу. Послѣдній, съ воцареніемъ Елисаветы Петровны, впалъ въ немилость, имѣнія отъ него были отобраны, а горное дѣло на Сѣверѣ заглохло и вновь не возобновлялось.

Лапландія.

I.

Кольскій полуостровъ. — Изслѣдованія финляндскихъ экспедицій. — Минеральныя богатства. — Климатъ. — Населеніе. — Лопари, ихъ обычаи и образъ жизни.

Вечеромъ, 15-го іюня, мы покинули пароходъ «Чижовъ», а 16-го, утромъ, двинулись пѣшкомъ внутрь Лапландіи.

Кольскій полуостровъ, составляющій Кольскій уѣздъ, имѣетъ протяженіе съ запада на востокъ, отъ границъ Норвегіи и Финляндіи до Бѣлаго моря, около 650 верстъ, а съ сѣвера на югъ, отъ Ледовитаго океана до Кандалакшскаго залива, до 400 верстъ и занимаетъ площадь въ 2,690 кв. миль, или 131,860 кв. верстъ, или 13.712,000 десятинъ. Сѣверная прибрежная полоса, отъ границы Норвегіи до Св. Носа, называется Мурманскимъ берегомъ, восточная и юго-восточная, отъ Св. Носа вдоль Бѣлаго моря до устья р. Варзуги,— Терскимъ берегомъ, южная — отъ Варзуги до с. Кандалакши — Кандалакшскимъ берегомъ, а все пространство внутри полуострова носитъ названіе Русской Лапландіи.

Поверхность Кольскаго полуострова гориста и покрыта тундрами и болотами. Скандинавскія горы, отдѣляющія Швецію отъ Норвегіи, переходя на Кольскій полуостровъ, разбиваются на нѣ-

сколько отдѣльныхъ отроговъ: по Мурманскому берегу онѣ представляютъ утесистыя прибрежныя скалы, которыя поднимаются иногда до 500 фут.; чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ отроги этихъ горъ становятся ниже, такъ что къ Бѣлому морю они имѣютъ небольшую высоту отъ 50 до 100 фут. съ отлогими склонами. Въ центральной части полуострова, на восточной сторонѣ озера Имандры, горы достигаютъ наибольшей высоты, образуя Хибинскій горный хребетъ и Луяврурть, покрытые вѣчными снѣгами. Нѣкоторыя части этихъ горъ достигаютъ 970 фут. надъ уровнемъ озера Имандры, которое, въ свою очередь, на 140 фут. выше уровня моря; слѣдовательно, окружающія это озеро горы имѣютъ высоту надъ уровнемъ моря свыше 1,000 футовъ.

Неподалеку отъ озера Имандры находится высокая «Божья» гора, у подножія которой во времена идолопоклонства, по преданію лопарей, предками ихъ приносились жертвы богамъ; мѣстные лопари и въ настоящее время говорятъ объ этомъ мѣстѣ съ особеннымъ благоговѣніемъ. Между селеніемъ Кашкаранцами и р. Варзугой находится интересная гора Корабль, замѣчательная тѣмъ, что въ ней есть много пустотъ, стѣны которыхъ усѣяны кристаллами стекловиднаго кварца и аметиста, а въ восточной части горы встрѣчаются гнѣзда стекловиднаго кварца съ плавиковымъ и тяжелымъ шпатомъ.

Въ послѣднее время Кольскій полуостровъ былъ довольно подробно обслѣдованъ финляндскими экспедиціями 1887—1892 гг. Труды этихъ экспедицій напечатаны въ Гельсингфорсѣ: Ramsay. «Geologische Beobachtungen auf der Halbinsel Kola».—Kihlmann. «Bericht einer naturwissenschaftlichen Reise durch Russisch Lappland».—Kihlmann u. Palmen. «Die Expedition nach der Halbinsel Kola» («Fennia», 3, №№ 5—7, 1890) и др.

Минеральныя богатства края еще мало извѣстны; тѣмъ не менѣе въ разныхъ мѣстахъ находили серебро, свинецъ, мѣдь, желѣзо, цинкъ и даже золото. Я уже упоминалъ о разработкѣ серебряной руды на островѣ Медвѣжьемъ, находящемся въ Кандалакшскомъ заливѣ. Кромѣ того, признаки серебра находятся въ гранитогнейсѣ, на небольшой высотѣ отъ поверхности моря, на островахъ: Горѣломъ, Хорѣ, Сѣдловатомъ, близъ селенія Умбы, а также на Мурманскомъ берегу, между Рыбачьимъ полуостровомъ и Печенгскою губою. По изслѣдованіямъ инженера Подгаецкаго, въ этой мѣстности оказались значительныя залежи серебро-свинцовой руды

близъ бухты Базарной; образовалось общество для эксплоатаціи этой руды, приступлено было даже къ работамъ, но затѣмъ, вслѣдствіе возникшаго процесса и недостатка капиталовъ, компанія распалась. Между тѣмъ, я видѣлъ добытые въ этой мѣстности куски руды, которые содержали въ себѣ до 80 проц. свинца.

Мѣдь была найдена въ горахъ, лежащихъ въ верховьяхъ рѣки Поноя, близъ с. Умбы и въ рѣчкѣ Кузомѣ.

Желѣзо встрѣчается въ видѣ болотной руды во многихъ мѣстахъ Лапландіи, на границѣ Кемскаго уѣзда, въ озерѣ и по бе-

Лопари въ Разъ-Наволокѣ.

регамъ Ихоозера, возлѣ деревни Пялицы. Около селенія Поноя тоже находили желѣзную руду и желѣзную охру.

Наконецъ, еще въ XVI-мъ вѣкѣ, въ исторіи Olai Magni 1558 г., упоминается, что въ окрестностяхъ Колы находили золото.

Въ порожистыхъ рѣкахъ Кольскаго полуострова, особенно въ Колѣ и Туломѣ, ловится жемчугъ; но крупныя, чистыя жемчужины попадаются рѣдко, добывается по большей части мелкій, разноцвѣтный жемчугъ, иногда самыхъ причудливыхъ, неправильныхъ формъ.

Климатъ въ Лапландіи не одинаковъ, но вообще суровый; зима начинается въ началѣ октября и продолжается до апрѣля. Внутри материка бываетъ холоднѣе, чѣмъ у береговъ, особенно у береговъ незамерзающаго Сѣвернаго океана, гдѣ теплое теченіе Гольфстрема значительно умѣряетъ холодъ. Впрочемъ, суровость климата не оказываетъ вреднаго вліянія на здоровье и продолжительность жизни обитателей. Зимній путь устанавливается въ концѣ октября и снѣга въ теченіе зимы выпадаетъ до 7 четвертей. Съ 13-го ноября по 3-е января наступаетъ полярная ночь, которая вовсе не такъ темна, какъ воображаютъ, потому что бѣлизна снѣга даетъ извѣстный свѣтъ, а частыя и продолжительныя сѣверныя сіянія, пылая столпами яркаго свѣта, превращаютъ эту ночь въ день особеннаго вида и красотою своею вознаграждаютъ жителей за отсутствіе солнечныхъ лучей. При свѣтѣ сѣвернаго сіянія можно иногда читать; кромѣ того, ежедневно, въ полдень, бываетъ, на часъ и болѣе, столько свѣта, что можно обойтись безъ свѣчей; слѣдовательно, подъ именемъ полярной ночи слѣдуетъ разумѣть не полное отсутствіе свѣта, а скорѣе время, когда на горизонтѣ не показывается солнце. Съ 5-го января начинаетъ показываться солнце и постепенно подниматься все выше и выше надъ горизонтомъ. Земля обнажается отъ снѣга въ половинѣ мая, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между горами онъ остается на все лѣто. Въ первыхъ же числахъ мая рѣки освобождаются отъ льда, а въ концѣ мая показывается на пожняхъ и склонахъ горъ зелень. Съ 12-го мая по 9-е іюля солнце не сходитъ уже съ горизонта,—нѣтъ ни сумерокъ, ни ночи, наступаютъ полярные дни. Во время полярныхъ дней солнце согрѣваетъ землю только въ полдень, а остальную часть сутокъ оно только свѣтитъ, но не грѣетъ, и кажется золотымъ кругомъ безъ теплоты. Лѣто, начинаясь съ половины іюня, продолжается до половины августа. Въ іюлѣ уже отцвѣтаютъ растенія; быстрому развитію растительности способствуетъ продолжительность свѣта.

Само собою разумѣется, что вслѣдствіе суроваго климата земледѣліе совершенно немыслимо; но по берегамъ рѣкъ встрѣчаются довольно хорошіе луга, а потому даже по Мурманскому берегу колонисты содержатъ достаточное количество скота. Изъ овощей растетъ только рѣпа и въ незначительномъ количествѣ воздѣлывается картофель.

Южная и западная часть Кольскаго полуострова покрыта довольно хорошимъ, преимущественно сосновымъ лѣсомъ; ближе къ

сѣверу лѣсъ дѣлается мельче, все чаще попадается береза, и затѣмъ онъ переходитъ въ открытую тундру, покрытую мхомъ и низкорослымъ кустарникомъ.

Средняя температура дня, по сдѣланнымъ наблюденіямъ, бываетъ въ апрѣлѣ +1,5°, маѣ +5,4°, іюнѣ +9,0°, іюлѣ +13,2°, августѣ +11,8°, сентябрѣ +5°, октябрѣ +0,9°, ноябрѣ —2,6°.

Всѣхъ постоянныхъ жителей въ Кольскомъ уѣздѣ насчитывалось къ 1-му января 1895 г. мужчинъ около 4,260 чел. и женщинъ 4,430 чел., итого 8,690.

Кочевье лопарей лѣтомъ (вѣжа).

По южному Кандалакшскому и по восточному Терскому берегу живутъ русскіе — того же типа, какъ и поморы Кемскаго уѣзда — въ слѣдующихъ волостяхъ: 1) Умбской — 980 чел.; 2) Кузоменской — 1,480 чел.; 3) Тетринской — 1,150 чел.; 4) Понойской — русскихъ 220 чел. и лопарей — 450 чел.; въ г. Колѣ русскихъ 710 чел., финляндцевъ 30 чел., и по Мурманскому берегу — русскихъ 1,180 чел., финляндцевъ 750 чел. и норвежцевъ, принявшихъ русское подданство, 220 чел. Внутри полуострова живутъ только лопари; всѣхъ лопарей къ 1-му января 1895 г. насчитывалось 1,940 чел., изъ нихъ 1,490 чел. причислено къ Кольско-Лопарской волости и 450 ч. къ Понойской волости. Всего, такимъ образомъ, въ Кольскомъ уѣздѣ:

русскихъ—5,720 чел., финляндцевъ—810 чел., норвежцевъ—220 чел. и лопарей—1,940 чел.

Лопари ведутъ полукочевую жизнь. Поселки, въ которыхъ они живутъ, называются погостами; у каждой группы лопарей есть всегда особый зимній и лѣтній погосты. Зимній погостъ расположенъ обыкновенно въ срединѣ полуострова, ближе къ лѣсамъ, гдѣ лопари содержатъ зимою своихъ оленей; лѣтомъ лопари переходятъ ближе къ морю и озерамъ для ловли рыбы.

Живутъ лопари зимою въ тупахъ, небольшихъ, курныхъ избахъ въ 3—4 квадратныхъ сажени, покрытыхъ дерномъ, а лѣтомъ—въ вѣжахъ, т.-е. большихъ шалашахъ, въ родѣ самоѣдскаго чума, но покрытыхъ не шкурами, какъ у самоѣдовъ, а вѣтвями, древесною корою и дерномъ.

Типичный лопарь — низкаго роста, приземистъ, на ногахъ у него большіе башмаки, въ родѣ колодокъ, ноги закутаны суконною тряпкою, перевязанною бичевкою, одѣтъ онъ въ суконную сѣрую куртку, на головѣ вязаный шерстяной колпакъ съ кисточкою на концѣ, борода клиномъ; въ общемъ, фигура похожа на гнома, какъ ихъ рисуютъ на картинкахъ при изображеніи подземнаго царства. Но большинство лопарей не придерживаются этого характернаго типа лопарскаго костюма и носятъ, что̀ попадетъ: шляпы, шапки, нѣмецкое платье и проч.

Между женщинами, особенно молодыми, попадаются довольно миловидныя; носятъ онѣ обыкновенные ситцевые сарафаны и, вообще, костюмъ ихъ не отличается какими-либо особенностями.

Лопарское племя, повидимому, вымираетъ или, лучше сказать, постепенно исчезаетъ и смѣшивается съ сосѣдними племенами. Не имѣя ни письменныхъ памятниковъ, ни историческаго прошлаго, ни особыхъ религіозныхъ вѣрованій, всѣ они православные; принимая обычаи и культуру русскихъ, лопари отстаютъ нерѣдко отъ своихъ единоплеменниковъ и смѣшиваются съ русскими. Мнѣ приходилось слышать отъ болѣе или менѣе осѣдлыхъ лопарей такую фразу: «я не какой-нибудь лопарь, я теперь русскій», или: «это хорошій (дѣльный, сильный) человѣкъ, не лопарь», — такъ что, очевидно, они и сами о себѣ не особенно высокаго мнѣнія и не дорожатъ своимъ племеннымъ единствомъ.

Впрочемъ, издавна вольный сынъ широкой безконечной тундры, лопарь любитъ эту тундру и свободную кочевую жизнь. Невольно вспоминаешь при этомъ характерный разсказъ управляющаго госу-

дарственными имуществами Архангельской губерніи, С. П. Гоппена. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ тоже путешествовалъ по Кольскому полуострову и проходилъ изъ Кандалакши въ Колу. Любознательный и наблюдательный, онъ подмѣтилъ нѣсколько характерныхъ чертъ изъ жизни лопарей. По мнѣнію большинства, разсказывалъ С. П., жизнь лопаря крайне непривлекательна, жалка, убога, неудобна и скучна. Между тѣмъ, есть лопари, которые богаты, имѣютъ въ банкѣ наличными деньгами по нѣскольку тысячъ рублей и

Колозеро. — Печеніе хлѣба лопарями.

владѣютъ большими стадами оленей. Такіе лопари могли бы прожить съ удобствомъ, гдѣ имъ угодно, но когда указывалось на подобную возможность, то получался отъ нихъ приблизительно такой отвѣтъ: «Что можетъ быть лучше свободы, шири въ тундрѣ и шума въ лѣсахъ, жизни въ незамѣнимой вѣжѣ или тупѣ? Что можетъ быть пріятнѣе и здоровѣе ежедневной пищи изъ свѣжей вкусной рыбы: форели, кумжи, харіусовъ, семги, сиговъ и проч.? Что можетъ быть веселѣе той морозной вьюги, когда по гладкой снѣговой равнинѣ вихремъ несешься въ своей кережкѣ, запряженной чет-

веркою сильныхъ рослыхъ быковъ-оленей, въ свою тупу, къ своей семьѣ, гдѣ находишь у разведеннаго костра испеченную свѣжую оленину? Нѣтъ, мы не сравнимъ нашу привольную жизнь съ приневольною жизнью въ городахъ: намъ вѣжа, тупа—лучше всякаго каменнаго дома». Вообще лопарь ясно высказываетъ, что его жизнь не въ примѣръ для него пріятнѣе и лучше, чѣмъ жизнь городскихъ жителей. Какъ контрастъ словамъ и мыслямъ самого лопаря, припомнимъ стихи, сказанные на одномъ собраніи уважаемымъ Д. Н. Островскимъ, бывшимъ нашимъ консуломъ въ Норвегіи:

А тамъ, быть-можетъ, въ это время
Застигнутъ бурею лопарь,
Одинъ въ пустынѣ коченѣетъ
Судьбою брошенный дикарь.
Есть въ жизни рѣзкіе контрасты,
И не мирить берусь ихъ я,
Но средь столичнаго веселья
Я пью бокалъ за лопаря!

Вообще намъ всегда казался нѣсколько непонятнымъ тотъ плачъ о самоѣдахъ и лопаряхъ, который слышался нерѣдко въ литературѣ, въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, напр., уважаемаго профессора А. И. Якобія, и даже въ административныхъ распоряженіяхъ объ ихъ жалкой, полной лишеній жизни, объ эксплоатаціи, которой они, будто бы, подвергаются со стороны сосѣдняго осѣдлаго населенія. Въ дѣйствительности же, къ ихъ услугамъ, въ ихъ распоряженіи необъятныя тундры и лѣса; паси оленей—гдѣ знаешь, лови рыбу—гдѣ хочешь, промышляй звѣрей и птицъ—безпрепятственно, на пространствѣ многихъ милліоновъ десятинъ свободныхъ казенныхъ земель,—только самъ, конечно, не плошай.

И врядъ ли лопарь и самоѣдъ считаютъ себя такими несчастными, какими они изображены въ приведенныхъ стихахъ, въ административныхъ и ученыхъ изслѣдованіяхъ; врядъ ли они будутъ счастливѣе при той опекѣ, которая предлагается въ ихъ, будто бы, интересахъ, для огражденія ихъ отъ вымиранія и эксплоатаціи сосѣдей; врядъ ли они пожелаютъ промѣнять свою свободу, свою тундру, свой чумъ и вѣжу, свою кочевую жизнь на всѣ блага культурной жизни, пока они сами, сближаясь съ сосѣднимъ осѣдлымъ населеніемъ, безъ всякаго внѣшняго давленія, постепенно не почувствуютъ потребности въ новой жизни. И вопросъ еще, не будетъ ли та культурная жизнь, которую хотятъ имъ преждевременно навязать, лишь способствовать скорѣйшему ихъ вымиранію.

Главное занятіе лопарей—оленеводство и рыболовство, а зимою—извозничество на оленяхъ. Къ сожалѣнію, лопари плохіе хозяева: они не заботятся о размноженіи своихъ стадъ и объ извлеченіи изъ оленеводства выгодъ про запасъ. Оленеводство не составляетъ у нихъ предмета постояннаго промысла; они держатъ оленей только въ томъ количествѣ, сколько имъ нужно для домашняго обихода, т.-е. для пищи, одежды и переѣздовъ. Очень немногіе владѣютъ болѣе или менѣе значительными стадами, при чемъ по большей части сами не знаютъ, сколько у нихъ, въ дѣйствительности, имѣется оленей. На лѣто, когда имъ олени не нужны для переѣздовъ, лопари пускаютъ ихъ свободно бродить, куда имъ вздумается, безъ всякаго присмотра. Отъ оводовъ и комаровъ олени обыкновенно забираются въ Хибинскія горы или перекочевываютъ ближе къ океану. На свободѣ олени плодятся безъ присмотра и, находясь въ полудикомъ состояніи, отбиваются нерѣдко отъ своего стада. По наступленіи зимы лопари начинаютъ разыскивать свои стада, и много времени уходитъ на розыскъ оленей, которыхъ, впрочемъ, для того, чтобы не перемѣшивать съ другими, каждый хозяинъ отмѣчаетъ своимъ клеймомъ.

Между тѣмъ, оленеводство могло бы составить предметъ настолько выгоднаго промысла, что онъ одинъ далъ бы лопарямъ возможность обезпеченнаго существованія. Олень не требуетъ за собою почти никакого ухода, лѣтомъ и зимою онъ питается подножнымъ кормомъ: лѣтомъ—разными травами, а зимою—оленьимъ мхомъ, ягелемъ, который олени вырываютъ изъ-подъ снѣга копытами; мохъ этотъ въ изобиліи растетъ по тундрамъ и лѣсамъ всего Кольскаго полуострова. При этомъ, олень даетъ лопарю пищу, одежду, перевозитъ въ его скитаніяхъ его семью и имущество за сотни верстъ; даетъ ему, наконецъ, возможность зарабатывать деньги на извозничествѣ, на содержаніи земскихъ станцій и проч.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кольскій полуостровъ переселилось нѣсколько зырянъ изъ Печорскаго уѣзда съ своими стадами, въ количествѣ около 5,000 головъ. Лопари приняли ихъ въ свое общество и считаютъ ихъ чуть ли не своими благодѣтелями, такъ какъ зыряне, народъ предпріимчивый и расторопный, доставляютъ все необходимое въ ихъ домашнемъ быту, пріобрѣтая всѣ эти предметы, въ свою очередь, выгоднѣе, чѣмъ это удавалось раньше самимъ лопарямъ, и скупаютъ у нихъ за хорошую цѣну шкуры оленей, убитыхъ звѣрей и предметы промысловъ. Недостатка въ

пастбищныхъ мѣстахъ для оленей и скота пока не ощущается; въ настоящее время у зырянъ уже болѣе 10,000 оленей, и они получаютъ отъ нихъ сравнительно огромные барыши. Но зыряне ведутъ оленій промыселъ правильно и толково, оберегаютъ оленей отъ нападенія хищныхъ звѣрей, за оленями у нихъ лѣтомъ и зимою имѣется постоянный присмотръ и уходъ: смотря по времени года, они перегоняются на соотвѣтствующія пастбища и т. д.

Къ 1-му января 1895 года въ Кольскомъ уѣздѣ насчитывалось всего около 40,000 оленей, изъ нихъ, какъ упомянуто выше, принадлежитъ четыремъ семействамъ зырянъ болѣе 10,000 штукъ, тысячъ пять наберется у русскихъ и у колонистовъ финляндцевъ, а всѣмъ лопарямъ принадлежитъ около 25,000 головъ.

II.

Путь отъ Кандалакши до Колы.—Рѣка Нива.—Пинозеро.—Земскія станціи.—Озеро Имандра.—Хибинскія горы.—Перевальная верста между озеромъ Перяверь и Колозеро.—Пудозеро, Мурдозеро и рѣка Кола.—Комары.—Городъ Кола.

Путь, который предстояло намъ пройти отъ Кандалакши до г. Колы, поперекъ Кольскаго полуострова, представляетъ кратчайшее разстояніе между Бѣлымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ. Въ лѣтнее время по этому пути почти никто не ѣздитъ; всѣ сношенія съ Мурманскимъ берегомъ производятся морскимъ путемъ, на пароходахъ товарищества Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства; изрѣдка развѣ проѣдетъ кто-либо изъ мѣстныхъ властей по дѣламъ службы. Съ прекращеніемъ пароходства и наступленіемъ зимняго пути, по этому направленію открывается почтовое сообщеніе. Переѣздъ совершается на оленяхъ, въ керёжахъ (керёжа—нѣчто среднее между лодкою и санями). Самое оживленное время на этомъ пути — конецъ февраля и начало марта, когда тысячи промышленниковъ изъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ отправляются на мурманскіе рыбные промыслы, частью пѣшкомъ, частью на оленяхъ.

Интересную картину представлялъ нашъ кортежъ, длинною вереницею потянувшійся по узкой горной тропинкѣ. Впереди шелъ я въ тужуркѣ, съ ружьемъ за плечами, а за мной прибывшій на-

Переходъ черезъ лѣсъ у Пинозера, въ Лапландіи.

встрѣчу изъ Колы помощникъ кольскаго исправника Гейденрейхъ и остальные спутники, большею частью тоже въ форменныхъ тужуркахъ и бѣлыхъ тюлевыхъ накомарникахъ; затѣмъ бодро шагали солдаты охотничьей команды, въ полной походной формѣ, съ берданками и запасомъ продовольствія и проч. на особыхъ козелкахъ за плечами, всего до двухъ пудовъ на человѣка; въ хвостѣ тянулись носильщики съ багажемъ, привязаннымъ также къ козелкамъ, надѣтымъ на плечи, по большей части женщины-лопарки, всего до 30-ти человѣкъ.

Изъ Кандалакши мы вышли 16-го іюня, въ 8 час. утра. Первый переходъ до Зашеечной станціи пришлось пройти 13 верстъ пѣшкомъ, все время вдоль рѣки Нивы, по довольно холмистой, каменистой мѣстности, покрытой рѣдкимъ, преимущественно сосновымъ лѣсомъ. Рѣка Нива настолько порожиста, что по ней ѣхать въ лодкѣ невозможно; съ шумомъ несутся ея воды по камнямъ и, пробираясь между горъ, представляютъ для путника цѣлую серію разнообразныхъ живописныхъ картинъ: передъ глазами бушующій потокъ, а вдали — высокія горы, до половины покрытыя лѣсомъ, съ вершинами, лишенными всякой растительности.

По пути, не только у подножія холмовъ, но и на возвышенныхъ мѣстахъ, встрѣчаются топкія, моховыя мѣста, по которымъ настланы мостки, въ родѣ тротуаровъ; идти по такимъ мосткамъ, если они хорошо устроены, т.-е., если они вытесаны и прочны, очень удобно.

Было довольно жарко, комары со всѣхъ сторонъ облипали насъ и только накомарники спасали отъ укусовъ лицо и шею; но рукъ — ни лайковыя, ни замшевыя перчатки не могли спасти отъ ихъ уколовъ.

Пройдя 13 верстъ, мы сдѣлали небольшой привалъ. Послѣ завтрака и отдыха въ ожидавшихъ насъ лодкахъ, мы проплыли 4 версты по рѣкѣ Нивѣ до новыхъ пороговъ, затѣмъ прошли 4 версты пѣшкомъ и 5 верстъ опять на лодкахъ по Ниозеру. Вѣтеръ былъ попутный, а потому эти 5 верстъ мы быстро прошли подъ парусами и, наконецъ, послѣднія 6 верстъ до Зашеечной станціи шли опять пѣшкомъ, — такъ что въ первый день мы сдѣлали 23 версты пѣшкомъ и 9 верстъ на лодкахъ, а всего 32 версты, и не чувствовали особенной усталости.

Телеграфный инженеръ Менделѣевъ дѣлалъ всюду на ходу замѣтки и, такимъ образомъ, набрасывалъ приблизительное направленіе будущей телеграфной линіи.

На Зашеечную станцію мы прибыли въ 11 часовъ вечера. Впрочемъ, вечеръ, ночь, утро и день въ той широтѣ, въ которой мы находились, и въ это время года — понятія относительныя; солнце вовсе не сходитъ съ горизонта, слѣдовательно, все время — день, утро и вечеръ — опредѣляются только часами. Во всякомъ случаѣ, въ хорошую погоду лучше путешествовать ночью, когда воздухъ свѣжѣе и потому не такъ утомительно идти, да и комары какъ-то меньше осаждаютъ путника.

Первый привалъ на пути отъ Кандалакши, у рѣки Нивы, въ Лапландіи.

Зашеечная станція находится на южномъ берегу озера Имандры. Это озеро самое большое на всемъ Кольскомъ полуостровѣ и по прямому направленію, съ юга на сѣверъ, имѣетъ въ длину 100 верстъ, а въ ширину отъ 5-ти до 30-ти верстъ.

На пути отъ Кандалакши до Колы земскія станціи расположены, въ среднемъ, на протяженіи отъ 30-ти до 50-ти верстъ одна отъ другой. Каждая изъ этихъ станцій представляетъ собою небольшую избу въ 5 — 6 квадратныхъ саженей, въ 3 аршина высотою, съ одно-скатною низкою крышею. Печь въ такой станціи устроена довольно оригинально и представляетъ не то каминъ, не то откры-

тый горнъ съ прямою надъ нимъ трубою; сложена она изъ кирпича на глинѣ, и, нужно сказать, такая печь довольно практична: она не дымитъ, быстро нагрѣваетъ избу и отлично вентилируетъ ее; въ то же время она удобна для нагрѣванія воды и для приготовленія пищи. Хотя подобная станція и не представляетъ большихъ удобствъ, но все-таки путникъ можетъ скрыться въ ней отъ непогоды, согрѣться и даже устроиться на ночлегъ. Содержатели станцій обязаны лѣтомъ, на каждомъ переѣздѣ водою, имѣть извѣстное число лодокъ и гребцовъ, которые въ то же время служатъ провожатыми и носильщиками по сухопутнымъ переходамъ; зимою для переѣзда отъ одной станціи до другой содержится соотвѣтствующее число оленей.

Хотя Зашеечная станція, въ ожиданіи нашего проѣзда, была начисто выскоблена и, повидимому, въ ней произведенъ нѣкоторый ремонтъ, тѣмъ не менѣе она пришла уже въ такую ветхость, что притолки вываливались отъ перваго толчка, стѣны просвѣчивали и вѣтеръ свободно врывался въ прогнившіе углы. Вообще весь перегонъ отъ Кандалакши оказался не вполнѣ исправнымъ: мостки во многихъ мѣстахъ прогнили и проваливались, нѣкоторыя лодки обветшали и давали течь, а потому я предложилъ кемскому исправнику немедленно перестроить станцію, а также привести въ исправность лодки и мостки.

На другое утро задулъ довольно сильный сѣверный, противный намъ вѣтеръ. Между тѣмъ, намъ предстоялъ слѣдующій переходъ до Экостровской станціи, въ 30 верстъ, все время по озеру Имандрѣ. Крупныя волны ударяли о каменистые берега, по ихъ гребнямъ катилась бѣлая пѣна, — по мѣстному выраженію, барашки; озеро приняло темно-свинцовую окраску, и вообще все предвѣщало недоброе. Разсчитывая, что къ ночи, быть-можетъ, вѣтеръ утихнетъ, мы только въ 5 часовъ вечера рѣшились сѣсть въ лодки. Но наши надежды не оправдались, вѣтеръ дулъ все съ тою же силою, съ сѣвера, озеро бушевало, идти подъ парусами было невозможно и только благодаря силѣ и ловкости нашихъ гребцовъ-солдатъ, большею частью уроженцевъ Мезенскаго, Печорскаго и Кемскаго уѣздовъ, съ малолѣтства привыкшихъ къ водѣ и не разъ уже побывавшихъ на промыслахъ въ морѣ, мы подвигались впередъ. Причаливъ раза два къ берегу для отдыха и осмотра береговъ, мы, наконецъ, довольно-таки утомившись, прибыли къ Экостровской станціи 18-го іюня, въ 1 ночи, сдѣлавъ, такимъ образомъ, тридцати-

верстный переходъ на веслахъ, при противномъ вѣтрѣ, въ восемь часовъ.

Станція Экостровская расположена на западномъ берегу Имандры, на пригоркѣ; направо и налѣво въ безконечной дали разстилается озеро Имандра; прямо передъ глазами, на противоположномъ восточномъ берегу, высятся Хибинскія горы съ ихъ разнообразными остроконечными вершинами, покрытыми то сплошь, то полосами вѣчнымъ снѣгомъ.

Отдохнувъ и выспавшись, мы въ полдень того же 18-го іюня, пользуясь измѣнившимся и ставшимъ для насъ уже нѣсколько попутнымъ юго-западнымъ вѣтромъ, поставили паруса и быстро понеслись опять по озеру. Вѣтеръ былъ крѣпкій, паруса надувались и несли наши лодки по волнамъ со скоростью слишкомъ десяти верстъ въ часъ; брызги летѣли на насъ съ носа, а боковая волна захлестывала иногда воду въ лодку; но ловкіе солдатики мастерски справлялись съ плохенькими парусами, и въ какихъ-нибудь два часа мы прошли уже поперекъ озера и высадились на полпути на восточной сторонѣ озера у избы Высокой.

Когда плывешь по озеру или смотришь съ западнаго берега, то кажется, что Хибинскія горы расположены у самаго восточнаго берега и круто опускаются къ озеру. Это очень озабочивало меня, такъ какъ по восточному берегу предполагалось вести телеграфъ; болота и глубоко врѣзывающіеся въ берегъ заливы, въ западной сторонѣ озера, въ значительной мѣрѣ затруднили бы постройку телеграфа по этой сторонѣ. Каково же было наше удивленіе, когда весь восточный берегъ оказался лишь слегка приподнятымъ надъ уровнемъ озера, сухимъ и покрытымъ сплошь довольно хорошимъ сосновымъ лѣсомъ, годнымъ для телеграфныхъ столбовъ. Горы какъ бы висѣли надъ нами, но до подошвы ихъ нужно было идти версты двѣ-три, а до вершинъ—цѣлые десятки верстъ, такъ что по берегу озера можно строить не только телеграфъ, но и желѣзную дорогу. Мѣстные лопари сообщили намъ, что этотъ берегъ озера никогда не затопляется даже весною и всюду удобопроходимъ.

Хотя въ 1894 году инженеромъ Рипасомъ и была произведена рекогносцировка по пути отъ Кандалакши къ Колѣ, на случай проведенія въ этомъ направленіи желѣзной дороги, но изслѣдованіями его нельзя было воспользоваться для опредѣленія точнаго направленія телеграфной линіи, такъ какъ Рипасомъ не оставлено на мѣстѣ никакихъ слѣдовъ; кромѣ того,

рекогносцировка эта не имѣла характера точныхъ изысканій, а представляла лишь общій обзоръ мѣстности; поэтому, бывшему съ нами инженеру необходимо было съ бо̀льшимъ вниманіемъ производить осмотры мѣстности, для болѣе точнаго опредѣленія направленія телеграфа.

Возможность проведенія телеграфа по всему восточному берегу озера Имандры, на протяженіи около 100 верстъ, представляла много удобствъ и устраняла тѣ затрудненія, которыя мы предполагали встрѣтить на этомъ мѣстѣ, въ виду близости къ озеру Хибинскихъ горъ — съ восточной стороны и непроходимыхъ тундръ и массы водныхъ пространствъ — съ западной стороны. Кромѣ того, проведеніе линіи вдоль самаго берега имѣло еще и то преимущество, что этимъ значительно будетъ облегченъ впослѣдствіи надзоръ за линіею: лѣтомъ вдоль берега можно всегда проѣхать на лодкѣ, а зимою по тому же пути проходитъ почтовый трактъ. Наконецъ, тамъ же имѣются станціонные домики, а если бы при устройствѣ самой линіи и представилась необходимость отнести ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ сторону отъ существующихъ станціонныхъ домиковъ, то эти послѣдніе можно будетъ безъ особыхъ затрудненій переставить ближе къ самой линіи.

Осмотрѣвъ, такимъ образомъ, восточный берегъ Имандры въ разныхъ мѣстахъ, мы опять понеслись съ попутнымъ вѣтромъ по озеру и къ 8-ми часамъ вечера были уже на станціи Разъ-Наволокъ, сдѣлавъ въ этотъ день ровно 50 верстъ.

Вообще переѣзды по озерамъ и рѣкамъ, особенно при попутномъ вѣтрѣ, когда можно было ставить паруса, мы считали отдыхомъ; всѣ были довольны — какъ путешественники, такъ и солдаты, носильщики и лопари. Между нами былъ одинъ только недовольный человѣкъ — мой поваръ Павелъ, въ своемъ дѣлѣ — великій искусникъ и любитель его, но, какъ всякій артистъ, капризный и безпокойный. Лопарскія лодки и качка при водили его въ ужасъ, и, когда брызги залетали въ лодку, онъ убѣждалъ выпустить его на берегъ съ тѣмъ, что онъ догонитъ насъ по берегу; увѣряя, что на его долю достаются самыя скверныя, гнилыя и дырявыя лодки, что у него гребцы ничего не сто̀ящія — бабы-лопки, которыя его непремѣнно утопятъ, онъ все время ими командовалъ и, ничего не понимая въ управленіи парусомъ и рулемъ, приводилъ только въ смущеніе лопарокъ, которыя не знали, что̀ дѣлать, не смѣя ослушаться такой важной и требовательной

персоны. Чтобы, наконецъ, нѣсколько успокоить Павла, я посадилъ его въ свою лодку, и тутъ уже смиренно, съ кастрюлькою въ рукахъ, онъ молча вычерпывалъ капли воды, набиравшіяся въ лодку, или затыкалъ тряпочками, при помощи ножика, дыры, которыя ему всюду мерещились. Но нужно было его видѣть, когда мы выходили на берегъ. Тутъ Павелъ былъ въ своей сферѣ и совершенно преображался; онъ тотчасъ облекался въ чистый бѣлый костюмъ, громко раздавались его командныя слова, солдаты по его указанію раскладывали огонь, одинъ таскалъ дрова, другой носилъ и

Озеро Имандра въ Лапландіи.

нагрѣвалъ воду въ котелкахъ, третій разбиралъ тюки съ посудою и провизіею и устраивалъ обѣденный столъ, бабы-лопарки мыли посуду, чистили рыбу и проч. Всѣмъ была работа, при чемъ занятія были строго распредѣлены и все дѣлалось быстро, безъ всякой суеты, и не проходило получаса, какъ мы уже сидѣли за сервированнымъ по всѣмъ правиламъ искусства столомъ и благодушествовали. Все подавалось опрятно, вкусно, какъ будто кушанья приготовлялись не на козелкахъ и таганчикахъ, въ глуши лопарскихъ лѣсовъ, а въ благоустроенномъ городскомъ домѣ; одно блюдо

смѣнялось другимъ, по порядку: супъ или уха, жареная дичь, сладкое, затѣмъ чай съ лимономъ, даже фрукты и проч.,—все, какъ слѣдуетъ. Мы только удивлялись, откуда все это берется и какъ сохраняется, тѣмъ болѣе, что кульки съ запасами не отличались ни тяжестью, ни громоздкостью. Круто и властно Павелъ обращался со всѣми, пока онъ приготовлялъ обѣдъ; но, когда обѣдъ былъ поданъ и аппетиты наши удовлетворены, онъ дѣлался вдругъ благодушнымъ и милостивымъ къ своимъ подчиненнымъ, распространяя и на нихъ свои заботы: снабжалъ солдатъ провизіей, угощалъ ихъ чаемъ и виномъ, хлопоталъ, чтобы они не остались безъ пищи и менѣе всего заботился о себѣ. Точно такъ же онъ никогда не забывалъ позаботиться о провизіи. Особенно много хлопотъ причиняло намъ сливочное масло, запасенное еще въ Архангельскѣ: къ этому маслу, какъ наиважнѣйшему предмету для приготовленія кушаній, былъ приставленъ даже особый человѣкъ; когда мы плыли на лодкахъ, масло, завернутое въ холстѣ, должно было болтаться въ водѣ, несмотря на то, что это задерживало ходъ лодки; послѣ каждаго перехода, масло немедленно опускалось въ холодную воду; даже по пути, при малѣйшей остановкѣ, его помѣщали въ попутный ручеекъ или озерко. Все время у Павла занято: то видишь, какъ онъ очищаетъ, солитъ или коптитъ пойманную по пути рыбу, то ощипываетъ и приготовляетъ убитую по дорогѣ дичь, такъ что эти занятія, при переѣздахъ по озерамъ, до нѣкоторой степени отвлекали его вниманіе отъ страшныхъ для него волнъ.

Нужно сказать, что дорогою наши запасы постоянно пополнялись свѣжею провизіею. Я не упускалъ случая поохотиться; моя лодка всегда шла впереди, и съ нея частенько раздавались выстрѣлы и мелькалъ дымокъ,—а слѣдующія лодки уже подбирали убитыхъ утокъ и куликовъ и гонялись за ранеными. Когда я выходилъ на берегъ и осматривалъ мѣстность съ инженеромъ, всетаки не оставлялъ ружья и всегда возвращался то съ глухаремъ, то съ бѣлою куропаткою. Впрочемъ, встрѣчавшаяся дичь не отличалась разнообразіемъ: глухари, бѣлыя куропатки и утки разныхъ породъ—вотъ и все, что попадало къ намъ на столъ; зато рыбы было много и очень вкусной. Къ нашимъ лодкамъ привязывались бичевки съ блёсною для приманки рыбы, и то-и-дѣло попадались довольно большія рыбы изъ породы форелей: кумжа, харіусъ, а то и семга; кромѣ того, въ заборахъ, устроенныхъ лопарями на поро-

жистыхъ мѣстахъ, мы находили семгу и сиговъ, такъ что продовольствіе наше всегда было обезпечено обиліемъ превкусной рыбы. Наконецъ, если бы потребовалось мясо, то и въ немъ не было недостатка. Изъ чащи постоянно выскакивали олени, то старые, съ огромными вѣтвистыми рогами, то молодые, безрогіе. Наши солдатики, всѣ отличные стрѣлки, не разъ порывались убить оленя своими берданками, но ихъ порывы были останавливаемы, такъ какъ въ провизіи недостатка не ощущалось.

Начало рѣки Колы у Мурдозера.

Разъ-Наволоцкій станціонный домикъ, а равно и послѣдующіе, Масельскій и Кицкій, оказались въ порядкѣ, опрятны и, по-видимому, только-что отремонтированы; вездѣ имѣлись самовары, чайная посуда, столы, табуретки и палатки для ночлега.

Изъ Разъ-Наволоцкой станціи мы отправились 19-го іюня, въ 12 час. дня, опять подъ парусами на лодкахъ, по тому же озеру Имандра. Несмотря на то, что озеро здѣсь въ значительной мѣрѣ уже, тѣмъ не менѣе оно бушевало изрядно; но такъ какъ вѣтеръ былъ попутный, то оставшіяся до конца озера 12 верстъ, до устья порожистой рѣки Куреньги, мы доплыли въ 1 часъ 10 минутъ; на-

тѣмъ прошли 4 версты пѣшкомъ вдоль рѣчки Куренги, потомъ опять 12 верстъ по озеру Переяверь (яверь — по-лопарски озеро) и, наконецъ, одну версту пѣшкомъ до слѣдующаго Колозера.

Эта верста представляетъ перевалъ и водораздѣлъ между Сѣвернымъ океаномъ и Бѣлымъ моремъ. Всѣ озера къ югу отъ этого перевала и всѣ вытекающія изъ этихъ озеръ рѣки имѣютъ теченіе въ Кандалакшскій заливъ Бѣлаго моря, а теченіе озеръ и рѣкъ къ сѣверу направлено въ Сѣверный океанъ. Такимъ образомъ, только на пространствѣ одной версты между океаномъ и Бѣлымъ моремъ нѣтъ непрерывной водной связи.

Пройдя эту версту, мы опять сѣли въ лодки и, проплывъ 5 верстъ по Колозеру, прибыли на Масальскую станцію въ 8 часовъ вечера, сдѣлавъ, слѣдовательно, въ этотъ день отъ Разъ-Наволоцкой станціи 29 верстъ водою и 5 верстъ пѣшкомъ, а всего 34 версты.

На слѣдующій день, 20-го іюня, въ 10 часовъ утра, опять прослѣдовали 10 верстъ по Колозеру, потомъ 4 версты по материку пѣшкомъ, 10 верстъ по Пулозеру, 4 версты пѣшкомъ, 15 верстъ по Мурдозеру и, наконецъ, вдоль рѣки Колы, вытекающей изъ Мурдозера, 7 верстъ пѣшкомъ до станціи Кицкой.

Въ Кицкую станцію прибыли въ 12 часовъ, довольно-таки утомленные, сдѣлавъ этотъ переходъ въ 14 часовъ. На этотъ разъ не столь утомительны были переходы пѣшкомъ, какъ трудны переѣзды по озерамъ. Вслѣдствіе сильнаго порывистаго вѣтра, хотя и попутнаго, нельзя было все время идти подъ парусами, оказывалось необходимымъ спускать паруса и выгребаться на веслахъ, такъ какъ маленькія, не особенно прочныя лопарскія лодки могли не выдержать удара волнъ отъ сильнаго напора при ходѣ на парусахъ и при порывистомъ вѣтрѣ; вода нерѣдко захлестывала въ лодки и приходилось приставать къ берегу, чтобы дать отдохнуть гребцамъ и выливать воду изъ лодокъ. Наконецъ, постоянная выгрузка и нагрузка багажа, то въ лодки, то на плечи, до шести разъ въ теченіе дня, утомили людей.

Пройденныя нами въ этотъ переходъ озера Колозеро, Пулозеро и Мурдозеро, соединенныя между собою порожистыми рѣчками, рѣдко имѣютъ въ ширину болѣе 3 — 4 верстъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько суживаются, что скорѣе имѣютъ видъ рѣки. Изъ Мурдозера вытекаетъ рѣка Кола, и, слѣдовательно, всѣ три озера представляютъ собою водный резервуаръ для этой рѣки. Истоки Колы очень живописны. Рѣка съ шумомъ несется по по-

рогамъ между крутыми скалами, покрытыми густымъ сосновымъ лѣсомъ. Переходы по тайболѣ (лѣсъ по горамъ) представляютъ также не мало своеобразія и интереса; лѣсъ сосновый, рѣдкій и тонкій, а вся земля покрыта какъ бы бѣлымъ сплошнымъ и густымъ ковромъ изъ ягеля (олений мохъ или олений лишай).

Какъ ни утомлены были всѣ, но тотчасъ по приходѣ на станцію запылали костры, закипѣла вода, засуетился Павелъ, а солдатики раскинули палатку и готовили себѣ ужинъ. Намъ принесли только-что выловленную большую семгу, вѣсомъ слишкомъ 25 фун-

Гора Соловарака, близъ г. Колы.

товъ, и не прошло получаса, какъ за вкуснымъ ужиномъ всѣ весело болтали, вспоминая разные эпизоды дня.

Кицкая станція расположена очень живописно на пригоркѣ. Впереди и справа несется по порогамъ рѣка Кола, а слѣва — впадающая въ Колу рѣчка Кица, также вся въ порогахъ; кругомъ шумъ разбивающейся о камни воды, а вдали — утесистыя горы, покрытыя зеленымъ лѣсомъ. Чтобы перейти рѣчку Кицу, нужно было съ различными ухищреніями перебраться по этому порожистому, быстро несущемуся потоку; насъ перевели между камнями на ма-

ленькихъ лодкахъ, которыя садились то носомъ, то кормою на невидимые иногда подводные камни; въ концѣ-концовъ, отпихиваясь шестами и баграми, мы благополучно перебрались черезъ эту пучину, а солдатики ухитрились перебраться черезъ нее и безъ помощи лодокъ, перескакивая съ камня на камень, ничуть не смущаясь, когда, соскользнувъ съ камня, попадали по поясъ въ воду, и только подтрунивая другъ надъ другомъ при неудачномъ прыжкѣ.

Проснувшись на другое утро, видимъ слѣдующую сцену: сидятъ, понуря голову, два солдатика на камнѣ, потъ градомъ льется съ ихъ лицъ, смотрятъ они пристально на бумажку и повторяютъ какія-то непонятныя слова. Оказалось, что подполковникъ Чарковскій ночью вышелъ зачѣмъ-то изъ станціоннаго домика и, услыхавъ разговоръ въ солдатской палаткѣ, заглянулъ въ нее; несмотря на пройденный утомительный переходъ и предстоящій еще двадцати-верстный переходъ пѣшкомъ до Колы, когда, казалось бы, всѣмъ надлежало спать безъ заднихъ ногъ, два солдатика играютъ въ какую-то игру на деньги. И придумалъ же имъ милѣйшій ихъ начальникъ наказаніе: записавъ на бумажкѣ имя и фамилію только-что назначеннаго батальоннаго командира полковника Мунте-фонъ-Моргенстіерне, онъ приказалъ солдатикамъ выучить къ слѣдующему дню фамилію командира. Нужно было видѣть ихъ отчаяніе, ихъ усиліе запомнить и выговорить столь трудную фамилію, — это имъ никакъ не удавалось; все утро, весь день они просидѣли надъ бумажкой, являлись къ Н. И. Чарковскому на экзаменъ, но тутъ память у нихъ какъ бы отшибало, и они только мычали что-то непонятное. Наконецъ, я сжалился надъ ними и увѣрилъ ихъ, что батальонный командиръ разрѣшитъ имъ называть его просто полковникомъ Мунте. Весело побѣжали они къ Н. И. Чарковскому и доложили, что знаютъ, какъ зовутъ ихъ командира.

— Ну, какъ?

— Полковникъ Мунте, ваше высокоблагородіе, — отчеканили смѣло солдатики, беря подъ козырекъ.

— Да это не все.

— Все, ваше высокоблагородіе, — потому его превосходительство сами сказали.

— Ну, если его превосходительство сказали, такъ ваше счастіе. Съ Богомъ! — добродушно усмѣхнулся Н. И. Чарковскій.

День 21-го былъ жаркій, прогремѣлъ громъ, пролилъ крупный лѣтній дождь и комары тучами окружили насъ; тысячи ихъ погибали

подъ нашими ударами, отъ дыма и огня, но ни костры, ни куренье можжевельникомъ не могли спасти насъ отъ ихъ укусовъ на открытомъ воздухѣ, такъ что мы въ правѣ были назвать Кицкую станцію—Комариною. Только и возможно было укрыться отъ комаровъ въ станціонной избѣ или палаткѣ, гдѣ зажигались на нѣкоторое время бывшія у насъ въ запасѣ, выписанныя отъ Штоля и Шмидта, Соловьевскія курительныя свѣчи (Fidibus insettitughi). Этого снадобья комары дѣйствительно не выносили, стремглавъ

Городъ Кола (видъ съ материка).

вылетали изъ комнаты или изъ палатки, а тѣ, которые оставались, теряли, повидимому, всякую охоту кусаться.

Въ виду жары, комаровъ и предстоявшаго большого перехода пѣшкомъ, мы весь день отдыхали на Кицкой станціи, да и мѣстность кругомъ была такъ красива, что не хотѣлось уходить. Только въ 7 час. веч. мы тронулись въ путь. Тропинка шла въ гору; по крайней мѣрѣ, 1 версту намъ пришлось взбираться все вверхъ, сперва по сухому сосновому бору, а далѣе по каменистой тундрѣ, покрытой мелкими деревцами и ползучею полярною березкою. Несмотря на наступившіе часы ночи, было тепло, и солнце ярко свѣ-

тило. Всѣмъ хотѣлось пить. Мы такъ привыкли къ обилію влаги, къ чистой какъ кристаллъ водѣ порожистыхъ рѣкъ и прозрачныхъ озеръ, дно которыхъ вымощено сплошь камнемъ, — а тутъ, какъ нарочно, ни ручейка, ни озерка. Между тѣмъ, я шагалъ впереди всѣхъ, своимъ мѣрнымъ шагомъ, не останавливаясь и не присаживаясь, а спутники мои, хотя и уныло, но, волей-неволей, тянулись за мною; наконецъ, только на одиннадцатой верстѣ попался ручеекъ и мы сдѣлали маленькій привалъ. Утоливъ жажду, мы бодро двинулись впередъ и остальныя пять верстъ прошли незамѣтно и быстро, а затѣмъ поплыли на веслахъ по рѣкѣ Колѣ, по теченію. Берега р. Колы очень живописны. Пятнадцать верстъ, пройденныя по рѣкѣ, мы все время наслаждались самыми разнообразными красивыми видами. Не доѣзжая трехъ верстъ до г. Колы, опять пришлось выйти на берегъ и идти пѣшкомъ, такъ какъ рѣка снова понеслась по порогамъ. Здѣсь насъ встрѣтили кольскій исправникъ В. И. Смирновъ, чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ Кольскаго уѣзда Мухинъ, кольскій городской староста и кольско-лопарскій волостной старшина.

Три версты шли мы все въ гору Соловарака; наконецъ, поднялись на ея вершину, и передъ нами открылся чудный видъ: справа шумѣла и бурлила рѣка Кола по порогамъ, слѣва плавно неслась рѣка Тулома, подъ нами раскинулся маленькій городокъ Кола, а вдали, при утреннемъ солнечномъ освѣщеніи, широкою полосою блестѣлъ Кольскій заливъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Въ Колу мы прибыли 22-го іюня, въ 5 часовъ утра, сдѣлавъ послѣдній переходъ въ 34 версты — 19 верстъ пѣшкомъ и 15 верстъ водою — въ теченіе 10-ти часовъ.

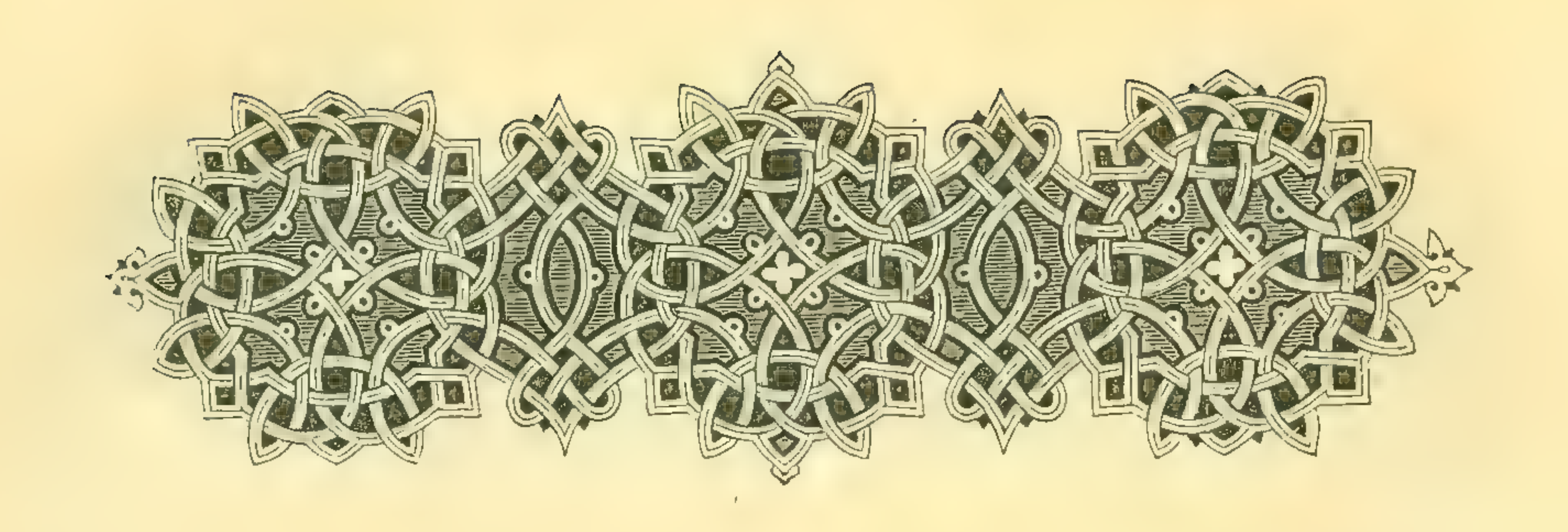
Такъ закончилась вторая часть нашего путешествія отъ Кандалакши до Колы,—отъ Бѣлаго моря до Сѣвернаго океана, — поперекъ всего Кольскаго полуострова.

Цѣль этого путешествія была вполнѣ достигнута: возможность проведенія телеграфной линіи, безъ особыхъ затрудненій, отъ Кандалакши до Колы вполнѣ выяснилась и сдѣлалась очевидною. Здѣсь мы разстались съ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ нашихъ спутниковъ, телеграфнымъ инженеромъ Менделѣевымъ: онъ отправился обратно по пройденному нами пути, чтобы окончательно намѣтить направленіе телеграфной линіи, нанести ее на планъ и проч. Инженеръ Менделѣевъ прибылъ въ Архангельскъ для работъ по Мурманской телеграфной линіи прямо съ острова Сахалина.

Его ничто не удивляло и не смущало, — повидимому, онъ видалъ и не такіе виды; такъ, онъ находилъ, что вести телеграфъ черезъ Кольскій полуостровъ — почти все равно, что вести его по благоустроенному парку; никогда онъ не уставалъ, на всякомъ привалѣ обходилъ далеко кругомъ мѣстность и все отмѣчалъ; почти никогда

Городъ Кола (видъ съ моря).

не раздѣвался, а спалъ одѣтый, на голой скамейкѣ, положивъ чемоданчикъ подъ голову; лодки, тропинки, мостки и станціонные домики онъ находилъ всегда совершенно удобными...



Мурманъ.

I.

Историческій очеркъ. — Границы. — Печенгскій монастырь. — Преподобный Трифонъ Печенгскій и Ѳеодоритъ Кольскій. — Льготы переселенцамъ. — Воспрещеніе привоза спиртныхъ напитковъ. — Существующія колоніи. — Климатъ. — Дѣятельность Общества «Краснаго Креста». — Промысловыя артели. — Правительственныя ссуды. — Соль. — Рыбный промыселъ. — Административный пароходъ. — Военный крейсеръ. — Морскіе промыслы: тюленій, китобойный, акулій, сельдяной.

МУРМАНСКИМЪ берегомъ называется вся прибрежная полоса Ледовитаго океана отъ Бѣлаго моря, считая отъ Св. Носа до границъ Норвегіи.

Въ настоящее время граница съ Норвегіей начинается при впаденіи р. Ворьемы въ Сѣверный океанъ, огибаетъ къ западу приморскую береговую полосу до устья р. Пазы и затѣмъ идетъ все время вдоль этой рѣки до границы Финляндіи. Интересно прослѣдить, какъ образовалась эта граница. Дружескія отношенія между Россіей и Норвегіей установились издавна; въ сочиненіи Эрика Берньера, изданномъ въ Стокгольмѣ въ 1740 г., между прочимъ, упоминается, что въ XI-мъ вѣкѣ границею между Русью и Норвегіей считался, по договору Ярослава Мудраго съ Норвежскимъ королемъ Олафомъ Тюркесономъ, морской заливъ Люгенфіордъ. Ярославъ былъ женатъ на дочери короля Олафа и между ними была большая дружба.

Впрочемъ, добрыя, сосѣдскія отношенія съ Норвегіей сохранились до настоящаго времени; поморы очень любятъ ходить на своихъ судахъ въ «Норвегу», во всѣхъ сѣверныхъ Норвежскихъ приморскихъ городахъ: Вардэ, Вадзе, Гаммерфестѣ и Тромзѣ, всегда можно встрѣтить много поморскихъ судовъ; съ этими городами поморы издавна ведутъ небезвыгодную для себя мѣновую торговлю.

Пазъ-рѣка или Патсіоки, входящая въ составъ границы между Россіей и Норвегіей. — Домъ новой церкви свв. Бориса и Глѣба и селеніе лопарей.

Иныя отношенія были къ Швеціи. Военныя дѣйствія съ нею постоянно возобновлялись, а потому пограничныя съ Швеціей земли часто подвергались разоренію и переходили изъ рукъ въ руки.

По мирному договору, заключенному новгородскимъ княземъ Юріемъ Даніиловичемъ съ шведскимъ королемъ Магнусомъ, въ

г. Орѣховѣ въ 1323 году, нашимъ морскимъ рубежемъ считался уже не Люгенфордъ, а Варангеръ-фьордъ. Въ 1826 году граница приняла современное направленіе.

Первыми русскими поселенцами на Мурманѣ были новгородскіе выходцы, а первымъ поселеніемъ, о которомъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ 1264 г., была Кола; но въ какомъ году и кѣмъ Кола основана, — положительныхъ свѣдѣній не имѣется. Постоянныя войны, которыя велъ Іоаннъ Грозный съ Швеціей, требовали

Церковь свв. Бориса и Глѣба, построенная въ XVI вѣкѣ св. Трифономъ, на границѣ съ Норвегіей.

на далекомъ Сѣверѣ укрѣпленнаго военнаго пункта, и потому въ 1550 г. Кольскій поселокъ былъ переименованъ въ Кольскій острогъ и управленіе Кольскимъ округомъ ввѣрено особому воеводѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кольскій острогъ служилъ мѣстомъ для ссылки государственныхъ преступниковъ, что продолжалось до 1801 года.

Почти въ то же время, въ первой половинѣ XVI-го вѣка, на берегахъ р. Печенги и на Пазъ-рѣкѣ появился ревностный подвижникъ православія, сынъ священника изъ окрестностей г. Торжка, Трифонъ Печенгскій; онъ началъ проповѣдывать между лопарями слово Божіе

и вскорѣ заслужилъ ихъ полное довѣріе своимъ простымъ обращеніемъ, аскетическою жизнью и добротою. Онъ основалъ на рѣкѣ Печенгѣ обитель, которая привлекла сюда другихъ подвижниковъ и въ томъ числѣ соловецкаго инока Ѳеодорита. Ѳеодоритъ былъ человѣкъ выдающихся способностей, ему принадлежитъ переводъ разныхъ молитвъ на лопарскій языкъ. Вмѣстѣ съ Трифономъ онъ идетъ въ Москву, чтобы хлопотать объ устроеніи новой Печенгской обители. Въ Москвѣ они были приняты милостиво; по жалованной грамотѣ 1556 года Печенгскому монастырю были даны на прокормленіе морскія губы: Мотовская, Урская, Илицкая, Печенгская, Пазрѣцкая и Нявденская съ рыбными ловлями въ морѣ и рѣкахъ, съ окрестными землями, лѣсами и озерами и съ лопарями.

Въ память этого пожалованія св. Трифонъ построилъ на Пазърѣкѣ, на теперешней границѣ съ Норвегіей, храмъ во имя свв. Бориса и Глѣба. Эта маленькая церковь стоитъ и понынѣ, какъ памятникъ далекой старины и на стражѣ русскихъ интересовъ и православія, а рядомъ съ нею, по иниціативѣ Великаго Князя Алексѣя Александровича, построены въ 1874 году новый красивый храмъ, домъ для священника и школа для лопарскихъ дѣтей.

Во время моего посѣщенія Пазъ-рѣки, я видѣлъ въ древней церкви сохранившуюся до сихъ поръ ея убогую утварь XVI-го вѣка, бережно хранимую священникомъ Щеколдинымъ, который съ особымъ усердіемъ занятъ духовнымъ просвѣщеніемъ своей паствы, состоящей изъ 200 лопарей, и обученіемъ грамотѣ лопарскихъ дѣтей, встрѣтившихъ меня стройнымъ пѣніемъ молитвы.

Впослѣдствіи, при утвержденіи въ 1826 г. границы между Россіей и Норвегіей, заливы Пазрѣцкій и Нявденскій были уступлены Норвегіи, такъ что прежняя граница по Варангерскому заливу, обойдя храмъ свв. Бориса и Глѣба, отодвинулась значительно на востокъ, до устьевъ рѣки Ворьемы. Преп. Трифонъ, возвратясь изъ Москвы и построивъ церковь во имя свв. Бориса и Глѣба на Пазъ-рѣкѣ, ревностно принялся за устроеніе новой обители на р. Печенгѣ, при впаденіи въ Печенгскій заливъ. Впослѣдствіи, чувствуя приближеніе смерти, онъ уединился въ скитъ за 25 верстъ отъ монастыря. Товарищъ его Ѳеодоритъ оставался нѣкоторое время въ Москвѣ; царь, тогда еще великій князь, возложилъ на него важное дипломатическое порученіе къ Константинопольскому патріарху. Ѳеодоритъ успѣшно исполнилъ это порученіе и привезъ Іоанну благословеніе патріарха и соборное посланіе о возве-

домъ великаго князя въ санъ царскій. Близость Феодорита къ князю Курбскому и то, что царь возлагалъ на него такое серьезное порученіе, свидѣтельствуютъ не только о его умѣ, но и о знатномъ происхожденіи. Но его не соблазняютъ почести въ Москвѣ; подчиняясь тогдашнему влеченію къ подвижничеству и къ аскетической жизни, онъ возвращается на далекій Сѣверъ и, вмѣстѣ съ Трифономъ, рубитъ лѣсъ и таскаетъ бревна.

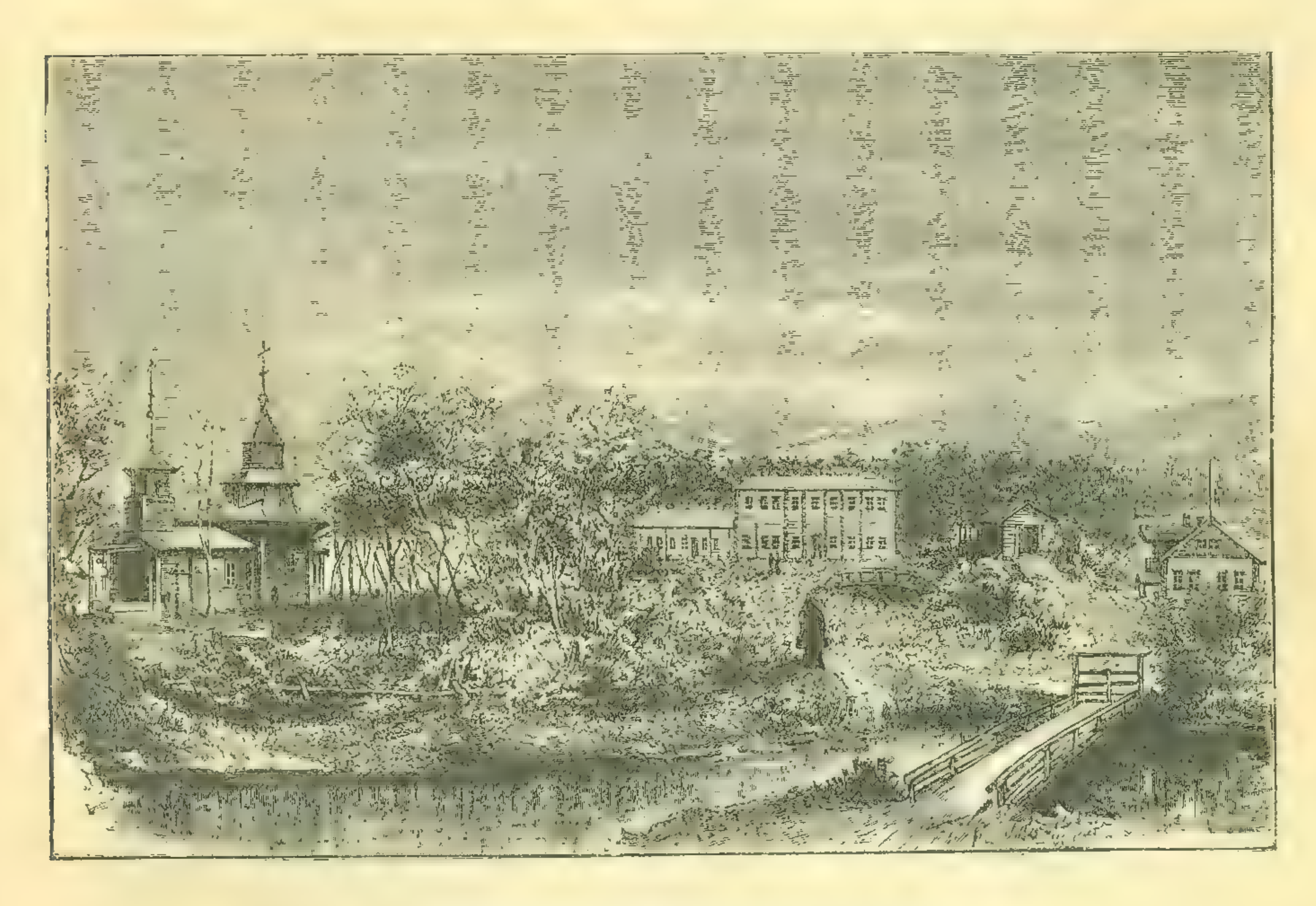
Хотя Печенгская обитель просуществовала недолго, — въ 1590 г. она была разрушена шведами, а вся братія убита, — тѣмъ не

Иконостасъ въ древней церкви свв. Бориса и Глѣба.

менѣе дѣятельность Трифона Печенгскаго и Феодорита Кольскаго имѣла огромное политическое и духовно-нравственное значеніе, укрѣпивъ далекую окраину за Россіей и въ православіи. Крестившіеся лопари остались ревностными православными и до сихъ поръ глубоко чтутъ преподобнаго Трифона.

Въ теченіе трехсотъ лѣтъ Печенгскій монастырь не возобновлялся и вновь былъ открытъ лишь въ 1890 г. Новый монастырь устроенъ въ 25-ти верстахъ отъ прежней обители, на томъ мѣстѣ, куда удалился Трифонъ и гдѣ покоятся его мощи. Я два раза посѣтилъ

монастырь и убѣдился, что мѣсто для него выбрано неудачно. Прежній монастырь былъ расположенъ при впаденіи р. Печенги въ Печенгскій заливъ. Здѣсь есть нѣсколько русскихъ поселковъ; здѣсь же, по близости океана, сосредоточены всѣ экономическіе интересы и промышленная жизнь окружающей мѣстности; сюда прибываютъ пароходы съ богомольцами, которымъ, несмотря на устроенную къ новому монастырю дорогу, трудно туда пробраться; наконецъ, здѣсь же у монастыря есть склады и гостиница. Настоятель монастыря, отецъ Іонаѳанъ, вполнѣ согласился съ моимъ мнѣніемъ и энергично принялся хлопотать о разрѣшенія перевести



Общій видъ Печенгскаго монастыря.

монастырь на первоначальное мѣсто, гдѣ пока есть только часовня надъ прахомъ убіенныхъ въ 1590 г. монаховъ. Вскорѣ было получено соотвѣтствующее разрѣшеніе, и отецъ Іонаѳанъ усердно взялся за дѣло; для монастырскаго храма заготовляется кирпичъ, подвозится лѣсъ и проч. Я, съ своей стороны, убѣдилъ сосѣднихъ колонистовъ, занявшихъ мѣсто, необходимое для монастыря, переселиться на другое мѣсто; по моему ходатайству, монастырю отведено около 3,000 десятинъ для пастьбы монастырскаго скота и монастырскихъ оленей и для заготовки дровъ изъ лѣса, растущагося на

этой землѣ лѣса. Въ настоящее время поблизости устроена почтово-телеграфная станція, а въ Печенгской губѣ имѣетъ постоянную стоянку одинъ изъ пароходовъ товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства «Св. Трифонъ». Такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ вновь устраиваемый Печенгскій монастырь и окружающія его колоніи обѣщаютъ быть значительнымъ экономическимъ и духовнымъ центромъ на Сѣверѣ.

Великій преобразователь Россіи, Петръ Великій, сознавая, насколько нашъ Сѣверъ важенъ въ политическомъ и торгово-промышленномъ отношеніи, укрѣпилъ Кольскій острогъ и въ 1701 году переименовалъ его въ Кольскую крѣпость.

Въ 1780 г., при Императрицѣ Екатеринѣ II, Кольская крѣпость была упразднена и обращена въ уѣздный городъ. Арсеналъ и боевые припасы перевезены въ Екатерининскую гавань, находящуюся въ 50-ти верстахъ отъ Колы, при устьѣ Кольской губы, у открытаго океана, гдѣ уже и въ то время предполагалось создать военный портъ. Эта мысль, однако, не осуществилась, и военные припасы были перевезены въ 1801 г. въ Соловецкій монастырь, а гавань разорена въ 1809 г. англичанами. Той же участи подверглась Кола и въ 1855 г.

Въ 1864 г. образовалась колонія изъ финляндцевъ въ губѣ Ура; тогда же появились колоніи изъ норвежцевъ въ Вайда-губѣ и Земляной. Поселившіеся финляндцы и норвежцы вполнѣ доказали, что на Мурманскомъ берегу можно жить безбѣдно; имъ удалось обзавестись, безъ пособія со стороны правительства, постройками и рогатымъ скотомъ; занимаясь рыбными промыслами, они въ то же время разработали луга и завели даже огороды.

Убѣдившись въ важномъ экономическомъ значеніи Мурманскаго берега для всего Сѣвера Россіи, правительство признало необходимымъ поощрить переселеніе на Мурманъ, а потому Высочайше утвержденными 22-го ноября 1868 г., 14-го мая 1876 г. и 28-го декабря 1890 г. положеніями Комитета Министровъ дарованы поселяющимся на Мурманъ слѣдующія льготы:

1) Переселенцы на Мурманскій берегъ изъ русскихъ подданныхъ, а также изъ иностранцевъ, принявшихъ русское подданство, пользуются: а) въ отношеніи торговли съ Норвегіей правами, предоставленными жителямъ Поморскаго края, Архангельской губерніи, по ст. 1308 — 1311 уст. тамож. (Свод. Зак., т. VI, изд. 1857 г.) и Высочайше утвержденнымъ 12-го ноября 1862 г. мнѣніемъ

Государственнаго Совѣта, и б) льготами, предоставленными, на основаніи ст. 59 уст. о благоустр. въ казен. сел. (Свод. Зак., т. XII. ч. II. изд. 1857 г.), бывшимъ государственнымъ крестьянамъ при переселеніи изъ одной губерніи въ другую.

Новая церковь свв. Бориса и Глѣба на Пазъ-рѣкѣ и рядомъ старая XVI-го вѣка.

2) Переселенцы на Мурманскій берегъ, не исключая иностранцевъ, принявшихъ подданство Россіи, подлежатъ отбыванію воинской повинности на общихъ для всѣхъ Россійскихъ подданныхъ основаніяхъ, но, впредь до особаго распоряженія, переселенцы сіи освобождаются отъ назначенія на дѣйствительную службу и зачис-

ляются прямо въ запасъ флота; при этомъ, переселенцы не призываются ни къ личному вынутію жеребья, ни къ освидѣтельствованію ихъ здоровья и тѣлосложенія; жеребья же вынимаются за нихъ, какъ за отсутствующихъ, предсѣдателемъ подлежащаго присутствія по воинской повинности, на основаніи ст. 142 устава о сей повинности, а требуемое на службу число новобранцевъ назначается въ порядкѣ, указанномъ въ статьяхъ 146 и 152 означеннаго устава, безъ освидѣтельствованія.

3) Всѣ безъ изъятія приписавшіеся къ осѣдлому поселенію на Мурманскомъ берегу переселенцы, или колонисты, освобождаются, впредь до особаго распоряженія, отъ платежа государственныхъ податей и отбыванія денежныхъ и натуральныхъ повинностей.

4) Мурманскіе колонисты могутъ: а) заниматься всякаго рода торговлею и промыслами на Мурманскомъ берегу безъ взятія установленныхъ на право торговли свидѣтельствъ и билетовъ; б) получать безпошлинно для своего употребленія и для продажи въ колоніяхъ и на всемъ Мурманскомъ берегу привозимые на русскихъ и иностранныхъ судахъ иностранные мануфактурные, колоніальные и другіе товары, каковые товары въ предѣлахъ колоній не признаются контрабандными, и в) освобождаются отъ платежа гербовыхъ сборовъ, за исключеніемъ совершенія купчихъ при покупкѣ земель.

(Полная свобода торговли всякими иностранными товарами вызвала прежде всего огромный ввозъ на Мурманъ всевозможныхъ крѣпкихъ напитковъ иностраннаго издѣлія — разныхъ ликеровъ, водокъ и преимущественно норвежскаго рома, особенно полюбившагося промышленникамъ и имѣвшаго самое вредное вліяніе на ихъ здоровье. Дешевизна этихъ напитковъ, не обложенныхъ ни пошлиною, ни акцизомъ, имѣла послѣдствіемъ то, что промышленники предавались во время промысловъ поголовному пьянству, теряли благопріятное время для промысла и пропивали бо̀льшую часть улова и весь свой заработокъ въ питейныхъ заведеніяхъ фактористовъ, которые торговали преимущественно крѣпкими напитками, пріобрѣтая при этомъ за безцѣнокъ добытую промышленниками тяжелымъ трудомъ рыбу. Вслѣдствіе сего, Высочайше утвержденнымъ 6-го января 1886 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено: 1) привозъ на Мурманскій берегъ, Архангельской губерніи, иностранныхъ крѣпкихъ напитковъ воспретить; 2) на приходящихъ къ Мурман-

скому берегу судахъ не возбраняется имѣть спиртные напитки для продовольствія жителей въ количествѣ, по морскимъ правиламъ въ числѣ шкиперской провизіи дозволеннымъ; 3) Архангельскому губернскому по питейнымъ дѣламъ присутствію предоставляется принимать мѣры, необходимыя для устраненія излишняго числа заведеній для оптовой и розничной продажи крѣпкихъ напитковъ на Мурманскомъ берегу, а также издавать правила о времени открытія и закрытія сихъ заведеній, а также внутренняго порядка, въ нихъ соблюдаемаго. Въ силу этого узаконенія, Архангельское губернское по питейнымъ дѣламъ присутствіе, признавая необходимымъ прекратить развившееся на Мурманѣ пьянство и принимая во вниманіе, что мѣстные жители — колонисты и фактористы, а также хозяева судовъ, имѣютъ полную возможность запасаться для домашнихъ надобностей необходимымъ количествомъ крѣпкихъ напитковъ въ г. Колѣ, гдѣ винная торговля существуетъ на основаніи общихъ законовъ Имперіи для торговли крѣпкими напитками, или же привозить ихъ изъ Архангельска, опредѣленіемъ 10-го марта 1886 г.— распорядилось: на всемъ Мурманскомъ берегу, ни въ колоніяхъ, ни въ факторіяхъ, не разрѣшать ни оптовой, ни раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ. Такимъ образомъ, ввозъ иностранныхъ крѣпкихъ напитковъ и свободная торговля вообще таковыми прекращенѣы вовсе на Мурманѣ).

5) Губернскому начальству предоставляется, по его усмотрѣнію, на каждое семейство, вновь поселяющееся или уже поселившееся на Мурманскомъ берегу, назначать ссуду отъ 50 до 150 руб. на первоначальное обзаведеніе, съ разсрочкою платежа этихъ денегъ на шесть лѣтъ, подъ круговое ручательство общества или подъ обезпеченіе имуществомъ.

6) Каждое семейство, имѣющее поселиться на Мурманскомъ берегу, или уже тамъ поселившееся, но не успѣвшее воспользоваться безвозмезднымъ отпускомъ лѣса изъ казенныхъ дачъ, можетъ получить пособіе, въ размѣрѣ, по усмотрѣнію губернскаго начальства, отъ 100 до 200 руб., на покупку лѣса, необходимаго для постройки жилья или судна, съ тѣмъ, чтобы означенное пособіе, если оно не будетъ употреблено на предметъ его назначенія, было зачисляемо въ ссуду и подлежало возврату въ теченіе пяти лѣтъ, наравнѣ съ ссудами на первоначальное обзаведеніе, упоминаемое въ ст. 5 сего положенія.

7) Переселенцамъ на Мурманскій берегъ производится отпускъ

хлѣба изъ торговыхъ магазиновъ за деньги и въ ссуду на основаніи существующихъ правилъ.

8) Переселенцамъ предоставляется право заниматься промысломъ пушныхъ звѣрей и птицъ, а также ловить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ, находящихся близъ колоній.

9) Всѣ изъясненныя въ семъ положеніи льготы, не исключая и выдачи денежныхъ пособій, распространяются и на кочующихъ лопарей, которые изъявили бы желаніе принять осѣдлость на Мурманскомъ берегу.

Становище Мало-Нѣмецкое.

Дарованныя льготы привлекли на Мурманскій берегъ новыхъ колонистовъ—сперва изъ Финляндіи и Норвегіи, а затѣмъ, постепенно, и русскихъ переселенцевъ.

Еще въ большей мѣрѣ способствовало колонизаціи Мурманскаго побережья учрежденіе постояннаго субсидируемаго правительствомъ Архангельско - Мурманскаго срочнаго пароходства, давшаго возможность колонистамъ сбывать свой промыселъ и, кромѣ того, выписывать все необходимое изъ Архангельска или Вардэ.

Финляндцы и норвежцы селились преимущественно на западномъ берегу, русскіе же—на восточномъ. На западномъ берегу

русскія поселенія встрѣчаются только въ Печенгской губѣ, близъ Печенгскаго монастыря. Колонисты западнаго берега приписаны къ Мурманско-Колонистской, а восточнаго къ Кольско-Лопарской волостямъ. Въ настоящее время существуютъ слѣдующія колоніи по Мурманскому берегу:

Колоніи на западной сторонѣ отъ Кольскаго залива.

	Число постоянныхъ жителей.	Число прибывшихъ въ 1895 г. промышленниковъ.
1. Екатерининская гавань	19	—
2. Сайда-губа	33	—
3. Еретики (портъ Владиміръ).	4	—
4. Ура-губа	187	—
5. Вичаны	4	—
6. Малая Лица	31	—
7. Большая Лица	28	—
8. Китовка	8	—
9. Кутовая	4	—
10. Большая Мотка	33	—
11. Эйна	48	—
12. Цыпъ-Наволокъ	43	—
13. Зубовскіе острова	28	—
14. Вайда-губа	32	658
15. Червяная	50	—
16. Земляная	128	—
17. Малая-волоковая	16	—
18. Мало-Нѣмецкая	5	—
19. Базарная	2	—
20. Гагарка	2	—
21. Оленья горка	23	—
22. Трифоновъ ручей . } въ Печенгской губѣ	45	—
23. Баракино . . . . . } въ Печенгской губѣ	41	—
24. Княжуха . . . . . } въ Печенгской губѣ	106	—
25. Печенга . . . . . . } въ Печенгской губѣ	130	—
26. Финьманская	5	163
27. Ворьема	9	—
Итого	1,063	821

Колоніи на восточной сторонѣ отъ Кольскаго залива.

1. Восточная Лица	25	—
2. Харловка	2	—
3. Рында	20	546
4. Трящино	15	81
5. Шельпино	6	85
6. Гаврилово	25	813
7. Голицыно	18	—
8. Териберка	42	778

	Число постоянныхъ жителей.	Число прибывшихъ въ 1895 г. промышленниковъ.
9. Заоленье	3	—
10. Кильдинъ	12	—
11. Зарубиха	7	—
12. Тюва-губа	3	—
Итого	154	1,973

Берега Мурмана состоятъ почти сплошь изъ голыхъ гранитныхъ скалъ, покрытыхъ кое-гдѣ мхомъ и тощею растительностью. Между этими скалами, иногда далеко въ глубь материка, врѣзы-

Факторія купца Савина.

вается множество глубокихъ заливовъ, представляющихъ болѣе или менѣе удобныя стоянки для судовъ и убѣжища для промышленниковъ. По берегамъ рѣчекъ встрѣчается песокъ, покрытый иногда слоемъ торфа; на такихъ мѣстахъ есть недурные луга, доставляющіе сѣно для скота, содержимаго колонистами.

Климатъ Мурмана довольно умѣренный, благодаря, во-первыхъ, тому, что часть Ледовитаго океана, омывающая Мурманскій берегъ, находится подъ вліяніемъ восточной вѣтви Гольфстрема (такъ-называемое Нордкапское теченіе), и, во-вторыхъ, тому, что Мурманъ защищенъ отъ континентальныхъ вѣтровъ прибрежными горами.

Весна начинается здѣсь въ концѣ марта и продолжается до половины мая; это — время тумановъ и дождей, прилета морскихъ птицъ и пріѣзда рыбопромышленниковъ. Средняя температура весны + 2,29° по Реомюру.

Лѣто считается съ половины мая до половины іюля; это — царство вѣчнаго дня и усиленныхъ трудовъ по рыбному промыслу. Средняя температура лѣта + 8,95° по Реомюру. Къ концу лѣта поспѣваетъ много грибовъ и ягодъ: морошка, моховая смородина, брусника, черника, голубика, водяница.

Факторія колонистовъ въ становищѣ Цыпъ-Наволокѣ.

Осень продолжается съ половины іюля до половины октября, когда опять настаетъ время тумановъ. Перелетныя птицы и промышленники въ это время собираются въ обратный путь, и Мурманъ постепенно пустѣетъ. Средняя температура осени + 2,5° по Реомюру.

Зима продолжается съ половины октября до половины марта; средняя температура зимы — 6° Р., морозы въ 10—15° Р. считаются на Мурманѣ рѣдкостью. Снѣгъ выпадаетъ въ изобиліи; особенно много его набивается въ расщелины горъ — до 7-ми и 8-ми аршинъ; въ такихъ мѣстахъ онъ не успѣваетъ растаять во все

лѣто. Океанъ зимою никогда не замерзаетъ и на немъ не бываетъ пловучихъ ледяныхъ горъ; замерзаютъ только небольшія губы, а по морю плаваютъ не особенно крѣпкія льдины, нисколько, впрочемъ, не препятствующія мореплаванію. Такія льдины, скопляясь у береговъ, образуютъ иногда цѣлыя ледяныя горы, такъ-называемые торосы.

Съ 13-го ноября до 9-го января — царство постоянной ночи, освѣщаемой дивными сѣверными сіяніями, которыя называются здѣсь «сполохами».

Главною основою для промышленной жизни и дѣятельности на Мурманѣ служатъ неисчерпаемыя рыбныя богатства моря у его береговъ.

Первыми русскими рыбопромышленниками здѣсь были новгородцы, поселившіеся въ Колѣ. О кольскихъ промыслахъ стало скоро извѣстно во всей Двинской области и постепенно на Мурманъ начали стекаться жители приморскихъ поселеній Мезенскаго, Архангельскаго, Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ. На промыселъ отправлялись обыкновенно отдѣльными партіями съ атаманомъ во главѣ. Эти партіи, называвшіяся ватагами, располагались въ какомъ-либо удобномъ для стоянки судовъ заливѣ, гдѣ промышленники устраивали такъ-называемыя становища, строили избы (станы), въ которыхъ хранили свои запасы и укрывались во время непогоды. Такихъ становищъ насчитывается теперь около 40, въ нихъ до 1,000 домовъ. Бо̀льшею частью эти домики содержатъ не болѣе 3—4 кубич. саж. воздуха, при чемъ нерѣдко въ нихъ проживаетъ до 20—25 человѣкъ. Помимо жилья, въ станахъ сушится одежда, рыболовныя снасти, приготовляется пища и т. д. При такихъ неблагопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ, тяжеломъ трудѣ, однообразной рыбной пищѣ, не приправленной кореньями и овощами, и суровомъ климатѣ, промышленниковъ очень легко поражаютъ различныя болѣзни, среди которыхъ цынга занимаетъ первое мѣсто. Въ настоящее время эти страданія въ значительной мѣрѣ облегчаются благотворною дѣятельностью Архангельскаго отдѣла Общества «Краснаго Креста», который ежегодно, на время промысловаго періода, командируетъ на Мурманъ врача, фельдшеровъ и сестеръ милосердія и открываетъ тамъ нѣсколько врачебныхъ пунктовъ, снабжая ихъ необходимыми медикаментами и продовольственными запасами. Мурманскія больницы Общества «Краснаго Креста», спасая жизнь многихъ сотенъ людей, пользуются большимъ довѣріемъ промышленниковъ.

Во всѣхъ этихъ становищахъ постоянно проживаетъ лишь нѣсколько мѣстныхъ колонистовъ. Большинство же пришлыхъ промышленниковъ населяютъ обыкновенно излюбленныя ими мѣста, но нерѣдко перекочевываютъ изъ одного становища въ другое смотря по ходу рыбы, — куда приплываетъ рыба, туда направляются и промышленники. Такъ, напр., нѣсколько лѣтъ назадъ, въ становищѣ Цыпъ-Наволокѣ проживало до 1,000 человѣкъ; тамъ были выстроены церковь, больница, факторіи; но годъ, другой не

Становище Корабельная губа.

ловилась рыба по близости, и становище опустѣло; церковь, больница и факторіи стоятъ теперь заколоченными.

Изъ Архангельскаго, Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ обыкновенно прибываетъ на Мурманъ до 3,000 промышленниковъ ежегодно; большинство изъ нихъ отправляется въ началѣ марта пѣшкомъ черезъ Кандалакшу и Разъ-Наволокъ въ Колу, откуда пароходъ товарищества Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства, зимующій въ Екатерининской гавани, развозитъ ихъ по становищамъ.

Самый промыселъ производится на небольшихъ судахъ, называемыхъ шняками. Колонисты соединяются обыкновенно артелями

по 4—5 человѣкъ и уловъ дѣлятъ между собою поровну, отдѣляя извѣстную добавочную часть «кормщику», на долю котораго выпадаетъ наиболѣе трудовъ.

Между пришлыми промышленниками Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ преобладаетъ система покрута. Эта система состоитъ въ томъ, что судохозяева нанимаютъ на свои шняки 3—4-хъ работниковъ (покрученниковъ), которые за свой трудъ получаютъ 1/3 добычи. Судохозяинъ, задолго до начала промысла, зимою, условившись съ покрученникомъ, снабжаетъ его всякими припасами, какъ для него

Становище Трящино.

самого, такъ и для его семьи, и всѣмъ необходимымъ на промыслѣ. По окончаніи промысла производится расчетъ: изъ части, причитающейся на долю покрученника, удерживается стоимость забраннаго, при чемъ какъ за товаръ, такъ и за уловъ хозяинъ, конечно, устанавливаетъ цѣну по своему произволу. Въ концѣ-концовъ, въ большинствѣ случаевъ оказывается, что промышленникъ не только ничего не получаетъ на руки, а остается еще въ долгу у хозяина. Переходящая изъ-года-въ-годъ задолженность промышленниковъ хозяевамъ служитъ причиною тому, что покрученники

до сихъ поръ еще удерживаются среди онежскихъ и кемскихъ промышленниковъ.

Для доставленія возможности промышленникамъ заниматься промысломъ самостоятельно, по Высочайшему повелѣнію 18-го марта 1886 г., было разрѣшено выдавать поморамъ ссуды на обзаведеніе самостоятельныхъ артелей, въ размѣрѣ 430 руб. на артель, промышляющую на шнякѣ, т.-е. суднѣ болѣе крупныхъ размѣровъ, и 215 руб. на артель, промышляющую на карбасѣ. До 1894 г. ссудами воспользовались 74 артели, изъ которыхъ въ настоящее время осталось только десять, остальныя же распались по разнымъ причинамъ. Всего выдано ссудъ на 16,410 руб. и къ 1-му января 1895 г. осталось въ недоимкѣ 4,022 рубля. Изъ изложенныхъ данныхъ видно, что эта благодѣтельная, казалось бы, мѣра не дала желательныхъ результатовъ. Невозможность пополнить своевременно ссуды и распаденіе артелей объясняются тѣмъ, что размѣръ выдаваемыхъ ссудъ недостаточенъ для обзаведенія промысловымъ судномъ, снастями и для обезпеченія промышленниковъ и ихъ семействъ до полученія выручки отъ промысла. На это понадобилось бы, по меньшей мѣрѣ, до 800 рублей, а потому, въ надеждѣ на удачу, артельщики, взявъ ссуду, въ то же время занимаютъ недостающую сумму въ частныхъ рукахъ, притомъ, конечно, на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, и, не будучи въ состояніи разсчитываться своевременно съ кредиторами, лишаются судна, снастей и пр. Несмотря, однако, на указанныя неблагопріятныя условія, нѣкоторыя артели держатся до сихъ поръ, разсчитались съ долгами, и нѣкоторые участники артели, послѣ распаденія послѣднихъ, сдѣлались самостоятельными хозяевами. Впрочемъ, «покрутъ» и самъ-по-себѣ съ каждымъ годомъ слабѣетъ, такъ какъ, съ учрежденіемъ правильнаго пароходства и съ развитіемъ экономической жизни на Мурманѣ, промышленники получили возможность пріобрѣтать, хотя бы въ долгъ, суда, снасти, продовольственные припасы и проч. на мѣстѣ и добычу продавать тотчасъ послѣ улова тамъ же торговцамъ, которые устроили на Мурманѣ склады, лавки и присылаютъ на Мурманъ суда для нагрузки и посолки рыбы, скупаемой непосредственно у промышленниковъ, по возвращеніи ихъ съ моря.

Мы уже не разъ говорили, что условія промысла на Мурманѣ требуютъ быстрыхъ сношеній между отдѣльными становищами и между рынками сбыта, а потому отсутствіе телеграфа было одною изъ главныхъ причинъ, тормозившихъ развитіе промысла.

Кромѣ того, огромный вредъ дѣлу наносило ненормальное положеніе соляной торговли на Мурманѣ. Продажа соли находилась въ рукахъ немногихъ торговцевъ, которые, пользуясь отсутствіемъ конкуренціи, поднимали непомѣрно высоко цѣны на соль, иногда до 40—60 коп. за пудъ и даже выше, тогда какъ въ то же время цѣны на рыбу вовсе не соотвѣтствовали цѣнѣ соли. Вслѣдствіе такой дороговизны и недостатка соли, рыба засаливалась плохо, товаръ обезцѣнивался. Въ видахъ удешевленія соли и чтобы удержать цѣну ея отъ произвольныхъ колебаній, вредно отзывающихся на рыбной промышленности, нынѣ, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ дѣлъ и согласно Высочайше утвержденному въ 1893 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, устраивается на Мурманѣ нѣсколько казенныхъ соляныхъ складовъ. Какъ только было приступлено къ постройкѣ соляного склада въ становищѣ Териберкѣ, наиболѣе центральномъ и наиболѣе посѣщаемомъ промышленниками рыболовномъ пунктѣ, и было сдѣлано распоряженіе немедленно отправить на Мурманъ, въ случаѣ надобности, необходимое количество соли, она тотчасъ же упала въ цѣнѣ и держалась, въ теченіе всего лѣта, въ одной и той же нормѣ, около 20 коп. за пудъ. Такимъ образомъ, благодѣтельное вліяніе предположеннаго къ устройству казеннаго склада соли уже сказалось, и цѣль его устройства вполнѣ достигнута.

Главный предметъ промысла на Мурманѣ составляетъ треска. Кромѣ трески, ловится, въ сравнительно меньшемъ количествѣ, палтусъ, пикшуй, сайда, зубатка, камбала, морской окунь и морской налимъ. Всѣ эти рыбы приближаются весною къ берегамъ для метанія икры. Опытомъ дознано, что треска идетъ къ намъ съ теплымъ теченіемъ Гольфстрема отъ Норвегіи, а потому первые уловы трески бываютъ всегда на западной сторонѣ, а затѣмъ уже промыселъ переходитъ на восточную сторону Мурмана. Теченіе Гольфстрема не всякій годъ одинаково: въ иной годъ оно подходитъ ближе къ нашимъ берегамъ, въ другой — дальше. Въ промысловомъ отношеніи это имѣетъ большое значеніе, такъ какъ чѣмъ ближе оно подходитъ къ берегу, тѣмъ легче промышлять, а такъ какъ теченіе ежегодно мѣняется, то въ одномъ году приходится выѣзжать для лова далѣе въ море, другой разъ ближе. Обыкновенно уловъ трески производится на разстояніи 10—30-ти верстъ отъ берега и на глубинѣ 120—150-ти саженъ.

Промышленники-одиночки ловятъ треску на удочку, состоящую

изъ бичевы въ 180 саж., на концѣ которой прикрѣпляется крючекъ съ приманкою; удочка опускается съ грузиломъ на морское дно и ее нужно постоянно подергивать. Удебный способъ требуетъ постоянно большой мышечной работы; между тѣмъ, добываемая имъ рыба — небольшихъ размѣровъ.

Поморы не любятъ ловить рыбу удочкою, а ловятъ ее ярусомъ. Ярусъ бываетъ длиною въ нѣсколько верстъ и состоитъ изъ веревки толщиною въ мизинецъ, къ которой прикрѣплены тонкія бичевки длиною 1½—2 аршина, на разстояніи одной сажени

Становище Шельпино.

другъ отъ друга; къ свободному концу этихъ бичевокъ прикрѣплены крючки, наживляемые мелкою рыбою — мойвою или песчанкою, а когда не бываетъ ни той, ни другой — морскими червями и внутренностями ракушекъ. Длина большого яруса достигаетъ 4,000 саженъ; къ нему прикрѣплено обыкновенно до 5,000 крючковъ. Ярусъ опускается на морское дно и лежитъ въ водѣ около шести часовъ, послѣ чего его постепенно вытаскиваютъ и снимаютъ съ крючковъ попавшуюся рыбу. Крючковъ на Мурманѣ расходуется ежегодно свыше 1.200,000 штукъ. При сравненіи лова ярусомъ и удочкою оказывается, что первый имѣетъ много пре-

имуществъ, но зато и стоитъ дороже; поэтому не всякій промышленникъ въ состояніи обзавестись ярусомъ.

Огромное значеніе въ промыслѣ имѣетъ наживка, для которой, какъ выше сказано, употребляютъ небольшихъ рыбокъ — мойву, песчанку и галію или, наконецъ, песчанаго морского червя и содержимое морскихъ ракушекъ. Лучше всего треска идетъ на мойву. Мойва—водится въ Ледовитомъ океанѣ; она приближается ежегодно большими стадами къ берегамъ для метанія икры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спасая себя отъ прожорливой трески; присутствіе мойвы можно узнать по чайкамъ, которыя ею питаются. Иногда

Становище Гаврилово.

масса движущейся по водѣ мойвы бываетъ такъ густа, что чайки свободно ходятъ по ней, а на лодкѣ нѣтъ никакой возможности пробраться черезъ нее. По виду мойва похожа на корюшку и очень жирна; она появляется около половины марта, а послѣ 1-го іюня обыкновенно уходитъ далеко въ море.

Цѣны на треску, за послѣднее десятилѣтіе, колебались на Мурманѣ отъ 10 коп. до 1 руб., пикшуя—10—40 коп., зубатки—15—35 коп., сайды—10—30 коп., палтусины—1 р.—1 руб. 80 коп., тресковой печени—60 коп.—1 руб. 20 коп., акульей, пикшуевой и сайдовой печени—40—70 коп. за пудъ. Изъ 100 пудовъ трески

получается обыкновенно около 10 пуд. печени,—по мѣстному выраженію, максы или воюксы; а изъ 10 пуд. воюксы—5 пуд. жира.

Промыселъ оканчивается обыкновенно около 15-го августа; тогда промышленники спѣшатъ—одни въ Архангельскъ, на Маргаритинскую ярмарку, для распродажи своего товара, а другіе—по домамъ. Прежде чѣмъ отправляться домой, шняки вынимаются изъ воды и осмаливаются, а станы и разное имущество сдаются на храненіе мѣстнымъ колонистамъ и лопарямъ за условленную плату, и Мурманъ пустѣетъ до слѣдующаго года.

Результаты Мурманскаго промысла за 1894—95 гг. выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

ПРОМЫСЕЛЪ.	Число судовъ.	Число промышленниковъ			ДОБЫТО.		
		Хозяевъ	Покрученниковъ.	ВСЕГО.	Пудовъ. Рыбы.	Пудовъ. Жира.	На сумму.
Въ 1894 г.							
Мѣстныхъ Мурманскихъ колонистовъ	278	304	808	1,112	149,749	13,613	73,513
Прибывшихъ поморовъ.	719	511	2,365	2,876	564,147	52,377	277,439
Всего. . . .	997	815	3,173	3,988	713,896	65,890	350,952
Въ 1895 г.							
Мѣстныхъ колонистовъ	263	126	1,013	1,129	216,104	15,114	89,430
Прибывшихъ промышленниковъ.	700	642	1,993	2,635	783,221	24,726	426,985
Всего. . . .	963	768	3,006	3,774	999,325	39,840	516,415

Изъ общаго количества добытой рыбы отправлено въ С.-Петербургъ 323,179 пудовъ, въ Норвегію жира 10,000 пудовъ, а остальное количество отвезено въ Архангельскъ, на Маргаритинскую ярмарку.

Для содѣйствія Мурманскимъ промысламъ и для наблюденія за порядкомъ во время производства ихъ, съ 1885 года въ распоряженіи кольскаго исправника имѣется особый пароходъ «Мурманъ». На этомъ пароходѣ лежитъ довольно много обязанностей: ограждать нашихъ промышленниковъ отъ иностранцевъ, сообщать своевременно промышленникамъ о ходѣ рыбы и наживки, доставлять больныхъ въ пріемные покои Общества «Краснаго Креста», давать возможность всѣмъ служащимъ и санитарному отряду переѣзжать изъ становища въ становище для исполненія служебныхъ обязанностей, преслѣдовать продажу крѣпкихъ напитковъ, оказывать, по возможности, помощь всѣмъ судамъ, которыя подвергаются аваріямъ, перевозить преступниковъ и, наконецъ, исполнять всѣ по-

ученія и распоряженія архангельскаго губернатора. Въ 1895 году пароходъ «Мурманъ» былъ въ плаваніи съ 17-го марта по 21-е октября, въ теченіе 219 дней. Пароходъ этотъ, несомнѣнно, приноситъ громадную услугу дѣлу; къ сожалѣнію, онъ слишкомъ малъ, такъ что можетъ принять на себя очень небольшое число посторонних пассажировъ, а въ бурную погоду переѣзды по открытому океану бываютъ ему иногда и не подъ силу.

Помимо парохода «Мурманъ», для охраны нашихъ сѣверныхъ промысловъ отъ вторженія иностранныхъ промышленниковъ, въ послѣдніе три года посылается особый военный крейсеръ, — что положило конецъ наѣздамъ иностранцевъ, нарушавшихъ въ теченіе многихъ лѣтъ интересы приморскаго населенія. Пребываніе крейсера въ Ледовитомъ океанѣ приноситъ еще и ту несомнѣнную пользу, что въ свободное время офицеры крейсера дѣлаютъ съемки береговъ, промѣры и иныя гидрографическія наблюденія, которыя послужатъ важнымъ пособіемъ для плаванія въ нашихъ сѣверныхъ, такъ мало еще изслѣдованныхъ, водахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ колонизаціею Мурманскаго берега, устройствомъ здѣсь телеграфа, развитіемъ пароходства и экономической жизни, уловъ рыбы можетъ быть увеличенъ въ значительной мѣрѣ; но, помимо рыбнаго, тогда могутъ получить развитіе и другіе промыслы, которые нынѣ находятся въ полномъ застоѣ. Такъ, напримѣръ, морской звѣриный промыселъ на Мурманѣ могъ бы давать значительныя выгоды; между прочимъ, охоту за гренландскими тюленями у Святого Носа, отъ горла Бѣлаго моря, слѣдовало бы начинать съ марта мѣсяца; но въ это время архангельскіе промышленники по случаю льдовъ не могутъ выйти изъ Бѣлаго моря, тогда какъ изъ незамерзающихъ Мурманскихъ водъ это было бы вполнѣ возможно.

Судя по развитію китобойнаго промысла въ Норвегіи, надо полагать, что и у насъ на Мурманѣ этотъ промыселъ долженъ имѣть успѣхъ, если только взяться за него съ толкомъ; китовъ въ нашихъ водахъ много и въ настоящее время ихъ никто не пугаетъ. Лѣтъ десять назадъ, въ портѣ Владимірѣ былъ уже устроенъ заводъ китоловною компаніею и вслѣдъ за симъ другой заводъ, княземъ Шереметевымъ, въ Ара-губѣ. Эти заводы убили 300 китовъ, при чемъ нужно имѣть въ виду, что Арскій заводъ работалъ только двѣ навигаціи; къ сожалѣнію, по недостатку капиталовъ, а, главное, по неумѣлости распорядителей, заводы вскорѣ прекратили свою дѣятельность.

Акулій промыселъ также могъ бы давать извѣстныя выгоды; въ настоящее же время акула попадается лишь случайно, запутываясь въ ярусы. Съ виду акула похожа на осетра, мясо ея бѣлое и не имѣетъ запаха жира, но промышленники его не ѣдятъ, потому что большинство составило себѣ убѣжденіе, будто акула питается, главнымъ образомъ, человѣческимъ мясомъ. Изъ нея вынимается только печень, изъ которой вытапливается рыбій жиръ. Акула — врагъ рыбопромышленниковъ, потому что она часто пожираетъ рыбу на ярусѣ. Кольскій заливъ, въ особенности зимою, кишитъ акулами; кольскіе жители ловятъ ихъ въ это время на крючки и добываютъ изъ акульей печени до 2,000 пудовъ жира.

Кромѣ акулъ, рыбопромышленникамъ наносятъ большой вредъ и морскіе звѣри: тюлени, нерпы и проч., которыхъ промышленники зовутъ общимъ именемъ «кожа». Какъ только является «кожа», промыслы прекращаются на нѣкоторое время, потому что звѣри эти разгоняютъ рыбу и пожираютъ попавшуюся на ярусъ. Съ тѣхъ поръ, какъ иностраннымъ промышленникамъ закрытъ доступъ въ наши воды, тюлени размножились въ огромномъ количествѣ; безчисленныя стада ихъ выходятъ весною изъ Бѣлаго моря и плаваютъ у Мурманскихъ береговъ, истребляя во множествѣ рыбу и мѣшая рыбнымъ промысламъ.

Сельдь также въ громадныхъ количествахъ приплываетъ въ заливы Мурманскаго берега, но сельдянымъ промысломъ пока никто не занимается на Мурманѣ.

II.

Открытіе телеграфнаго сообщенія между Колою и Екатерининскою гаванью. — Изслѣдованія мѣстности между Колою и Екатерининскою гаванью. — Пріисканіе мѣста для будущаго порта и административнаго центра на Мурманѣ. — Неудобства г. Колы. — Екатерининская гавань.

Къ нашему пріѣзду въ Колу была начата установка столбовъ для телеграфной линіи отъ Колы по направленію къ Екатерининской гавани, и на мѣстѣ, гдѣ былъ поставленъ первый столбъ, при стеченіи всѣхъ наличныхъ жителей города, было отслужено благодарственное Господу Богу молебствіе.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней нашего пребыванія въ Екатерининской гавани телеграфная линія была уже устроена на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, при чемъ съ мѣста работъ установлено телефонное сообщеніе съ Колою, для того, чтобы производитель работъ имѣлъ возможность во всякое время сноситься съ мѣстными властями и, въ случаѣ надобности, обращаться къ ихъ содѣйствію, не посылая всякій разъ нарочныхъ.

Такъ какъ на Мурманскомъ берегу лѣса вовсе нѣтъ, а доставка его изъ лѣсныхъ дачъ Кольскаго полуострова могла бы замедлиться и обошлась бы сравнительно дорого, то всѣ телеграфные столбы, потребовавшіеся для мурманской береговой линіи, въ количествѣ 7,200 штукъ, доставлялись изъ Архангельска на пароходахъ; во избѣжаніе же излишнихъ расходовъ и замедленій по развозкѣ столбовъ сухимъ путемъ, они подвозились на означенныхъ пароходахъ, при участіи административнаго парохода «Мурманъ», ко всѣмъ тѣмъ пунктамъ, гдѣ телеграфъ подходитъ къ берегу моря и гдѣ оказалась возможною выгрузка, при чемъ какъ самые столбы, такъ проволока и прочія телеграфныя принадлежности сдавались на храненіе мѣстнымъ сельскимъ властямъ или благонадежнымъ колонистамъ. Благодаря указаннымъ мѣрамъ и въ особенности распорядительности командированнаго въ Архангельскъ главнымъ управленіемъ почтъ и телеграфовъ инспектора Н. Н. Кормилева и усердію телеграфныхъ инженеровъ Новицкаго, Менделѣева и Симановича, вся Мурманская телеграфная линія, отъ границы Норвегіи на Печенгскій монастырь, Рыбачій полуостровъ, Екатерининскую гавань, Колу до Кеми, на протяженіи около 1,000 верстъ,

была окончена въ 1896 году и въ октябрѣ того же года открыты уже телеграфныя станціи съ пріемомъ депешъ въ Печенгскомъ монастырѣ, Вайда-губѣ, Екатерининской гавани, Колѣ, Керети и Ковдѣ.

Отдохнувъ и переночевавъ въ г. Колѣ, я посѣтилъ на другой день всѣ немногочисленныя правительственныя и общественныя учрежденія, и затѣмъ мы двинулись въ дальнѣйшій путь.

Интересуясь вопросомъ, что представляетъ собою мѣстность между Колою и Екатерининскою гаванью, и насколько она проходима су-

Охотничья команда Архангелогородскаго резервнаго батальона въ Екатерининской гавани.

химъ путемъ, я рѣшилъ пройти это разстояніе, приблизительно въ 50—60 верстъ, пѣшкомъ; съ этою цѣлью я отправилъ всю охотничью команду, съ подполковникомъ Чарковскимъ, по нагорной сторонѣ, по прямому направленію къ гавани, а самъ съ остальными спутниками отправился вдоль берега Кольскаго залива. Путь до Екатерининской гавани охотничья команда прошла въ 36 часовъ, не встрѣтивъ никакихъ особыхъ препятствій. Вся эта мѣстность представляетъ холмистую, иногда довольно возвышенную ка-

менистую поверхность, покрытую кривою, чахлою березою и вообще тощею растительностью; по всему пути нѣтъ никакихъ тропинокъ, въ долинахъ — между горами — встрѣчаются тундристыя болота и множество мелкихъ озеръ. Въ общемъ, этотъ переходъ съ горы на гору, по вязкой тундрѣ, при необходимости разыскивать болѣе удобные обходы горъ, болотъ и озеръ, устраивать мостки черезъ встрѣчавшіеся ручьи, при отсутствіи какихъ бы то ни было приспособленій для перехода, оказался, конечно, нѣсколько утомительнымъ; но какихъ-либо особыхъ затрудненій онъ не представлялъ, и устройство здѣсь пѣшеходной лѣтней дороги и зимняго сообщенія на оленяхъ, при сравнительно небольшихъ затратахъ, является дѣломъ вполнѣ возможнымъ. По дорогѣ попадалась бездна бѣлыхъ куропатокъ и нѣсколько лисицъ. Между прочимъ, охотники видѣли двухъ бурыхъ медвѣдей, которые стали такъ быстро отъ нихъ улепетывать, что настигнуть ихъ не удалось, пущенные же въ нихъ нѣсколько выстрѣловъ только придали имъ больше энергіи убраться какъ можно дальше.

Наконецъ, 24-го іюня, мы всѣ собрались въ Екатерининской гавани. Въ виду того, что намъ предстояло провести здѣсь нѣсколько дней, каждый изъ насъ старался устроиться возможно удобнѣе, — кто на пароходѣ «Мурманъ», кто въ существующихъ въ гавани домахъ.

Тутъ открылись новые таланты повара Павла. Его кулинарное искусство болѣе не требовалось, такъ какъ на пароходѣ былъ свой поваръ, — на языкѣ моряковъ — «кокъ», а также достаточный запасъ провизіи. Но безпокойная натура Павла искала дѣла. Оказалось, что онъ страстный любитель дѣлать чучела птицъ, внимательно изучилъ ихъ особенности и придаетъ своимъ чучеламъ вполнѣ правильныя, характерныя позы. Какъ охотникъ и любитель собирать предметы лѣсной фауны, я тотчасъ же воспользовался его талантомъ и засадилъ за работу. Ежедневно изъ его искусныхъ рукъ выходило по нѣскольку чучелъ различныхъ морскихъ птицъ, которыхъ доставляли ему наши охотники. Бывало, завидитъ онъ гдѣ-нибудь птицу, тюленя или морскую свинку, которыхъ еще нѣтъ въ его коллекціи, и тотчасъ подыметъ всѣхъ на ноги: подай ему ихъ, во что бы то ни стало. Больше всего доставалось подполковнику Чарковскому, котораго Павелъ будилъ иногда ночью, докладывая, что онъ заприметилъ какую-нибудь замѣчательную птицу. Добрѣйшій Николай Ивановичъ всегда

въ этихъ случаяхъ вставалъ и прилагалъ всѣ старанія исполнить просимое.

Помнится, какъ ни старались наши охотники достать Павлу большого баклана, но никакъ не удавалось,—птица очень осторожная; а Павелъ все проситъ,—достань и достань баклана. Тогда я обратился къ старшему унтеръ-офицеру охотничьей команды: «Мелиховъ, возьми шлюпку, мое ружье и нѣсколько человѣкъ, и чтобъ къ завтраму былъ ему бакланъ».—«Слушаю-съ, ваше превосходительство!»—былъ короткій отвѣтъ. Всю ночь пропадали сол-

Абрамова пахта въ Кольскомъ заливѣ.

датики,—вѣроятно, пустили въ ходъ всѣ хитрости, но къ утру бакланъ былъ уже въ рукахъ счастливца Павла.

Въ концѣ-концовъ, возвращаясь въ Архангельскъ, мы везли съ собою цѣлый музей чучелъ птицъ, камней, раковинъ, грибовъ, кораловъ, морской травы и иныхъ диковинъ морского царства.

Во время пребыванія въ Екатерининской гавани я занялся давно интересовавшимъ меня вопросомъ,—приисканіемъ наиболѣе соотвѣтственнаго мѣста для устройства будущаго порта и административнаго центра на Мурманѣ.

Мысль объ устройствѣ такого центра, по близости къ открытому океану, принадлежитъ Министру Финансовъ С. Ю. Витте. Посѣтивъ въ 1894 году Мурманскій берегъ и убѣдившись въ политическомъ и коммерческомъ значеніи Мурмана, С. Ю. Витте нашелъ, что въ настоящее время, съ развитіемъ экономической и торгово-промышленной дѣятельности на Мурманѣ, съ устройствомъ телеграфа и съ развитіемъ пароходныхъ сообщеній, представляется настоятельно необходимымъ, въ ближайшемъ будущемъ, разрѣшить вопросъ объ устройствѣ постояннаго порта на Мурманскомъ берегу, близъ океана. Г. Кола — какъ портъ и какъ центръ экономической и административной жизни Мурманскаго побережья — неудобенъ. Кольскій заливъ вдается далеко въ глубь материка, на 70 верстъ отъ открытаго океана; здѣсь, при сліяніи рѣкъ Колы и Туломы, какъ бы притаилась Кола, вдали отъ всей промышленной жизни Мурмана. Въ древнія времена, при тогдашнихъ условіяхъ жизни, когда приходилось укрываться отъ всякихъ враговъ, когда вдоль Мурманскаго берега сновали еще морскіе разбойники, тогда, быть-можетъ, существованіе такого укромнаго уголка, обнесеннаго стѣною съ башнями и бойницами и защищеннаго со всѣхъ сторонъ естественными преградами, въ видѣ горъ, отмелей и болотъ, имѣло извѣстный смыслъ; но въ настоящее время, когда условія экономической жизни на Сѣверѣ измѣнились, а промышленная дѣятельность сосредоточилась по берегамъ океана, значеніе Колы совершенно утратилось. Не только удаленность Колы отъ океана и отъ пути торговаго движенія, но и другія природныя неудобства, въ значительной мѣрѣ умаляютъ ея значеніе, какъ порта. Такъ, напримѣръ, морскія суда не могутъ близко подходить къ городу; пароходы товарищества Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства останавливаются въ трехъ верстахъ отъ города, и даже такой небольшой пароходъ, какъ «Мурманъ», и тотъ не можетъ подойти къ Камѣ ближе версты. Кромѣ того, при отливѣ берегъ обсыхаетъ на далекое пространство, такъ что отмели, камни и быстрота теченія, на которомъ судно не всегда можетъ удержаться даже на якорѣ, мѣшаютъ подойти ближе. Парусное судно, безъ попутнаго вѣтра, не можетъ ни войти въ Кольскій заливъ съ моря, ни выйти изъ него въ море, такъ какъ на сравнительно узкомъ пространствѣ залива оно не можетъ лавировать. Наконецъ, зимою заливъ замерзаетъ на протяженіи 25-ти верстъ отъ Колы.

Насколько всѣ эти неудобства вліяютъ на экономическое поло-

Екатерининская гавань (видъ съ материка).

женіе Колы, свидѣтельствуетъ то, что, несмотря на развитіе мурманскихъ промысловъ, несмотря на то, что Кола въ теченіе многихъ вѣковъ была средоточіемъ торговли и административнымъ центромъ края, развитіе города не подвигается впередъ ни на шагъ. Напротивъ, въ послѣднее время даже исконные жители города, кольскіе мѣщане, начинаютъ записываться въ колонисты и мало-по-малу переселяются на Мурманскій берегъ, гдѣ уже начинаютъ зарождаться въ разныхъ мѣстахъ довольно бойкіе торговые пункты, а Кола съ каждымъ годомъ все больше и больше пустѣетъ.

Лучшею гаванью на Мурманѣ, по большинству отзывовъ, признается Екатерининская гавань, близъ Кольскаго залива. Она находится въ 15-ти верстахъ отъ открытаго океана и отъ пути слѣдованія судовъ, плавающихъ вдоль Мурманскаго берега и идущихъ изъ Архангельска въ С.-Петербургъ и за границу. Гавань расположена почти на срединѣ между крайними восточными и западными становищами и промысловыми пунктами Мурманскаго побережья, непосредственно у материка, и заслонена отъ моря высокимъ Екатерининскимъ островомъ, имѣющимъ въ длину слишкомъ двѣ версты.

Гавань почти никогда не замерзаетъ, а если въ иные годы и покрывается льдомъ въ концѣ февраля и началѣ марта, то этотъ ледъ настолько рыхлъ, что не представляетъ серьезныхъ препятствій для судоходства въ теченіе круглаго года; стоитъ только небольшому пароходу пройти въ то время, когда гавань покроется первымъ льдомъ, и разбить ледъ, какъ его тотчасъ же вынесетъ приливнымъ или отливнымъ теченіемъ, которое достигаетъ въ гавани и вообще въ Кольскомъ заливѣ 10—12-ти футовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1895 году гавань покрылась льдомъ въ началѣ марта, но зимовавшіе въ гавани пароходы товарищества Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства и административный пароходъ «Мурманъ» безъ всякихъ затрудненій вышли изъ гавани 20-го марта и начали плаваніе. Гавань имѣетъ въ длину 1,000 саженъ, т.-е. двѣ версты, въ ширину отъ 150 до 200 саженъ, глубина ея отъ 10-ти до 25-ти саженъ, такъ что въ ней могутъ стоять, чуть невплотную къ берегу, самыя большія, глубоко сидящія суда.

Какія бы бури ни свирѣпствовали на морѣ и въ Кольскомъ заливѣ, въ гавани всегда спокойно, какъ на озерѣ, такъ какъ она закрыта отвѣсными скалами почти отъ всѣхъ вѣтровъ. Съ юго-

западной стороны въ гавань впадаетъ ручей съ превосходною прѣсною водою; этотъ ручей не замерзаетъ зимою и питается изъ нѣсколькихъ вышележащихъ на материкѣ озеръ, изъ которыхъ первое находится на высотѣ 95 футовъ, а другое на высотѣ 137 футовъ надъ уровнемъ моря.

Центральное положеніе Екатерининской гавани между населенными и промышленными пунктами на Мурманскомъ берегу, близость ея къ открытому океану и главному сѣверному пути въ Архангельскъ, полная безопасность для стоянки и зимовки судовъ,

Екатерининская гавань (видъ съ острова).

незамерзаемость, возможность плаванія въ теченіе круглаго года, обиліе хорошей прѣсной воды, — всѣ эти несомнѣнныя достоинства и преимущества Екатерининской гавани предъ другими заливами на Мурманѣ приводятъ къ мысли о пригодности ея для устройства при ней порта и административнаго центра для Мурмана и всего Кольскаго полуострова.

Единственный недостатокъ Екатерининской гавани, въ особенности для устройства при ней поселенія, представляетъ то обстоятельство, что непосредственно у гавани нельзя найти мѣста для построекъ, берега круты, почти отвѣсны, имѣется только небольшая

площадка, на восточной сторонѣ, на которой въ настоящее время расположены зданія для команды, мастерскихъ и складовъ административнаго парохода и для команды зимующаго въ гавани парохода товарищества Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства. Эта площадка такъ мала, что когда потребовалось построить складъ угля для приходящихъ ежегодно въ Сѣверный океанъ крейсеровъ, то съ трудомъ было приискано мѣсто, при чемъ лишь часть склада могла быть устроена на берегу, а другая поставлена надъ водою на сваяхъ.

Впрочемъ, на южной сторонѣ гавани, вдоль отлогаго берегового уступа, могутъ быть устроены довольно обширныя пристани на сваяхъ, укрѣпленныхъ одною стороною въ берегъ. Такимъ способомъ строится большинство пристаней и складовъ, какъ въ норвежскихъ портовыхъ городахъ, такъ и въ нашихъ колоніяхъ и становищахъ. Затѣмъ, на западной сторонѣ гавани, при впаденіи въ нее небольшого ручья, есть ущелье, которое можетъ быть приспособлено для дока. Вотъ и всѣ прибрежныя мѣста, которыя могли бы быть утилизированы при устройствѣ въ гавани порта.

Отсутствіе мѣстъ для необходимыхъ сооруженій при устройствѣ порта очень озабочивало меня, а потому я самъ обошелъ всѣ окрестности гавани и разослалъ по всѣмъ направленіямъ своихъ спутниковъ. Охотничья команда, подполковникъ Чарковскій, командиръ парохода «Мурманъ» капитанъ 2-го ранга А. Е. Таратинъ, прибывшій съ нами изъ Колы мѣстный лѣсничій Аувикайно, кстати оказавшійся и землемѣромъ, и почтенный старикъ—кольскій исправникъ В. И. Смирновъ, должны были излазить всѣ окрестныя горы и долины. То, чего искали, оказалось близко подъ рукою. Въ недалекомъ разстояніи отъ гавани, съ юго-западной стороны, приблизительно въ 150—200 саженяхъ отъ нея, за невысокимъ сравнительно горнымъ кряжемъ, А. Е. Таратинъ указалъ на обширную долину, защищенную со всѣхъ сторонъ горами. По долинѣ протекаетъ ручей съ хорошею, чистою прѣсною водою; этотъ ручей выходитъ изъ близлежащаго озера, которое отдѣляется отъ долины естественною каменною плотиною и, пройдя долину, а затѣмъ по узкому горному ущелью, впадаетъ къ юго-востоку, не далѣе какъ въ двухъ верстахъ, въ небольшую гавань Кольскаго залива, подъ названіемъ «Кислая губа». Между долиною и этою губою, которая сама-по-себѣ представляетъ хорошую защищенную стоянку для мелкихъ судовъ, можетъ быть устроено сообщеніе.

Отъ Екатерининской гавани къ долинѣ есть между горами проходъ, по которому, при небольшихъ сравнительно работахъ, можно проложить отъ самой пристани довольно ровную дорогу.

Въ настоящее время долина представляетъ покрытую мхомъ и ягодниками площадь съ каменистою подпочвою, которую можно будетъ легко осушить, если расчистить протекающій ручей и провести къ нему нѣсколько поперечныхъ канавъ. На этой площадкѣ можно расположить довольно значительное поселеніе, которое бу-

Екатерининская гавань. — Пароходъ «Мурманъ».

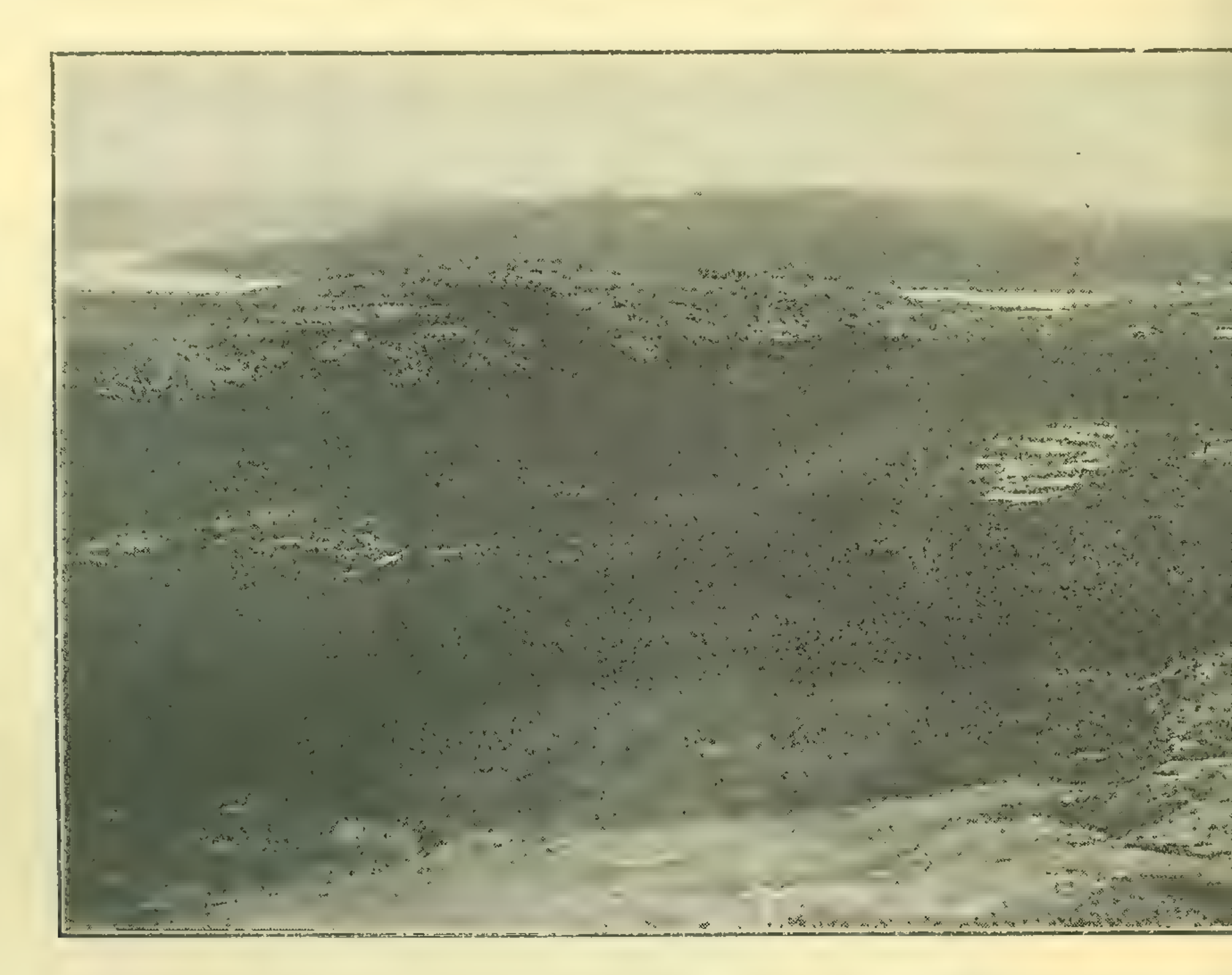
детъ снабжено отличною прѣсною водою, защищено со всѣхъ сторонъ отъ вѣтра и, кромѣ того, будетъ имѣть довольно хорошее и близкое сообщеніе: съ одной стороны съ Екатерининскою гаванью, а съ другой — съ Кольскимъ заливомъ [1].

Обойдя вдоль и поперекъ всю окружающую мѣстность и убѣдившись, что, на случай устройства порта при Екатерининской

[1]) 8-го апрѣля 1896 г. Высочайше утверждено положеніе Государственнаго Совѣта объ устройствѣ на Мурманскомъ берегу въ Екатерининской гавани коммерческаго порта и городского при немъ поселенія, при чемъ на расходы по этому

9

гавани, означенная площадь представитъ собою единственное удобное мѣсто для возведенія необходимыхъ сооруженій для порта и для частныхъ построекъ, я поручилъ лѣсничему Аувинайно снять ее на планъ, а фотографу Лейцингеру—сдѣлать съ той же долины фотографическій снимокъ.



Видъ долины, прилегаю

Три дня г. Аувинайно, подъ постояннымъ дождемъ, измѣрялъ и наносилъ на планъ всю мѣстность между частью Екатерининской гавани и Кислою губою Кольскаго залива, перенося, при по-

предмету въ 1896 году ассигновано 150.000 руб. Къ работамъ приступлено въ іюнѣ того же 1896 года. Къ осени работы находились въ слѣдующемъ положеніи: 1) вся мѣстность, окружающая Екатерининскую гавань, была снята на планъ землемѣромъ Вяхиревымъ, съ обозначеніемъ на планѣ проектированной пристани, расположенія городского поселенія и высотъ; 2) произведены нивеллировка мѣстности и изслѣдованіе подпочвы буровыми скважинами; благодаря этимъ изслѣдованіямъ, опредѣлены мѣста для казенныхъ и общественныхъ зданій, при чемъ для осушки мѣстности проведены канавы и расчищенъ ручей; 3) подготовлено, при помощи динамита, мѣсто для набережной и для дорогъ отъ пристани къ городу и устроена часть набережной; 4) для подвоза строительныхъ матеріаловъ устроена

мощи солдатъ охотничьей команды, свои инструменты съ одной возвышенности на другую.

Благодаря его работамъ, а также работамъ начальника бѣломорской съемки, лейтенанта Жданко, и капитана парохода «Мурманъ» А. Е. Таратина, былъ впослѣдствіи составленъ подроб-

къ Екатерининской гавани.

ный планъ Екатерининской гавани и окрестностей, съ обозначеніемъ глубины гавани и сосѣднихъ бухтъ, высоты сосѣднихъ озеръ, ихъ глубины и т. д.

отъ пристани къ мѣсту работъ узкоколейная желѣзная дорога системы Деконвиля, на протяженіи около 500 саж.; 5) построены одинъ домъ въ 5 комнатъ, крытый желѣзомъ, одинъ домъ въ 4 комнаты, мастерская для столярныхъ работъ, кузница и два амбара.

III.

Заливъ Ура. — Портъ Владиміръ. — Колонія Ура. — Мотовскій заливъ. — Колонія Китовка. — Гавань Озерко. — Тупики. — Ловля трески поддёвомъ. — Островъ Кильдинъ. — Климатическія условія Мурмана. — Териберка и Гаврилово. — Подъемъ духа на Мурманѣ. — Значеніе порта на Мурманѣ. — Возвращеніе въ Архангельскъ.

Въ то время, когда производились означенныя работы въ окрестностяхъ гавани, мы сдѣлали нѣсколько экскурсій на пароходѣ «Мурманъ» въ Мотовскій заливъ, въ портъ Владиміръ, въ Ура-губу, къ Арскимъ островамъ, въ колонію Китовку, въ гавань Озерко, потомъ къ острову Кильдину и къ нѣкоторымъ промысловымъ становищамъ.

Чтобы попасть изъ Екатерининской гавани въ портъ Владиміръ, мы должны были выѣхать изъ Кольскаго залива въ океанъ. На морѣ было свѣжо, дулъ крѣпкій вѣтеръ, брызги неслись на пароходъ, цѣлые потоки воды катились по палубѣ, — но нашъ маленькій «Мурманъ», подъ управленіемъ опытнаго и внимательнаго капитана Таратина, въ подробности изучившаго плаваніе въ сѣверныхъ моряхъ, бойко понесся по высокимъ волнамъ океана, точно ныряя между ними. Повернувъ по выходѣ изъ Кольскаго залива на западъ и обогнувъ Погань-Наволокъ (мысъ), мы вошли въ Ура-губу.

Заливъ Ура врѣзается глубоко, верстъ на двадцать, въ материкъ. Посреди этого залива на 10 верстъ тянется узкою полосою островъ Шалимъ, раздѣляющій, такимъ образомъ, Ура-губу на два залива, изъ которыхъ одинъ называется Большая Ура-губа, а другой — Малая Ура-губа.

У самаго устья Малой Ура-губы въ островъ Шалимъ вдается довольно обширная бухта Еретики, названная, въ память посѣщенія ея Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, портомъ Владиміромъ.

Портъ Владиміръ представляетъ хорошую, спокойную гавань для стоянки судовъ; но, къ сожалѣнію, гавань эта расположена на островѣ, а не у материка. Сама-по-себѣ гавань защищена со всѣхъ сторонъ, но входъ въ гавань изъ Ура-губы, во время сильныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, опасенъ, такъ какъ узкій проходъ въ Ура-губу съ сѣвера, т.-е. со стороны океана, не защищенъ.

По берегамъ гавани встрѣчаются довольно удобныя мѣста для построекъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда здѣсь дѣйствовалъ китобойный заводъ общества «Рыбакъ», мѣстность была очень оживленная, но съ закрытіемъ завода все кругомъ мало-по-малу опустѣло. Стоящій и понынѣ на сѣверномъ берегу гавани заводъ со всѣми его приспособленіями и машинами, заколоченная церковь и покосившіеся отъ времени кресты на могилахъ, — все это производитъ грустное впечатлѣніе. Единственное зданіе, въ которомъ замѣтна еще нѣкоторая жизнь, — факторія (складъ товаровъ) Воро-

Портъ Владиміръ (бухта Еретики) въ Ура-губѣ.

нина на южномъ берегу. Когда мы были въ гавани, здѣсь стояло небольшое двухмачтовое парусное судно и нагружало треску. Уйдемъ мы, уйдетъ это судно, и единственными обитателями гавани останутся сторожъ китобойнаго завода и сторожиха Воронинской факторіи.

Изъ порта Владиміръ мы отправились далѣе по Ура-губѣ, къ финляндской колоніи Ура, расположенной въ самомъ концѣ залива. Съ обѣихъ сторонъ надвигались мрачныя скалы, а на уступахъ сидѣли неподвижно такіе же мрачные бакланы. До самой колоніи мы не встрѣтили ни одной долины, ни одного удобнаго мѣстечка.

гдѣ бы можно было пристать. Притомъ, глубина залива достигаетъ мѣстами 100—150 саженъ, такъ что на якорь можно стать, только подъѣхавъ къ самой колоніи.

Колонія Ура тянется вдоль рѣчки того же названія и заселена исключительно финляндцами, въ числѣ около 200 человѣкъ. Проплывъ версты три на шлюпкѣ, между рядами камней, мы высадились въ колоніи и были поражены отсутствіемъ обитателей. Входимъ въ одинъ домъ,—ни души; подходимъ къ другому двухъэтажному, опрятному зданію,—дверь замкнута; заглянули въ окно,—все прибрано, все въ порядкѣ: приличная мебель, лампы, коврики, кар-

Становище Еретики.—Китобойный заводъ.

тины, занавѣски у оконъ,—но людей нѣтъ. На дверяхъ этого дома, между прочимъ, красуется мѣдная дощечка съ именемъ хозяина дома; для чего она здѣсь—неизвѣстно; надо полагать, что и безъ нея всякій въ колоніи прекрасно знаетъ владѣльца каждаго дома. Наконецъ, въ слѣдующихъ домахъ мы нашли нѣсколькихъ женщинъ и дѣтей. Оказалось, что всѣ мужчины, до единаго, на промыслѣ, да и большинство женщинъ ушли за ягодами, за травой и т. п. предметами домашняго обихода.

Во всѣхъ этихъ домахъ насъ особенно поразили опрятность и порядокъ, какъ внутри домовъ, такъ и снаружи. Въ самой бѣдной

хижинѣ стѣны, полы, посуда, мебель носили слѣды самой заботливой чистоты, полы были устланы папоротникомъ, на стѣнахъ развѣшаны картинки, на окнахъ занавѣски; женщины были одѣты опрятно, также и дѣти, которыя не смотрѣли, какъ обыкновенно въ деревняхъ, неумытыми, нечесанными замухрыжками. Въ каждомъ домѣ мы находили шкапъ съ книгами и даже газеты; дѣтей обучаютъ грамотѣ сами родители.

Въ каждомъ дворѣ есть нѣсколько коровъ. Крошечные хлѣвы, въ которые приходилось входить согнувшись, содержатся въ безукоризненномъ порядкѣ и ежедневно по нѣскольку разъ вычищаются. При каждомъ домѣ есть молочная, гдѣ уже чистота доведена до педантизма. Такой же порядокъ былъ и снаружи: нигдѣ ни сора, ни грязи, все прибрано, заготовленныя дрова сложены въ правильные штабели, на раскинутыхъ кругомъ лугахъ, которые тщательно обработываются и удобряются, не замѣтно ни соринки, каждый камешекъ прибранъ, а трава, несмотря на суровость климата, весьма удовлетворительна и, повидимому, даетъ возможность колонистамъ прокормить довольно значительное количество скота.

Ни одна изъ женщинъ не говорила по-русски, но, благодаря тому, что съ нами былъ чиновникъ особыхъ порученій О. С. Янушковскій, говорящій по-фински, мы могли поговорить съ ними о ихъ жизни. На вопросъ, почему онѣ не выучатся русскому языку, знать который имъ, какъ русскимъ подданнымъ, необходимо, не считая уже того, что при сношеніяхъ съ русскими властями и торговцами знаніе русскаго языка было бы для нихъ и не безполезно, — онѣ отвѣчали: «Устройте намъ русскую школу, мы охотно будемъ учиться по-русски, пошлемъ въ школу нашихъ дѣтей; теперь мы учимъ сами и, конечно, только тому, что сами знаемъ, — вѣдь, на всемъ Муриманѣ нѣтъ ни одной школы».

Нѣкоторые колонисты занимаются судостроеніемъ. Между прочимъ, мы видѣли на берегу неспущенный еще на воду, не вполнѣ отстроенный листерботъ довольно большихъ размѣровъ. Это—палубное судно, по образцу норвежскихъ судовъ, выстроенное прочно, съ знаніемъ кораблестроительнаго дѣла. Намъ передали, что хозяинъ его продалъ недавно такое же судно, построенное и снаряженное имъ здѣсь, въ Норвегію за 4,000 руб., и что это судно строится имъ по заказу одного изъ русскихъ промышленниковъ.

На берегу, возлѣ колоніи, мы нашли аккуратно сложенными въ штабели 600 телеграфныхъ столбовъ, привезенныхъ изъ Архан-

гельски, а въ кладовой одного изъ колонистовъ — проволоку и другія телеграфныя принадлежности. Жители колоніи съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ постройкѣ телеграфа и обѣщали оказывать всякое содѣйствіе при изысканіяхъ и по развозкѣ матеріаловъ по линіи.

Изъ Ура-губы мы направились далѣе въ Мотовскій заливъ. Подходя къ Арскому острову, вблизи Ара-губы, мы обратили вниманіе на морскихъ птицъ, величиною съ голубя, во множествѣ плавающихъ въ морѣ. При приближеніи парохода, птицы стремглавъ, какъ брызги, бросались отъ него по сторонамъ, не то бѣгомъ, не

Китобойный заводъ въ Ара-губѣ.

то вплавь, шлепая крыльями по водѣ. Оказалось, что это тупики, или такъ-называемые мурманскіе попугаи; все брюшко у нихъ снѣжно-бѣлое, пушистое, на шеѣ черный галстукъ, щеки сѣрыя, вокругъ глазъ красный ободокъ, ножки красныя, спина и крылья черныя, большой тупой клювъ съ красными яркими полосками, а вокругъ клюва желтый, довольно толстый нарость; несоразмѣрно большой красный клювъ имѣетъ видъ приставного носа. Мнѣ хотѣлось добыть нѣсколько экземпляровъ такихъ птицъ. Для этого нужно было пристать къ острову, гдѣ онѣ, повидимому, гнѣздились въ расщелинахъ отвѣсныхъ утесовъ. Но не такъ-то легко было

подойти къ нему: островъ представлялъ собою одиноко стоящую въ морѣ скалу, море было неспокойно, а укрыться гдѣ-нибудь за узкимъ островомъ не было возможности, потому что вѣтеръ дулъ вдоль него.

Подходя къ острову, мы провѣрили лотомъ глубину и бросили якорь на 18 саж. Была спущена шлюпка, и мы отправились на охоту за этою интересною птичкою. Однако прибой волнъ къ гранитнымъ скаламъ острова былъ такъ силенъ, что намъ съ боль-

Арскій островъ. — Птичій базаръ.

шимъ трудомъ удалось выпрыгнуть изъ лодки и вскарабкаться по уступамъ чуть не отвѣсной скалы.

Наверху островъ представляетъ волнистую поверхность, въ трещинахъ и расщелинахъ покрытую мхомъ и морошкою. Тупики, оказывается, большіе любители этой ягоды; они въ большомъ количествѣ водятся также на Айновскихъ островахъ, у входа въ Печенгскую губу. Эти острова принадлежатъ Печенгскому монастырю и сплошь покрыты морошкою, которою издавна безпрепятственно и мирно лакомились тупики. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашихъ попугайчиковъ сильно пощипали какіе-то промышленники:

ихъ пушистыя шкурки потребовались за границу, и много тысячъ тупиковъ поплатились жизнью для какихъ-то модныхъ, дамскихъ нарядовъ.

На островкѣ мы нашли нѣсколько гагачьихъ гнѣздъ, откуда повыбрали весь пухъ. Но тупиковъ было не легко добыть: они сидѣли по уступамъ на отвѣсныхъ скалахъ, обращенныхъ къ морю, подобраться къ нимъ было довольно трудно, а убитые и подстрѣленные падали въ море или на уступы скалъ, на которые не было никакой возможности спуститься. Однако ловкіе матросы съ «Мурмана», оставленные нами въ шлюпкѣ, подобрали ихъ въ морѣ, вскарабкались на скалы и достали почти всѣхъ, такъ что цѣлый десятокъ тупиковъ и нѣсколько другихъ птицъ пополнили нашу коллекцію птичьихъ чучелъ.

Въ то время, какъ мы совершали экскурсію по острову, остававшіеся на пароходѣ матросы занялись ловлею трески по способу такъ-называемаго поддёва. Этотъ способъ лова заключается въ слѣдующемъ: на концѣ бичевки, длиною, смотря по глубинѣ мѣста, гдѣ ловятъ, въ данномъ случаѣ около 20-ти саженъ, прикрѣпляется крючекъ и грузило для того, чтобы крючекъ опустился до дна; къ крючку привязывается бѣлая узкая лента, обыкновенно вырѣзанная изъ кишекъ той же трески; забросивъ такую удочку, ловецъ постоянно дергаетъ за бичевку, по возможности, широкими взмахами. По возвращеніи на пароходъ, и мы присоединились къ этому лову. Почему треска попадаетъ на крючекъ при такомъ способѣ лова,— объяснить трудно; матросы увѣряли насъ, будто треска задѣваетъ за крючекъ, играя привязанною къ нему ленточкою; но если бы это было такъ, то, хватая ленточку, рыба срывала бы ее и попадалась на крючекъ ртомъ; между тѣмъ, все время, что мы ловили, ленточки на крючкахъ оставались цѣлыми, а рыбу вытаскивали то за бокъ, то за хвостъ. Мнѣ кажется, явленіе это проще всего объясняется множествомъ рыбы, такъ что крючекъ удочки при взмахахъ совершенно случайно задѣваетъ то ту, то другую — за что̀ попало. Мы такъ увлеклись этою ловлею, что всѣ замахали бичевками и въ какихъ-нибудь полчаса натаскали пуда три превосходной крупной трески и между ними нѣсколько зубатокъ.

Когда, послѣ того, мы съ аппетитомъ ѣли превосходную уху изъ свѣжей, наловленной нами трески, съ жирною, нѣжною, вкусною максою (тресковою печенью), намъ невольно вспомнилось, въ какую сравнительно мерзость превращается эта вкусная въ свѣжемъ видѣ

рыба, попадая на всемірный рынокъ, въ видѣ столь любимой жителями Сѣвера соленой вяленой «трещечки», или сушенаго и вяленаго лабардана и штокфиша, а нѣжная вкусная печень — въ видѣ аптекарскаго рыбьяго жира.

Идя по Мотовскому заливу, мы зашли въ колонію Китовку, гдѣ застали нѣсколько большихъ судовъ норвежскихъ кораблей, нагружавшихъ рыбу, преимущественно пикшую; попробовали ловить на поддёвъ, — пикшуй попадался точно такъ же, какъ и треска. Пройдя далѣе въ глубь залива, а потомъ на шлюпкѣ въ рѣчку, мы имѣли случай

Ловъ трески на поддёвъ съ парохода «Мурманъ», въ Мотовскомъ заливѣ.

видѣть, какъ промышленники вдоль песчаныхъ отмелей ловили сѣтями песчанку, небольшую рыбку, которая при недостаткѣ мойвы служитъ наживкою и на которую также охотно идетъ треска, пикшуй, зубатка и т. п. Здѣсь же, по близости, было приступлено къ установкѣ столбовъ для телеграфной линіи отъ Екатерининской гавани на Рыбачій полуостровъ и къ Печенгскому монастырю. Телеграфный техникъ Симановичъ, завѣдывавшій работами, съ замѣчательнымъ усердіемъ и настойчивостью принялся за дѣло и своимъ примѣромъ воодушевлялъ рабочихъ, которые нерѣдко при-

ходили въ уныніе отъ трудности работы. Каждый столбъ нужно было тащить на своихъ плечахъ по крутымъ скаламъ, а чтобы установить его на твердомъ гранитѣ, столбъ обкладывали тяжелыми камнями, которыхъ добывали, взрывая иногда порохомъ скалы. Исходивъ всѣ окрестныя горы, любуясь самъ своею работою и обращая наше вниманіе на красоты окружающей мѣстности, Симановичъ заставлялъ насъ карабкаться по скаламъ и перебираться по горнымъ потокамъ. Нагроможденные въ безпорядкѣ дикіе утесы, шумные ручьи, каскадами падавшіе въ расщелины скалъ, и вдали бушующее море представляли дѣйствительно грандіозную картину суровой и дикой сѣверной природы.

Изъ Китовки мы зашли въ самую глубь Мотовскаго залива, въ гавань Озерко, расположенную у перешейка, отдѣляющаго Рыбачій полуостровъ отъ материка. Перейдя этотъ узкій, шириною въ версту съ небольшимъ, перешеекъ, въ ясную погоду можно видѣть берега Норвегіи. О гавани Озерко много говорили при обсужденіи вопроса объ устройствѣ порта на Мурманѣ; между прочимъ, указывалось на эту гавань, какъ на удобную стоянку для судовъ. Правда, гавань Озерко совершенно покойная, она защищена со всѣхъ сторонъ, и хотя входъ въ нее нѣсколько затруднителенъ, но его, кажется, не особенно трудно расчистить. Кругомъ гавани много свободнаго ровнаго пространства для возведенія построекъ; по имѣющимся свѣдѣніямъ, она замерзаетъ рѣдко, и, если замерзаетъ, то покрывается лишь тонкимъ льдомъ. Тѣмъ не менѣе, едва ли эта гавань пригодна для порта, — она слишкомъ удалена отъ океана: чтобы добраться до нея, нужно пройти 80 верстъ Мотовскимъ заливомъ, слѣдовательно, судамъ приходилось бы дѣлать лишнихъ 160 верстъ; въ то же время она слишкомъ удалена отъ центра Мурманскаго берега, отъ мѣста промысловъ и отъ ближайшаго пункта, куда можетъ выйти рельсовый путь съ материка къ океану. Лучшимъ доказательствомъ того, что эта гавань, несмотря на всѣ ея хорошія качества, не можетъ имѣть практическаго значенія, служитъ то обстоятельство, что до сихъ поръ при ней не устроилось ни колоніи, ни становища, и въ Озерко никогда не заходятъ не только парусныя, но и промысловыя суда.

Въ другой разъ мы направились къ острову Кильдину. Этотъ обширный островъ находится при выходѣ изъ Кольскаго залива, съ восточной стороны, въ самомъ океанѣ, и отдѣляется отъ материка узкимъ проливомъ, шириною отъ одной до трехъ верстъ. По-

верхность острова представляетъ совершенно другой видъ, чѣмъ берегъ материка. На материкѣ огромныя глыбы гранита, самыхъ причудливыхъ и неправильныхъ формъ, круто спускающіяся въ море, тогда какъ у Кильдина берегъ довольно отлогій, постепенно, ровными уступами поднимающійся вверхъ. Эти уступы покрыты зеленью, среди которой мѣстами пасутся олени, и только съ восточной и сѣверо-восточной стороны высокій берегъ отвѣсно падаетъ въ море. Не только наружный видъ, но и строеніе почвы на островѣ совсѣмъ иные: материкъ состоитъ изъ гранита, на Кильдинѣ гранита вовсе нѣтъ, и весь островъ сложенъ изъ темнаго сланца.

Лѣтъ 25 назадъ, архангельскимъ губернаторомъ Качаловымъ былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ коммерческаго порта въ Монастырской бухтѣ, на островѣ Кильдинѣ. На Мурманъ была командирована особая экспедиція изъ представителей Министерствъ Внутреннихъ дѣлъ, Финансовъ, Государственныхъ имуществъ и Морского. Эта экспедиція и состоявшая при Министерствѣ Финансовъ коммиссія для изысканія мѣръ къ экономическому развитію Сѣвернаго края согласились съ мнѣніемъ губернатора Качалова о необходимости устройства коммерческаго порта въ Монастырской бухтѣ на Кильдинѣ; мысль эта, однако, не получила осуществленія.

Ознакомившись ближе съ мѣстными условіями, можно указать на тѣ преимущества и недостатки, которые эта гавань имѣетъ въ сравненіи съ Екатерининскою гаванью. Монастырская бухта на островѣ Кильдинѣ расположена въ юго-восточной оконечности острова, въ проливѣ между островомъ и материкомъ; бухта эта сравнительно мала, имѣетъ въ длину и ширину всего около 150 саженъ. Хотя весь южный берегъ острова Кильдина, на протяженіи около двухъ верстъ, представляетъ очень хорошую стоянку для судовъ всякой величины, тѣмъ не менѣе эту стоянку, въ открытомъ проливѣ, нельзя назвать гаванью. Монастырская бухта защищена отъ сѣверныхъ, сѣверо-восточныхъ и восточныхъ вѣтровъ, чаще всего дующихъ на Мурманѣ, но открыта для волненія при западныхъ и юго-западныхъ вѣтрахъ, — правда, сравнительно рѣдкихъ. На берегу Кильдина, какъ въ Монастырской бухтѣ, такъ и по всему южному берегу, имѣется обширное пространство земли, удобной для построекъ. Кильдинскій проливъ никогда не замерзаетъ. Какъ Кильдинъ, такъ и Екатерининская гавань находятся на срединѣ Мурманскаго побережья, и Кильдинъ имѣетъ даже то преимущество, что онъ расположенъ у самаго океана, непосредственно на пути

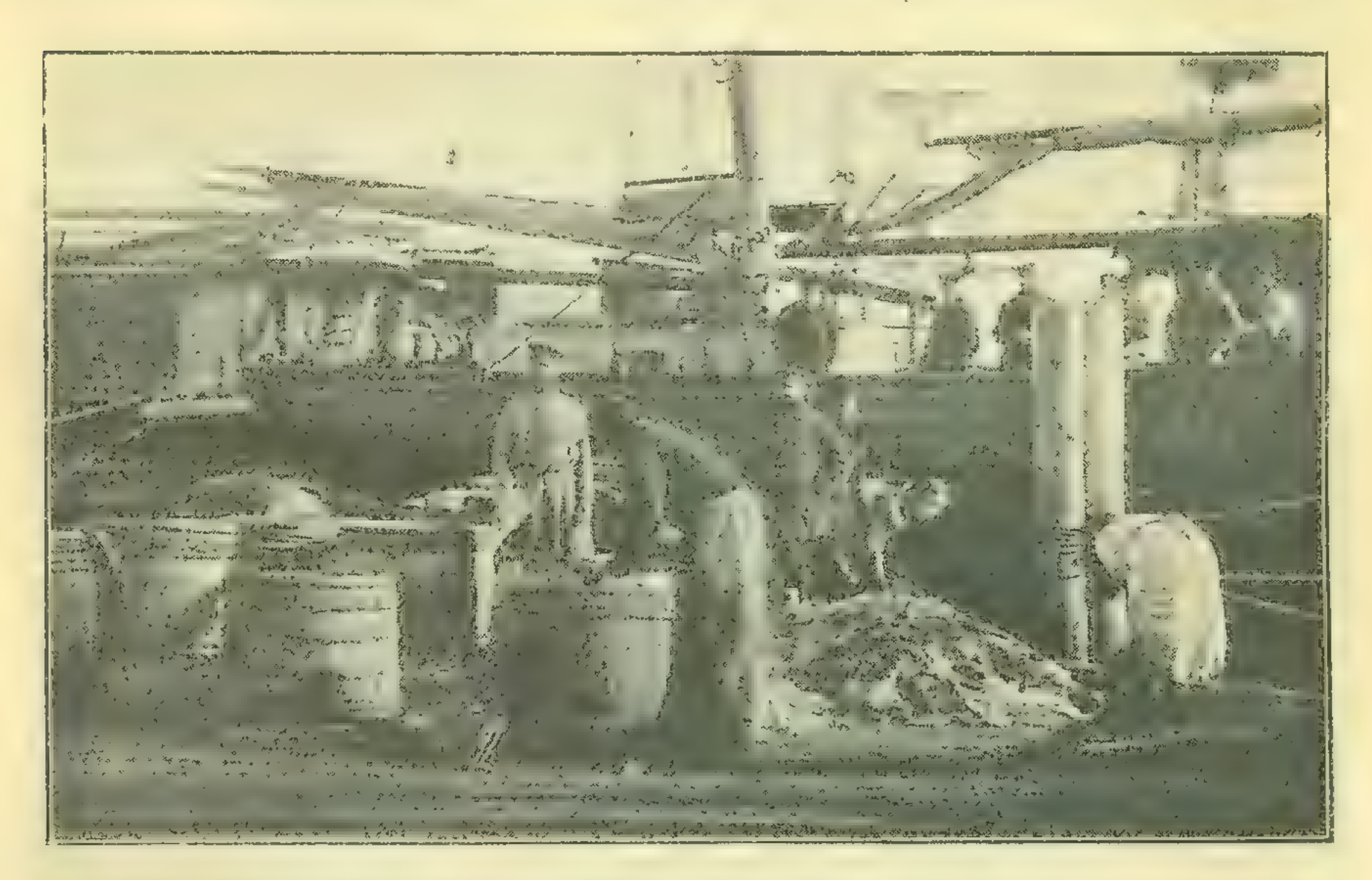
слѣдованія всѣхъ судовъ, тогда какъ Екатерининская гавань лежитъ нѣсколько въ сторонѣ. Но, при всѣхъ достоинствахъ Монастырской бухты и всего южнаго берега острова Кильдина, главный недостатокъ этой гавани, помимо того, что она мала и открыта для западныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, заключается въ томъ, что бухта расположена на островѣ, а не на материкѣ, отъ котораго она отрѣзана Кильдинскимъ проливомъ. Поэтому, сравнивая всѣ недостатки и достоинства этой гавани съ Екатерининскою, нельзя не отдать предпочтенія послѣдней.

Изучая вопросъ о Мурманѣ, о климатическихъ его условіяхъ и о колонизаціи Мурманскаго берега, намъ приходилось нерѣдко читать и слышать, что на Мурманѣ жить нельзя, что колонизація его невозможна, что никакое здоровье не можетъ вынести его суроваго климата и т. д. Приведенныя выше данныя свидѣтельствуютъ какъ разъ обратное: климатъ вовсе не такъ уже суровъ, какъ его представляютъ, принимая лишь въ расчетъ близость Мурмана къ сѣверному полюсу; пресловутая полярная ночь, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, не такъ уже темна и не мѣшаетъ даже мореплаванію и работѣ на нѣкоторыхъ промыслахъ; что же касается того, какое вліяніе оказываетъ климатъ на здоровье человѣка, то мы имѣли случай воочію убѣдиться, что жители Мурмана пользуются отличнымъ здоровьемъ и доживаютъ до глубокой старости. Возьмите, напр., почтеннаго кольскаго исправника В. П. Смирнова,— ему слишкомъ 60 лѣтъ и, несмотря на такіе годы, онъ цѣлое лѣто плаваетъ на пароходѣ и въ лодкахъ, переѣзжая изъ одного становища въ другое, въ какую бы то ни было погоду, а всю зиму проводитъ въ Колѣ и въ разъѣздахъ по уѣзду на оленяхъ. Во всѣхъ нашихъ экскурсіяхъ онъ не отставалъ отъ насъ, взбирался на скалы, ходилъ по тундрамъ, никогда не жалуясь на усталость. Мы видѣли сѣдого старика-колониста, который одинъ, ничего не смущаясь, въ бурю и непогоду переѣзжалъ довольно значительныя пространства по морю въ небольшой лодкѣ. На Кильдинѣ, въ Монастырской бухтѣ, живетъ норвежецъ, принявшій русское подданство; онъ поселился тамъ лѣтъ двадцать назадъ, жилъ долго въ бѣдности, въ землянкѣ, питаясь почти исключительно изловленною имъ рыбою, потомъ обзавелся домомъ, оленями и теперь живетъ безбѣдно; у него восемь дочерей и — посмотрите на нихъ: всѣ кровь съ молокомъ, какъ на подборъ. Въ Екатерининской гавани мы насчитали 15, кажется, дѣтей изъ семей механика парохода «Мур-

манъ», сторожа и колониста: бѣгаютъ они босыя по камнямъ, живутъ тамъ всю зиму — и здоровы. Всѣ эти примѣры прекрасно показываютъ, что климатъ на Мурманѣ едва ли можно считать пагубнымъ для здоровья человѣка.

1-го іюля за нами прибылъ въ Екатерининскую гавань пароходъ товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства «Владиміръ», только-что выгрузившій на Рыбачьемъ полуостровѣ около 1,000 телеграфныхъ столбовъ, и мы, въ тотъ же день вечеромъ, снялись съ якоря и направились къ Архангельску.

Кромѣ нашей компаніи, на пароходѣ былъ еще туристъ, какой-то австрійскій баронъ, который, интересуясь Сѣверомъ, пріѣхалъ



Посолка и укладка трески.

въ Архангельскъ и, пользуясь случаемъ, отправился на Мурманъ; онъ былъ снабженъ въ изобиліи ружьями всѣхъ системъ, стрѣлялъ въ каждую пролетавшую птицу и въ каждаго тюленя, высовывавшагося изъ воды, — но и птицы, и тюлени какъ-то благополучно отдѣлывались отъ его выстрѣловъ. Впослѣдствіи этотъ баронъ отправился на Новую Землю, гдѣ и оставался два мѣсяца до слѣдующаго пароходнаго рейса.

Вообще въ послѣднее время наши сѣверные берега усердно посѣщаются иностранцами: въ Колѣ мы встрѣтили цѣлую компанію англичанъ, съ безднною чемодановъ разныхъ формъ и размѣровъ; по ихъ словамъ, они пріѣхали на Мурманъ, чтобы по-

охотиться и поудить рыбу; на Новую Землю, кромѣ барона, отправились только какая-то дама-медикъ, стокгольмскій профессоръ и др.

Проѣзжая многолюдныя становища Териберку и Гаврилово, мы порадовались ихъ особенному оживленію и кипучей дѣятельности. Сотни шнякъ выѣзжали въ море на промыселъ, тысячи промышленниковъ были заняты, кто ловлею рыбы, кто чисткою, приготовленіемъ и соленіемъ наловленной рыбы, кто нагрузкою судовъ. Рыба раскупалась на расхватъ, а горы тресковыхъ головъ и другой рыбы, привезенной съ промысла, свидѣтельствовали о богатомъ

Сушка трески.

уловѣ. Тысячи неутомимыхъ обжорливыхъ чаекъ плавали вокругъ и глотали выброшенныя внутренности, исполняя, такимъ образомъ, обязанности санитаровъ; безъ нихъ, вся эта бездна внутренностей, подвергаясь гніенію, заражала бы воздухъ, а убирать ихъ некому и некогда, — всѣ заняты промысломъ.

Вообще мы замѣтили необычайный подъемъ духа на Мурманѣ. Кромѣ удачнаго промысла, вѣсть объ устройствѣ телеграфа, объ устройствѣ маяковъ по берегамъ Мурманскаго побережья, о томъ, что въ будущемъ году пароходы изъ Архангельска будутъ

ходить еженедѣльно, а не въ двѣ недѣли разъ, какъ теперь, и что по западной сторонѣ Мурманскаго берега будетъ ходить особый мѣстный пароходъ, въ значительной мѣрѣ возбудили энергію и предпріимчивость какъ промышленниковъ, такъ и торговцевъ. Въ Териберкѣ, напримѣръ, купецъ Мерзлютинъ строитъ особую пристань, къ которой могутъ приставать пароходы, соляной складъ на 100,000 пудовъ соли, складъ угля и, что особенно важно, казарму для рабочихъ на нѣсколько сотъ человѣкъ. Купецъ Савинъ заводитъ пароходъ для перевозки мойвы, устраиваетъ для нея особые садки и предполагаетъ даже искусственно замораживать мойву, чтобы сохранять ее на то время, когда она отходитъ уже отъ береговъ въ океанъ. На Іоканскихъ островахъ, вблизи Св. Носа, устраивается помѣщеніе для рабочихъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы съ весны заняться промысломъ тюленей. Г. Гебель купилъ въ портѣ Владиміръ находившійся уже много лѣтъ въ бездѣйствіи китобойный заводъ и намѣренъ вновь открыть китовый промыселъ, но главнымъ образомъ организовать ловъ и развозку мойвы и ловъ сельдей. Наконецъ, на Мурманъ стремится большое число новыхъ поселенцевъ; я заваленъ ихъ просьбами, израсходовалъ уже всѣ деньги, ассигнованныя въ пособіе на обзаведеніе новымъ поселенцамъ, и все-таки удовлетворилъ далеко еще не всѣхъ.

Да, близко уже то время, когда Мурманъ получитъ, наконецъ, подобающее ему коммерческое и политическое значеніе, указанное самою природою. Съ развитіемъ пароходства, сооруженіемъ телеграфа и постройкою Екатерининскаго порта, колонизація Мурманскаго побережья и промышленная дѣятельность края въ ближайшемъ будущемъ получатъ, конечно, болѣе широкое развитіе. Нагляднымъ тому примѣромъ могутъ служить сосѣдніе берега норвежскаго Финмаркена, которые еще недавно представляли такой же пустынный видъ, какъ и нашъ Мурманъ; но, какъ только норвежскимъ правительствомъ были организованы пароходныя сообщенія, проведенъ телеграфъ, а гавани приспособлены для стоянки судовъ, и оказано содѣйствіе различнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, — здѣсь закипѣла жизнь, появились благоустроенные города Вадзе, Вардэ, Гаммерфестъ, несмотря на то, что Финмаркенъ сѣвернѣе Мурмана и его климатическія условія болѣе суровы.

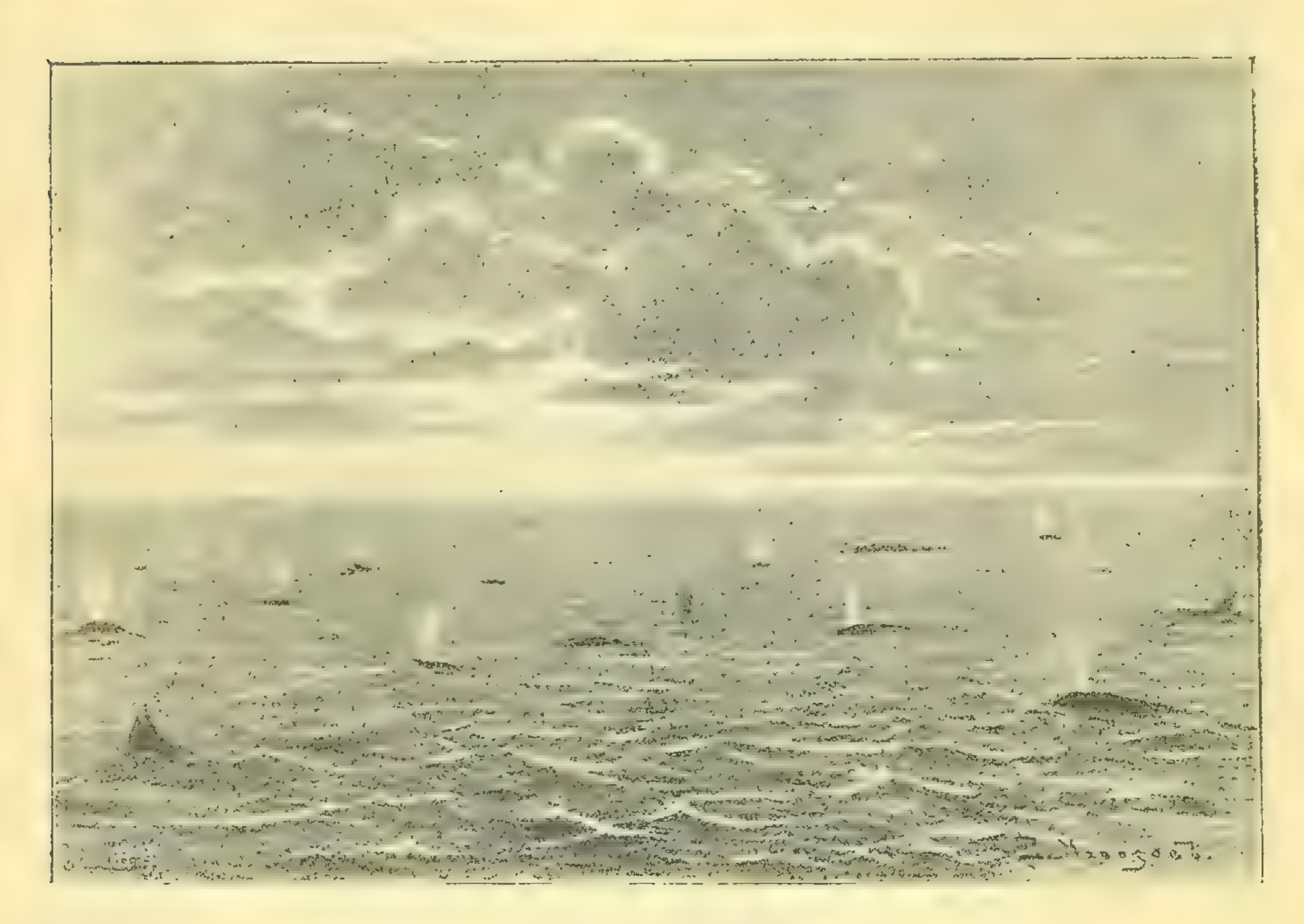
Тѣмъ не менѣе пока еще сдѣлано только на половину. Нѣтъ сомнѣнія, что съ устройствомъ Екатерининскаго порта Россія прорубитъ себѣ широкое окно не только въ Европу, но и на весь

міръ; однако пока къ этому окну нельзя будетъ подойти во всякое время изъ дома, т.-е. съ материка, пока къ Екатерининскому порту не будетъ проложенъ рельсовый путь, до тѣхъ поръ хозяину трудно будетъ дышать, несмотря даже на открытое настежъ окно. Путь для желѣзной дороги въ Екатерининскій портъ намѣченъ ясно на Колу, Кандалакшу и Кемь; по этому пути ежегодно идутъ тысячи промышленниковъ, утопая въ снѣгу и перенося множество трудовъ и лишеній, по этому же пути проложенъ нынѣ телеграфъ. Я имѣлъ уже случай говорить о предполагаемой желѣзной дорогѣ отъ Кеми на Петрозаводскъ въ С.-Петербургъ, затѣмъ отъ Кеми до Екатерининскаго порта останется менѣе 600 верстъ; государственное значеніе этой дороги неоспоримо: она свяжетъ всю Россію съ открытымъ во всякое время океаномъ и въ то же время откроетъ новый, безостановочный путь для заграничной торговли; въ незамерзающихъ водахъ Мурмана, въ его огражденныхъ неприступными гранитными скалами заливахъ русскій флотъ найдетъ себѣ удобную стоянку и будетъ имѣть возможность выйти на просторъ океана во всякое время, когда потребуютъ того обстоятельства.

3-го іюля мы уже подходили къ Св. Носу. Вотъ прошелъ изъ Бѣлаго моря огромный иностранный пароходъ, высоко надъ палубою нагруженный множествомъ досокъ; кругомъ нашего парохода тысячи тюленей, кувыркаясь и гоняясь, вѣроятно, за рыбою, подымали такую возню, что море казалось кипящимъ, а вдали, то тутъ, то тамъ, разсыпаясь мелкими брызгами, мелькали фонтаны воды, выбрасываемой сновавшими во множествѣ китами... Наконецъ, мы и въ Бѣломъ морѣ. Пройдя Городецкій, Сосновый и Зимнегорскій маяки, входимъ въ Двинскій заливъ и затѣмъ на баръ рѣки Двины. Здѣсь день и ночь работаетъ землечерпательная машина, прочищая каналъ на барѣ. Великое дѣло сдѣлали для Архангельска землечерпательныя работы на барѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на барѣ было всего 11—12 футовъ глубины, вслѣдствіе чего догрузка иностранныхъ судовъ производилась за баромъ при помощи лихтеровъ и мелкихъ судовъ. Чего это стоило и какъ тяжело ложились эти накладные расходы на нашу отпускную торговлю! Теперь все измѣнилось: на барѣ не видно ни одного судна, землечерпательными работами глубина его доведена уже до 19-ти футовъ и предполагается еще углубить до 22-хъ футовъ; всѣ пароходы свободно проходятъ до самаго Архангельска и, нагрузив-

шись на пристаняхъ въ городѣ или у лѣсопильныхъ заводовъ, безпрепятственно выходятъ въ море.

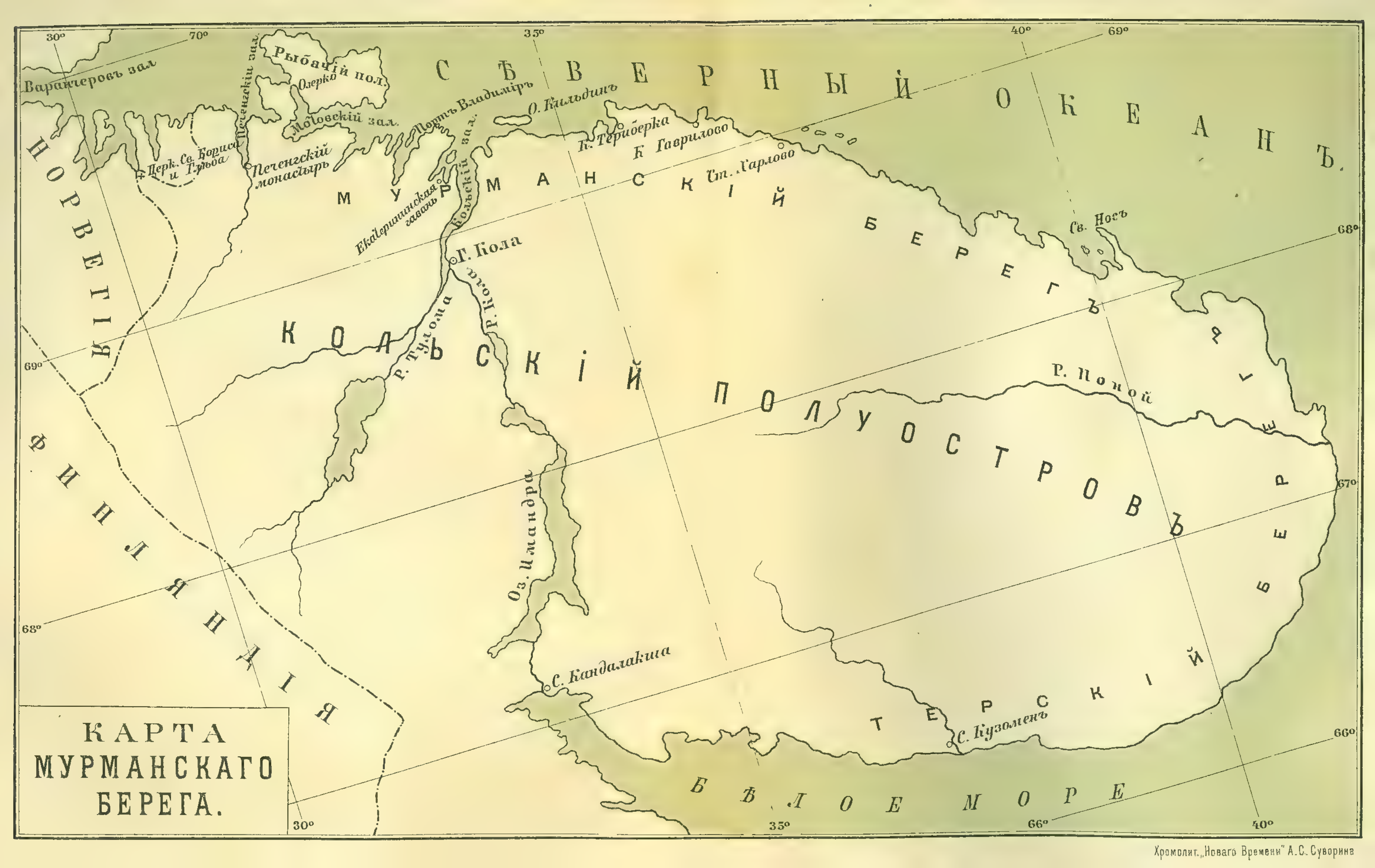
Такимъ образомъ, углубленіе бара и очистка русла Двины сдѣлали Архангельскъ однимъ изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ портовъ въ Европѣ; гавань и пристани, къ которымъ могутъ приставать суда, занимаютъ нынѣ на рѣкѣ Двинѣ 20 верстъ береговой полосы, при чемъ это пространство можетъ быть еще расширено на много верстъ.

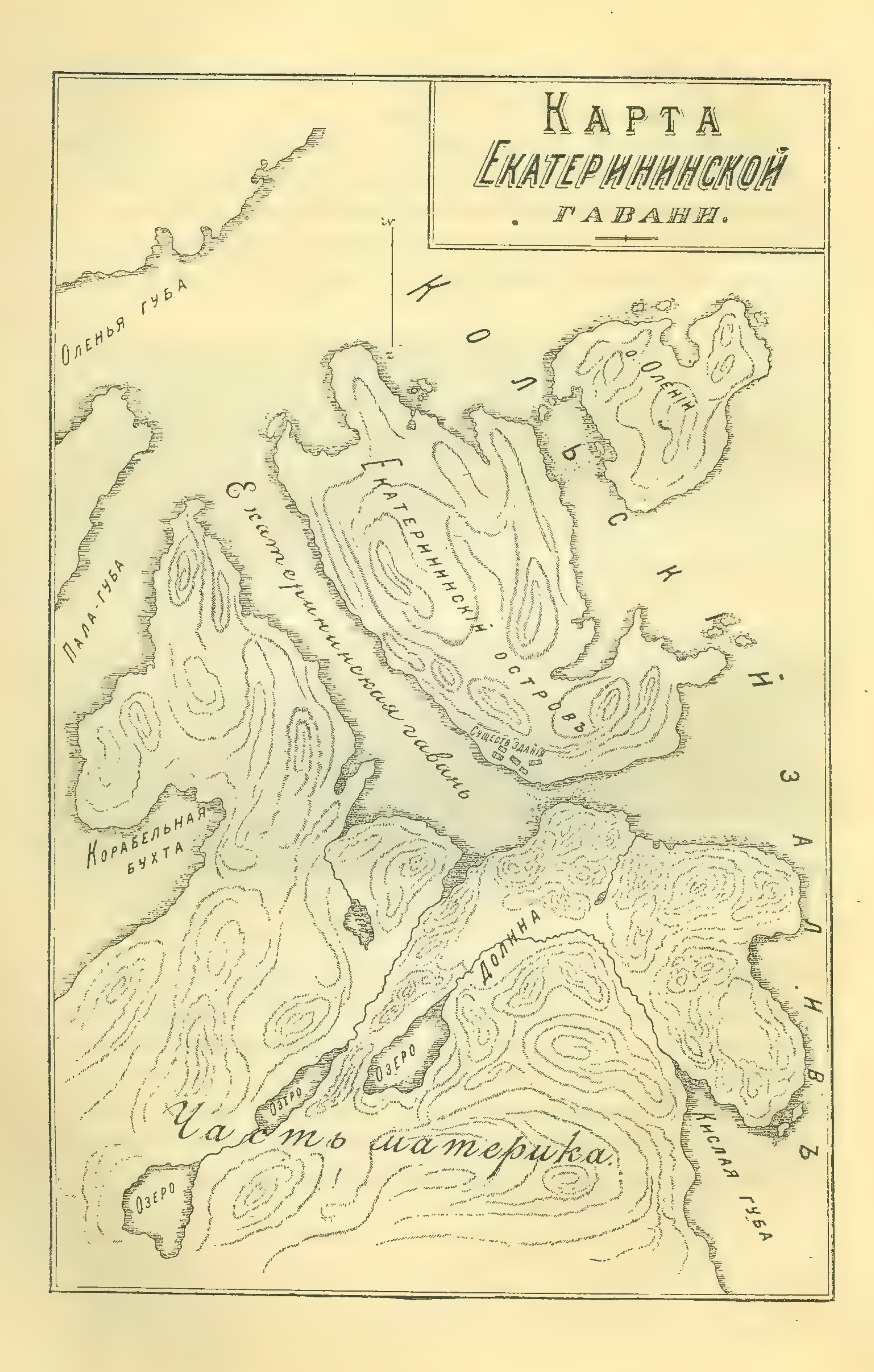


Киты у Св. Носа.

Пройдя отъ бара устьемъ Двины, около 50-ти верстъ, мимо десятка лѣсопильныхъ заводовъ, обложенныхъ кругомъ безконечными штабелями бревенъ и досокъ, изъ-за которыхъ торчатъ дымящіяся заводскія трубы и слышенъ свистъ отъ движенія пилъ, мимо ряда стоявшихъ у пристаней пароходовъ и судовъ, на которые спѣшно производилась нагрузка товаровъ, мы, 4-го іюля, вечеромъ, благополучно пристали къ Соборной пристани въ Архангельскѣ.

———


КАРТА
МУРМАНСКАГО
БЕРЕГА.
СѢВЕРНЫЙ ОКЕАНЪ.
Варангеровъ зал.
Рыбачій пол.
Озерко
Печенгскій зал.
Мотовскій зал.
Портъ Владиміръ
О. Кильдинъ
Кольскій зал.
К. Териберка
К. Гаврилово
Ст. Харлово
Церк. Св. Бориса и Глѣба
Печенгскій монастырь
Екатерининская гавань
МУРМАНСКІЙ БЕРЕГЪ
Г. Кола
Св. Носъ
НОРВЕГІЯ
КОЛЬСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ
Р. Тулома
Р. Кола
Р. Поной
ФИНЛЯНДІЯ
Оз. Имандра
С. Кандалакша
ТЕРСКІЙ БЕРЕГЪ
С. Кузоменъ
БѢЛОЕ МОРЕ
30°
35°
40°
70°
69°
68°
67°
66°
Хромолит. „Новаго Времени" А. С. Суворина

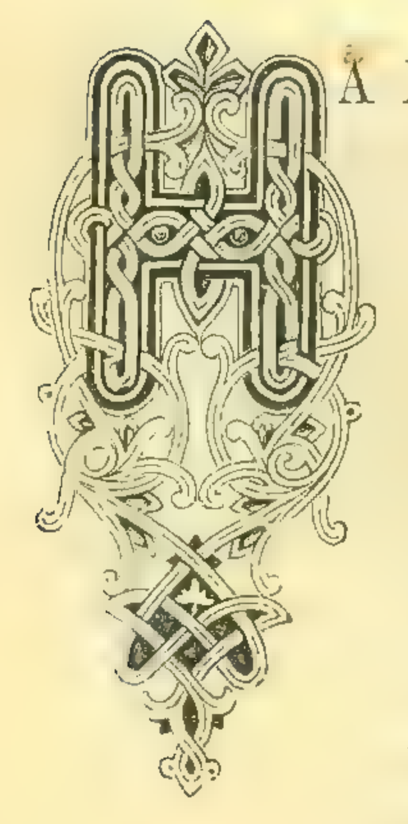

Карта
Екатерининской
гавани.
Оленья губа
Пала-губа
Корабельная бухта
Кольскій заливъ
Олени
Екатерининская гавань
Екатерининскій островъ
Существ. зданія
Долина
Озеро
Озеро
Озеро
Часть материка.
Кислая губа

Церковь въ Малыхъ Кармакулахъ на Новой Землѣ.

Новая Земля.

I.

Экономическое значеніе восточныхъ побережій Ледовитаго океана.



НА НАШЕ западное побережье Ледовитаго океана, отъ Бѣлаго моря до Норвегіи, носящее названіе Россійскаго Мурманскаго берега, въ послѣднее время обращено было серьезное вниманіе какъ правительства и ученыхъ изслѣдователей, такъ и повременной печати. Благодаря дѣятельному участію Министра Финансовъ С. Ю. Витте, посѣтившаго Мурманскій берегъ въ 1894 году, предпринятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ для развитія промысловъ и колонизаціи этого обширнаго края. Мы уже говорили о телеграфѣ, который проводится вдоль Мурманскаго берега и оттуда чрезъ Кольскій полуостровъ до города Кемп, для соединенія съ общею телеграфною сѣтью Имперіи; кромѣ того, близъ становищъ Гаврилова, Терпберки, Ципъ-

Наволоки и въ другихъ мѣстахъ устанавливаются маяки и сигнальные огни. Для сношеній между всѣми населенными прибрежными пунктами и для оказанія содѣйствія промышленникамъ вдоль береговъ Мурмана плаваютъ административный пароходъ «Мурманъ» и два новыхъ, построенныхъ въ Англіи парохода товарищества Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства, а военный крейсеръ оберегаетъ наши промыслы отъ эксплоатаціи иностранцевъ; наконецъ, въ настоящее время приступлено къ устройству порта въ Екатерининской гавани. Всѣ эти мѣропріятія, несомнѣнно, послужатъ къ быстрому заселенію Мурмана и оживленію промышленной дѣятельности въ краѣ.

Съ другой стороны, природныя условія Мурмана, его неисчерпаемыя богатства рыбою и морскими звѣрями и всегда открытый океанъ представляютъ широкій просторъ для промышленной дѣятельности и мореплаванія; теплое теченіе Гольфстрема дѣлаетъ климатъ Мурмана, несмотря на географическое его положеніе на далекомъ Сѣверѣ, сравнительно умѣреннымъ и въ то же время относитъ отъ его береговъ плавающіе льды Сѣвернаго океана, что̀ дѣлаетъ судоходство на Мурманѣ возможнымъ круглый годъ, а незамерзающія гавани его представляютъ превосходныя стоянки для судовъ. Въ то время, когда Бѣлое море и восточная часть океана покрыты еще льдомъ и промышленники, вслѣдствіе этого, не могутъ выйти на промыселъ морскихъ звѣрей, тюленей, моржей и проч., во множествѣ приплывающихъ къ берегамъ Новой Земли, Колгуеву острову и къ горлу Бѣлаго моря въ февралѣ и мартѣ,— съ Мурмана, по свободному океану, есть полная возможность во всякое время года отправиться на этотъ выгодный промыселъ.

Когда Екатерининская гавань превратится въ благоустроенный торговый портъ, тогда и нашимъ военнымъ судамъ представится возможность пользоваться этимъ портомъ, какъ удобною и вполнѣ безопасною стоянкою. Такимъ образомъ, съ развитіемъ торговли и судоходства на Сѣверѣ, наши сѣверныя моря, въ связи съ коммерческими и экономическими интересами, получатъ и подобающее имъ политическое значеніе.

Отсюда не трудно заключить, какъ велико экономическое и государственное значеніе нашихъ западныхъ береговъ Ледовитаго океана и какою блестящею можетъ быть ихъ будущность, но въ то же время не малый интересъ представляетъ и восточная часть нашей сѣверной окраины. Обиліе морскихъ звѣрей по побережью

Ледовитаго океана, у береговъ Новой Земли, Колгуева и Вайгача, множество пушныхъ звѣрей и дичи, обширное оленеводство въ необъятныхъ тундрахъ Печорскаго края, огромное пространство нетронутыхъ до сихъ поръ лѣсовъ, минеральныя богатства, источники нефти по рѣкѣ Ухтѣ, залежи мѣдной руды по рѣкѣ Цыльмѣ, притокамъ рѣки Печоры, наконецъ, путь чрезъ Карское море къ Енисею и въ глубь Сибири,—все это, несомнѣнно, представляетъ исключительно благопріятныя условія для развитія здѣсь торговли и промысловъ. Но богатства эти, вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо путей сообщенія и способовъ передвиженія, оставались пока недоступными и почти нетронутыми, и, чтобы вызвать ихъ къ жизни, прежде всего необходимо было создать эти пути.

Побывавъ нѣсколько разъ на Мурманѣ почти во всѣхъ его становищахъ, въ Колѣ, въ Печенгской обители, на Пазъ-рѣкѣ у границы Норвегіи, я близко познакомился съ характеромъ этой мѣстности, ея населеніемъ и промыслами, но о восточной половинѣ нашей Сѣверной окраины не имѣлъ еще правильнаго представленія и зналъ ее только по разсказамъ и книгамъ. Поэтому, чтобы лично ознакомиться съ этою мѣстностью и убѣдиться въ возможности плаванія по Печорѣ, я рѣшилъ посѣтить Новую Землю и пробраться къ устьямъ Печоры, какъ съ моря, такъ и сухимъ путемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ цѣлью поднять производительныя силы края, мною были возбуждены ходатайства о геологическомъ изслѣдованіи Новой Земли, объ учрежденіи пароходства по Печорѣ и о сооруженіи телеграфа въ с. Усть-Цыльму — главный административный центръ Печорскаго уѣзда. Въ то время производились уже работы по сооруженію сухопутной почтовой дороги отъ Мезенскаго уѣзда къ Печорѣ, чрезъ Тиманскую тундру и Тиманскій горный хребетъ.

Плаваніе къ Печорѣ считалось до послѣдняго времени крайне опаснымъ и не обезпеченнымъ, потому что между Новою Землею и материкомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ встрѣчаются еще льды, а въ устье Печоры пароходы не рѣшались входить, такъ какъ фарватеръ не былъ достаточно обслѣдованъ. Поэтому, согласно моему ходатайству, Морскимъ Министерствомъ былъ командированъ въ 1894 году къ устьямъ Печоры, для производства необходимыхъ гидрографическихъ работъ, крейсеръ «Вѣстникъ» и транспортъ «Баканъ».

Я условился съ командирами этихъ судовъ съѣхаться въ устьяхъ Печоры около 15-го іюля; для этого мы рѣшили, что я отправлюсь

5-го іюля на пароходѣ товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства на Новую Землю, куда 10-го іюля придетъ за мною съ Мурмана крейсеръ «Вѣстникъ», и, затѣмъ, съ Новой Земли мы отправимся уже на крейсерѣ прямо къ устьямъ Печоры, а транспортъ «Баканъ» и нанятое на мѣстѣ поморское парусное судно, съ запасомъ угля, направятся изъ Архангельска на Печору, вдоль береговъ Сѣвернаго океана, нѣсколькими днями ранѣе моего отъѣзда на Новую Землю.

II.

Снаряженіе на Новую Землю новыхъ колонистовъ-самоѣдовъ.—Крещеніе самоѣдскихъ дѣтей.—Переѣздъ изъ Архангельска на Новую Землю на пароходѣ «Ломоносовъ».—Нашъ грузъ.—Мои спутники.—Встрѣча съ транспортомъ «Баканъ».—Полуночное солнце.

Постоянное населеніе на обширномъ пространствѣ, которое занимаетъ островъ Новая Земля, состояло къ 1894 году изъ 10 семействъ самоѣдовъ, въ числѣ 50-ти человѣкъ, перевезенныхъ туда въ семидесятыхъ годахъ. Между тѣмъ, богатые промыслы на островѣ даютъ полную возможность прокормить значительно бо́льшее число поселенцевъ. Поэтому, собираясь ѣхать на Новую Землю, я заблаговременно поручилъ чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ Печорскаго уѣзда, въ видахъ дальнѣйшей колонизаціи острова, предложить нѣсколькимъ самоѣдскимъ семействамъ Большеземельской тундры, Печорскаго уѣзда, переселиться на Новую Землю. Охотниковъ явилось много, но изъ нихъ были выбраны болѣе привычные къ морскимъ промысламъ и проживавшіе по берегамъ океана, — всего 8 семействъ, въ числѣ 37-ми человѣкъ, которые и были привезены въ Архангельскъ.

Находясь въ Архангельскѣ, въ ожиданіи отправленія на Новую Землю, самоѣды заготовляли себѣ необходимую зимнюю одежду, сѣти для ловли рыбы, лодки и прочія орудія для производства промысловъ.

Два-три мѣсяца, проведенные самоѣдами въ городѣ, совершенно преобразили этихъ грязныхъ, косматыхъ полудикарей, прикрытыхъ оленьими шкурами; вымытые и причесаные, одѣтые въ сит-

цвѣтныя рубахи и шерстяныя куртки, а женщины—въ сарафаны, съ платками на головахъ, они нисколько не походили на прежнихъ уродовъ. Въ то же время преосвященный Никаноръ, епископъ Архангельскій, позаботился объ ихъ духовномъ просвѣщеніи; съ этою

Новые колонисты-самоѣды.

цѣлью онъ лично обучалъ дѣтей и велъ бесѣды съ взрослыми, которые почти ежедневно посѣщали церковь. Между дѣтьми оказались три некрещенныхъ дѣвочки, 6—7-ми лѣтъ. Таинство крещенія надъ ними совершилъ самъ владыка, при пѣніи архіерейскаго хора, произносившаго, между прочимъ, слова прошеній «Господи помилуй» («Нумъ

Самоѣдки.

[illegible]») и «Подай Господи» («Нумъ да») на самоѣдскомъ языкѣ, что произвело на присутствовавшихъ самоѣдовъ сильное впечатлѣніе.

5-го іюня 1894 года мы отплыли изъ Архангельска на лучшемъ

въ то время и самомъ большомъ пароходѣ товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства «Ломоносовъ», который весь былъ нагруженъ самыми разнообразными предметами для поселенцевъ Новой Земли. Между прочимъ, мы везли съ собою въ разобранномъ видѣ цѣлый большой домъ, въ 6 комнатъ, для проживающихъ на Новой Землѣ іеромонаха и псаломщика и для школы. На постройку этого дома, по моему ходатайству, было отпущено Св. Сунодомъ въ распоряженіе епархіальнаго начальства 5,000 рублей. Кромѣ того, здѣсь былъ и другой домъ, для становища въ Маточкиномъ Шарѣ, гдѣ до сихъ поръ не было еще постояннаго зданія. На постройку этого дома и на ремонтъ существовавшихъ на Новой Землѣ зданій было отпущено Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ 2,000 рублей. Затѣмъ, мы взяли съ собою 120 саженъ дровъ для топлива, доски, кирпичъ, глину, годовой запасъ предметовъ продовольствія для всѣхъ проживающихъ на Новой Землѣ колонистовъ, нѣсколько пудовъ пороха, свинца, цѣлый арсеналъ ружей, патроновъ и проч., нѣсколько большихъ лодокъ для выѣзда на промыселъ, 60 собакъ для разъѣздовъ поселенцевъ по острову, 10,000 пудовъ каменнаго угля для крейсера «Вѣстникъ», около 100 боченковъ солонины, 8 быковъ, запасъ картофеля, овощей и другихъ предметовъ для команды крейсера.

Кромѣ 37-ми самоѣдовъ и нѣсколькихъ плотниковъ и печниковъ, взятыхъ для постройки вышеупомянутыхъ зданій, со мною ѣхали на Новую Землю: правитель канцеляріи Сидоренко, на котораго было возложено снабженіе новоземельскихъ колонистовъ всѣмъ для нихъ необходимымъ и веденіе денежной отчетности, а также сбытъ въ Архангельскѣ предметовъ ихъ промысла; докторъ Большесольскій, взявшій на себя трудъ изученія санитарныхъ условій быта поселенцевъ и наиболѣе подходящихъ по мѣстнымъ условіямъ мѣръ для предупрежденія между ними болѣзней; чиновникъ особыхъ порученій Сосновскій и подполковникъ Чарковскій,—въ качествѣ туристовъ и собирателей образцовъ фауны, флоры и минераловъ; фотографъ Лейцингеръ и, наконецъ, состоявшій у меня въ услуженіи дагестанецъ Магома, сопровождавшій меня во всѣхъ моихъ экскурсіяхъ и охотахъ. Всегда веселый, довольный, внимательный, услужливый и безгранично преданный, Магома былъ неоцѣненнымъ слугою въ подобныхъ путешествіяхъ; ничто его не удивляло, онъ не признавалъ никакихъ опасностей и въ своей жизни видалъ всякіе виды: проведя дѣтство въ горахъ Кавказа, онъ служилъ нѣсколько лѣтъ

у одного офицера въ Туркестанѣ и въ Мервѣ, изъ знойныхъ степей центральной Азіи попалъ въ С.-Петербургъ и оттуда ко мнѣ, въ полярныя сѣверныя страны.

Наше плаваніе было чрезвычайно удачно; море было довольно покойно, туманы не затрудняли путь, а не сходившее все время съ горизонта солнце свѣтило намъ день и ночь. Пароходъ шелъ со скоростью 12-ти узловъ и быстро прорѣзалъ воды Бѣлаго моря, такъ что на другія уже сутки мы миновали Канинъ носъ и вступили въ открытый океанъ. Вдругъ мы замѣтили вдали какую-то темную точку. Что бы это могло быть? Острова здѣсь нѣтъ, а корабль — необычайная рѣдкость; изрѣдка развѣ можно встрѣтить поморское судно, направляющееся къ Новой Землѣ на промыселъ. Мы измѣнили курсъ по направленію этой точки и вскорѣ въ бинокль ясно различили пароходъ.

Когда мы подошли ближе, то, къ нашему немалому удивленію, оказалось, что это стоитъ на якорѣ транспортъ «Баканъ», который, по расчету времени, долженъ былъ бы прибыть уже къ устьямъ Печоры.

Мы остановились и узнали отъ командира транспорта, что, подойдя къ острову Колгуеву, «Баканъ» встрѣтилъ ледъ, послѣ чего пробовалъ обойти островъ сперва съ юга, потомъ съ сѣвера, но море оказалось всюду покрытымъ густымъ льдомъ. Пробиваться сквозь него командиръ не рѣшился, тѣмъ болѣе, что судно было старое и дослуживало послѣдніе годы, а потому онъ поворотилъ назадъ и, зная, что мы будемъ проходить мимо Канина носа, остановился здѣсь на якорѣ.

— Куда же дѣвалась парусная шкуна съ углемъ, которая вышла вмѣстѣ съ вами? — спрашиваю я капитана.

— Пошла одна на Печору. Какъ ни уговаривали мы хозяина шкуны (крестьянина Архангельскаго уѣзда, Антуфьева) возвратиться, но онъ не согласился; говоритъ, что взялся доставить къ 12-му іюля уголь на Печору, деньги взялъ не малыя, 25 копѣекъ съ пуда, заработокъ хорошій, «такъ чтò мнѣ льды! попробую ихъ обходить, а то проберусь и такъ, между ними»...

Обсудивъ дѣло, мы съ командиромъ рѣшили, что льды не могутъ долго продержаться, — первымъ же вѣтромъ ихъ, вѣроятно, отнесетъ отъ береговъ въ океанъ, а потому транспорту слѣдуетъ продолжать путь къ Печорѣ, придерживаясь южнаго направленія, поближе къ материку, гдѣ можно укрыться въ какой-нибудь бухтѣ

и въ крайнемъ случаѣ, при особомъ несчастіи, выйти съ командою на берегъ.

Пополнивъ запасы угля на «Баканѣ», мы разстались съ транспортомъ и направились прямо къ Новой Землѣ. Скрылись берега и

Полуночное солнце въ Ледовитомъ океанѣ.

кругомъ насъ разстилался широкій просторъ безпредѣльнаго океана. Какъ будто исчезла всякая жизнь, возлѣ парохода не кружатся даже назойливыя чайки, не высовываютъ болѣе изъ воды свои круглыя морды тюлени, изрѣдка только покажется китъ и изъ него брызнетъ фонтанъ...

12 ч. ночи съ 6-го на 7-е іюля. Солнце стоитъ довольно высоко на горизонтѣ, его лучи играютъ въ мелкой ряби океана. Фотографъ пользуется рѣдкимъ случаемъ снять полуночное солнце, при безоблачномъ небѣ, подъ 72° сѣверной широты, въ открытомъ океанѣ. Въ морѣ какъ-то скоро привыкаешь къ извѣстной прохладѣ: термометръ показываетъ 4°, а какъ вспомнишь, что и до полюса не такъ уже далеко, то кажется совсѣмъ тепло. Но, вотъ, начали появляться, хлопая крыльями по водѣ, гагары, люрики, кайры, чайки, сперва одиночками, парами, а затѣмъ все въ большемъ и большемъ количествѣ, — наконецъ, сотнями, тысячами, — явный признакъ, что близка земля. Чаще и чаще попадается разбитый ледъ и грузно покачиваются огромныя льдины, на которыхъ кучками сидятъ всевозможныя морскія птицы.

III.

Прибытіе на Новую Землю. — Выгрузка. — Крейсеръ «Вѣстникъ». — Лейтенантъ Жданко.—Свѣдѣнія о Новой Землѣ.—Западныя и русскія экспедиціи.—Экспедиція горнаго инженера Чернышева.—Каменный уголь.—Растительность.—Морскія животныя.

Наконецъ, вдали показалась темная полоска береговъ Новой Земли. Мы минуемъ Сѣверный Гусиный носъ, входимъ въ заливъ Моллера, у входа въ гавань Малыя Кармакулы ясно вырисовывается крестъ, стоящій на высокомъ утесѣ. При нашемъ входѣ въ гавань грянулъ пушечный выстрѣлъ,—одинъ, другой; это привѣтствуютъ насъ обитатели Новой Земли. На берегу у пушки суетятся самоѣды, въ сторонѣ видиѣется высокая фигура іеромонаха Іоны, а псаломщикъ, исполняя обязанности бомбардира, заряжаетъ пушку, которая, Богъ вѣсть, какъ сюда попала.

Для жителей Новой Земли приходъ парохода, конечно, большой праздникъ: цѣлый годъ они не видятъ посторонняго человѣка, цѣлый годъ не знаютъ, что дѣлается на свѣтѣ, пароходъ несетъ имъ извѣстія съ родины, новую провизію и т. д.

«Ломоносовъ» остановился не далѣе, какъ въ 100 саженяхъ отъ становища. Загремѣли якорныя цѣпи, грохнулся якорь, со всѣхъ сторонъ начали подъѣзжать утлыя лодченки самоѣдовъ, которые вмигъ очутились на палубѣ. Началась выгрузка. «Первымъ дѣломъ — долой собакъ!» — командуетъ капитанъ. Собаки ему поряд-

комъ надоѣли; ихъ вой и лай на различные голоса неумолкаемо раздавался изъ трюма во все время пути отъ Архангельска; ни ласки, ни угрозы,—ничто не могло ихъ угомонить. Высаженныя на берегъ, онѣ почувствовали себя, повидимому, много лучше, чѣмъ въ душномъ трюмѣ; но тутъ на нихъ набросились мѣстныя собаки и началась невообразимая грызня; впрочемъ, собаки быстро перезнакомились между собою и скоро все успокоилось.

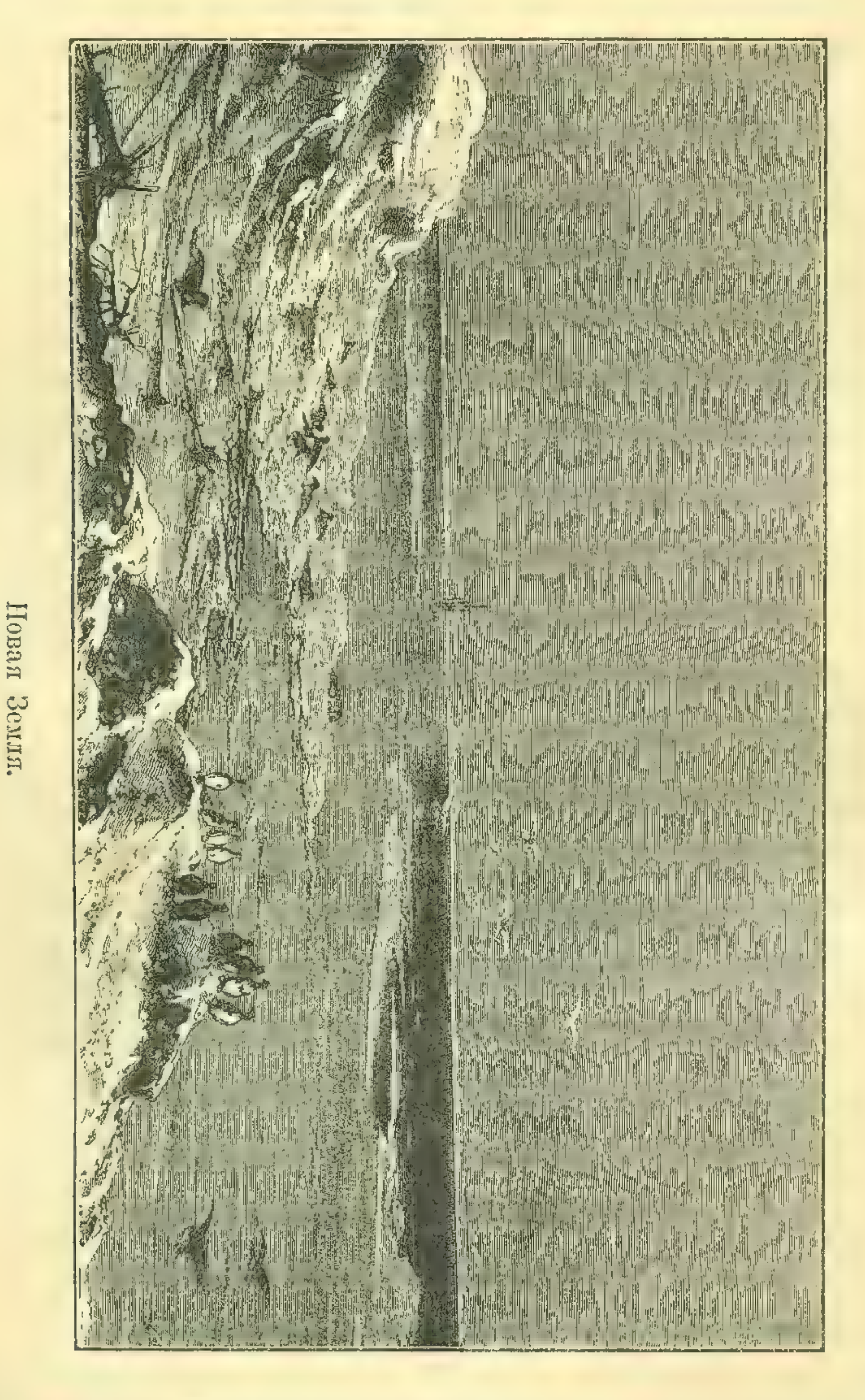
Вслѣдъ за нами пришелъ въ Кармакулы и крейсеръ «Вѣстникъ». Прибывшій на крейсерѣ начальникъ партіи бѣломорской съемки, лейтенантъ Жданко, которому мы обязаны многими работами по гидрографіи Сѣвернаго океана, тотчасъ съѣхалъ со своими инструментами на берегъ для производства астрономическихъ и магнитныхъ наблюденій. Нѣкоторые офицеры съ крейсера раздѣлились на партіи для промѣра гавани, правитель канцеляріи Сидоренко занялся выгрузкою привезенныхъ нами матеріаловъ, пріемомъ отъ самоѣдовъ-колонистовъ того, что они напромышляли за годъ, и расчетами съ ними, а я и мои спутники, докторъ Большесольскій, чиновникъ особыхъ порученій Сосновскій, подполковникъ Чарковскій, и присоединившійся къ намъ съ крейсера мичманъ Игнатьевъ, захвативъ съ собою Магому, четырехъ матросовъ съ крейсера и въ качествѣ провожатаго самоѣда Вылку съ собакою, отправились на двухъ лодкахъ въ охотничью экскурсію въ глубь острова.

Островъ Новая Земля расположенъ между 70 и 77 параллелями сѣверной широты и съ запада на 51,5° восточной долготы отъ Гринвича. Такъ-называемымъ Маточкинымъ Шаромъ (проливомъ) Новая Земля раздѣляется между 73 и 74 параллелями на два острова, изъ которыхъ сѣверный почти въ два раза больше южнаго. Въ длину, съ юга на сѣверъ, островъ простирается слишкомъ на 1,000 верстъ, а въ ширину занимаетъ, въ среднемъ, около 200 верстъ. Новая Земля составляетъ какъ бы дальнѣйшее продолженіе Уральскихъ горъ—хребта Пай-Хоя; между нею и сѣверными отрогами послѣдняго лежитъ островъ Вайгачъ, такой же гористый, какъ и Новая Земля.

Кѣмъ и когда открыта Новая Земля, за отсутствіемъ точныхъ и опредѣленныхъ историческихъ данныхъ, рѣшить трудно, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она открыта русскими.

Русскіе промышленники посѣщали этотъ островъ задолго до того времени, когда о немъ появились свѣдѣнія въ Западной Европѣ. Это подтверждаетъ и самое названіе острова, объ этомъ же сви-

дѣтельствуютъ и имѣющіеся письменные памятники. Такъ, итальянскій писатель XVII-го вѣка Мавро Урбино пишетъ: «Россіяне изъ Біарміи, плавающіе по сѣверному морю, открыли, около 100 лѣтъ назадъ, островъ, дотолѣ неизвѣстный, показываемый на картахъ—Новая



Новая Земля.

Земля»[1]). Въ XVII же вѣкѣ Новоземельскій островъ входилъ уже въ кругъ административныхъ заботъ правительства и былъ предметомъ

[1]) Литке, Ѳ. П., графъ. «Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ въ 1821—24 гг.», стр. 13.

россiйской духовной власти. Въ библiотекѣ Антонiева-Сiйскаго монастыря, Архангельской губернiи, хранится грамота патрiарха Iоасафа II игумену Сiйскаго монастыря Феодосiю, отъ 1-го января 1672 года, о посылкѣ на Новую Землю священника съ пѣвлонщикомъ. Литера-

Становище Малыя Кармакулы.

турныя данныя о Новой Землѣ относятся къ срединѣ XVI-го столѣтiя, ко времени извѣстной экспедицiи Ченслера. Въ особенности расширены свѣдѣнiя о Новой Землѣ, благодаря голландской экспедицiи Баренца. Въ iюлѣ 1594 года Баренцъ достигъ Новой Земли и думалъ обогнуть ее съ сѣвера, но, встрѣтивъ льды,

вынужденъ былъ въ августѣ возвратиться обратно въ Голландію. 20-го мая 1596 года изъ Амстердама вышла новая экспедиція, подъ командою того же Баренца. Послѣ невѣроятныхъ усилій онъ достигъ въ концѣ августа сѣверной оконечности острова, но вскорѣ судно его было окружено льдами, возвращеніе въ Голландію оказалось невозможнымъ и экспедиція вынуждена была зазимовать подъ 76° сѣверной широты. Къ счастью, на берегу нашлись занесенныя сюда морскими теченіями деревья, изъ которыхъ представилось возможнымъ построить жилище. Экипажъ, вынужденный вести борьбу со стужею и съ нападавшими на него бѣлыми медвѣдями, испытывалъ всевозможныя страданія и лишенія, которыя еще болѣе увеличились, когда 14-го ноября солнце совершенно скрылось съ горизонта, съ тѣмъ, чтобы показаться снова лишь въ слѣдующемъ году, въ февралѣ. Между людьми появилась цынга. Не имѣя возможности освободить судно изо льдовъ, Баренцъ рѣшился 25-го мая выѣхать на лодкахъ; но лишенія и цынга дали себя почувствовать, — въ концѣ іюля умеръ отъ цынги самъ Баренцъ, а за нимъ погибло и нѣсколько матросовъ; остальные его спутники встрѣтились 7-го августа съ русскими промышленниками, которыми были радушно приняты и доставлены въ Норвегію. Послѣ Баренца надолго прекратились экспедиціи западныхъ народовъ въ Ледовитый океанъ; изслѣдованія Новоземельскаго острова продолжались преимущественно уже русскими, причемъ немаловажною побудительною причиною было установившееся мнѣніе о богатствахъ острова.

Изъ русскихъ экспедицій болѣе извѣстны слѣдующія.

Въ 1760 году лоцманъ Савва Ложкинъ отправился для промысловъ на восточные берега Новой Земли и, благодаря своей настойчивости, въ три года обогнулъ ее и этимъ доказалъ, что Новая Земля—островъ, въ чемъ до того времени географы сомнѣвались. Въ 1768 году была снаряжена экспедиція подъ начальствомъ лейтенанта Размыслова, для изслѣдованія Новоземельскаго острова и снятія его на карту; экспедиція эта зимовала на восточномъ концѣ Маточкина Шара, въ такъ-называемый Тюленьей губѣ.

Въ 1807 году горный инженеръ Дудловъ былъ командированъ на Новую Землю для провѣрки слуховъ о ея минеральныхъ богатствахъ и, хотя таковыхъ не нашелъ, но сдѣлалъ весьма тщательное геологическое описаніе острова.

Въ 1819 году русскимъ правительствомъ была снаряжена экспе-

диція лейтенанта Лазарева, но эта экспедиція также не имѣла успѣха. Въ теченіе 1821—24 гг. Новую Землю четыре раза посѣтила экспедиція подъ начальствомъ адмирала графа Ѳ. П. Литке, подробно обслѣдовавшая западный берегъ острова.

Въ 1832 году архангельскій купецъ Брандтъ снарядилъ на свой счетъ экспедицію, съ цѣлью открыть путь къ Енисею и, между прочимъ, составить карту восточныхъ береговъ Новой Земли, гдѣ онъ предполагалъ производить охоту на моржей. Изслѣдованіе восточныхъ береговъ Новой Земли было поручено штурманскому поручику Пахтусову, который, прозимовавъ на островѣ, лѣтомъ 1833 года успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе и, пройдя черезъ Маточкинъ Шаръ, 12-го сентября вернулся на Печору, въ Пустозерскъ.

Затѣмъ, въ 1834—35 гг. на Новую Землю была командирована правительствомъ экспедиція на двухъ судахъ, изъ которыхъ однимъ командовалъ поручикъ Пахтусовъ, а другимъ прапорщикъ Цiволька. Прозимовавъ на южномъ берегу Маточкина Шара, экспедиція вернулась въ Архангельскъ.

Въ 1838 году, съ цѣлью окончательной съемки Новой Земли, была снаряжена правительствомъ новая экспедиція подъ начальствомъ Цiвольки и лейтенанта Моисеева. Зимовка этой экспедиціи на восточномъ берегу острова, у Мелкой губы, дорого ей обошлась: двадцать пять человѣкъ изъ экипажа заболѣли цынгою; изъ нихъ девять умерло, въ томъ числѣ и самъ Цiволька.

Послѣ этого русскія экспедиціи на Новую Землю почти прекратились, и островъ посѣщали только норвежцы, которые давно уже развивали у себя китовый промыселъ и, за оскудѣніемъ добычи на Шпицбергенѣ, стали ежегодно промышлять на Новой Землѣ.

Въ 70-хъ годахъ Новую Землю посѣщали проѣздомъ нѣкоторыя изъ иностранныхъ полярныхъ экспедицій. Такъ, въ 1872 г. извѣстная экспедиція графа Вильчека посѣтила Маточкинъ Шаръ, губу Грибовую и Костинъ Шаръ.

Въ 1875 г. Норденшильдъ, направляясь къ Енисею, посѣтилъ Маточкинъ Шаръ.

Въ 1895 году Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ была снаряжена геологическая экспедиція, подъ руководствомъ горнаго инженера Чернышева. Мнѣ часто приходилось слышать, что на Новой Землѣ имѣются значительныя залежи каменнаго угля, хотя научныхъ изслѣдованій въ этомъ отношеніи

до сихъ поръ не было еще сдѣлано. Возможность имѣть мѣстный уголь, конечно, весьма важна для пароходовъ, плавающихъ въ нашихъ Сѣверныхъ водахъ. До сего времени весь уголь привозился въ Архангельскъ исключительно изъ Англіи; между тѣмъ, пароходство по Бѣлому морю и Сѣверному океану развивается съ каждымъ годомъ; такъ, въ настоящее время учреждены правильные рейсы изъ Архангельска, вдоль береговъ Бѣлаго моря, къ Мурману, на Печору и къ Новой Землѣ; на Мурманѣ устраивается коммерческій портъ, гдѣ со временемъ, быть-можетъ, будетъ признано необходимымъ

Домъ и группа дѣтей-самоѣдовъ въ Малыхъ Кармакулахъ.

учредить стоянку военныхъ судовъ, для которыхъ потребуется значительное количество каменнаго угля. Само собою разумѣется, снабженіе этого порта мѣстнымъ углемъ, помимо того, что весьма желательно, представляется особенно важнымъ въ томъ случаѣ, если по какимъ-либо политическимъ осложненіямъ доставленіе угля изъ Англіи окажется затруднительнымъ. Поэтому, я и просилъ Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ о командированіи на Новую Землю геологической экспедиціи для изслѣдованія тамъ каменноугольныхъ залежей.

Отправившись изъ Архангельска 10-го іюня, экспедиція посѣтила

Маточкинъ Шаръ, губу Грибовую, Малыя и Большія Кармакулы, Пуховый заливъ, сѣверный берегъ Гусиной Земли и прошла поперекъ Новоземельскій островъ, изъ Кармакулъ къ Карскому морю. Экспедиція пришла къ заключенію, что Новая Земля вообще не богата разными рудами, но что найденный тамъ каменный уголь, несомнѣнно, мѣстнаго происхожденія и той же юрской формаціи, какъ и уголь Печорскаго края; между тѣмъ, большинство прежнихъ изслѣдователей, находившихъ въ разныхъ мѣстахъ Новой Земли уголь, полагали, что этотъ уголь выбрасывался на берегъ волнами моря. Угленосные слои, по мнѣнію экспедиціи, въ большей своей части размыты и сохранились отдѣльными островками; опредѣленіе ихъ потребовало бы продолжительныхъ развѣдокъ и большихъ средствъ, чѣмъ тѣ, которыми обладала экспедиція. Наиболѣе надежными мѣстами, гдѣ, по словамъ поморовъ, они собирали уголь для топлива въ значительномъ количествѣ, нужно считать Крестовую губу, куда инженеръ Чернышевъ и предполагалъ отправиться на крейсерѣ «Джигитъ»; къ сожалѣнію, несчастный случай, происшедшій во время шторма въ Маточкиномъ Шарѣ, когда крейсеръ сѣлъ на мель и едва не потерпѣлъ аваріи, сдѣлалъ эту попытку невозможною.

Другою мѣстностью, гдѣ развѣдочными работами сравнительно скоро можно было бы разыскать неразмытыя залежи угля, представляется Гусиная Земля. Здѣсь экспедиціею найдены были довольно большія количества угля, лежавшаго, очевидно, въ близкомъ разстояніи отъ коренного залеганія.

Что касается качества найденнаго угля, то, по изслѣдованіямъ, произведеннымъ профессоромъ Горнаго института Алексѣевымъ, оказалось слѣдующее: при коксованіи угольнаго порошка сначала летятъ искры, а потомъ получается свѣтлое пламя; остатокъ отъ прокаливанія сохраняетъ вполнѣ видъ порошка; выходъ кокса равенъ 44,96%; при анализѣ найдено—углерода 55,88% и золы 4,8%; тепловая способность вычислена въ 5,200 единицъ тепла.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, новоземельскій уголь нужно отнести къ бурымъ углямъ, лигнитамъ, т.-е. къ ископаемому топливу средняго достоинства.

Растительность на Новой Землѣ крайне бѣдна и тамъ нѣтъ ничего сколько-нибудь похожаго на древесную растительность. Скалы большею частью совершенно голы, а долины покрыты мхомъ и тощею травкою; только въ южной части острова встрѣчается тальникъ и

ползучая полярная березка, подымающаяся не выше 8-ми вершковъ надъ землею. Впрочемъ, въ іюнѣ мѣстами можно встрѣтить довольно бо̀льшія пространства, сплошь покрытыя ярко-окрашенными цвѣтами, въ особенности незабудками; замѣчательно, что большинство растеній, изобилуя яркими цвѣтами, прикрѣпленными къ крошечному стебельку, почти не имѣютъ листьевъ.

Животное царство на Новой Землѣ гораздо богаче; здѣсь водятся въ значительномъ количествѣ бѣлые медвѣди, дикіе олени, лисицы, песцы (бѣлые и голубые) и пеструшки. Самымъ выгоднымъ промысломъ на Новой Землѣ является въ настоящее время охота на бѣлаго медвѣдя, шкура котораго цѣнится довольно высоко (60—70 руб.). Бѣлый медвѣдь — царь звѣрей полярныхъ странъ; шерсть на немъ совершенно серебристая; вся жизнь его проходитъ среди вѣчной зимы; онъ плаваетъ на льдинахъ, лазитъ по ледянымъ горамъ, вполнѣ наслаждаясь жизнью только тамъ, гдѣ холодно и гдѣ есть ледъ; на лѣто онъ уходитъ на сѣверъ Новой Земли, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ. Бѣлый медвѣдь питается преимущественно тюленями и рыбою; обладая гигантскою силою, онъ нападаетъ даже на моржей—громадныхъ животныхъ, достигающихъ иногда до 80-ти пудовъ вѣса, но на человѣка не нападаетъ и благоразумно отъ него удаляется, вслѣдствіе чего охота на бѣлаго медвѣдя не представляетъ особенной опасности.

Изъ морскихъ животныхъ на Новой Землѣ встрѣчаются, главнымъ образомъ, тюлени разныхъ породъ и бѣлухи. Изъ рыбъ— сайка и гольцы. Сайка похожа на сельдь, очень жирна, является къ берегамъ Новой Земли для метанія икры. Голецъ — родъ семги, очень вкусная рыба, только мельче, круглѣе и безъ чешуи; онъ постоянно слѣдуетъ за сайкою, которою питается, заплываетъ въ концѣ августа въ рѣки, мечетъ тамъ икру, а потомъ заходитъ въ озера на зимовку; по вскрытіи льдовъ, голецъ возвращается въ океанъ.

IV.

Пернатыя Новой Земли. — Скала «Птичій Базаръ». — Гуси. — Новоземельскіе промыслы. — Благія мѣропріятія Великаго Князя Алексѣя Александровича. — Новоземельскіе самоѣды. — Срочные пароходные рейсы на Новую Землю. — Заботы администраціи о новоземельскихъ самоѣдахъ.

Новая Земля изобилуетъ пернатыми, между которыми встрѣчаются: лебеди, гуси, утки, гаги, гагары, чайки, топорики, чистяки, лурики, кайры, кулики, бѣлыя полярныя совы и т. п.; особенно много здѣсь луриковъ. У птицъ есть свои излюбленныя мѣста, гдѣ онѣ гнѣздятся и собираются въ огромномъ количествѣ; такъ, напримѣръ, при входѣ въ гавань Малыя Кармакулы есть островъ, въ видѣ одиноко-стоящей въ океанѣ, почти отвѣсной скалы, названный «Птичьимъ Базаромъ». Этотъ островъ въ теченіе всего лѣта сплошь покрытъ птицами; съ крикомъ носятся онѣ тысячами вокругъ острова и покрываютъ по близости все видимое пространство океана.

Въ одну изъ нашихъ экскурсій, мы отправились на шлюпкѣ къ этой скалѣ, съ цѣлью поближе познакомиться съ обитающимъ на ней пернатымъ царствомъ и, если представится возможнымъ, добыть яицъ и нѣсколько экземпляровъ птицъ.

Когда мы подплыли къ скалѣ и укрылись отъ прибоя волнъ въ одну изъ ея расщелинъ, кругомъ творилось нѣчто невообразимое; тысячи птицъ носились вокругъ насъ, цѣлыя тучи ихъ бросались со скалы въ море и своимъ крикомъ и хлопаньемъ крыльевъ производили такой шумъ, что разслышать другъ друга не было никакой возможности. Подполковникъ Чарковскій, Магома и нѣсколько матросовъ выскочили изъ шлюпки и стали карабкаться по скалѣ, всѣ уступы которой были унизаны гнѣздами; сидѣвшія на яйцахъ птицы и не думали улетать при приближеніи нашихъ смѣльчаковъ, которые хватали ихъ руками и бросали къ намъ къ лодку. Бывшіе съ нами мѣшки быстро наполнились птицами, и докторъ Большесольскій, на котораго при всѣхъ нашихъ охотахъ возлагалось храненіе добытой дичи, началъ молить о пощадѣ; свой плащъ-разлетайку онъ обратилъ также въ мѣшокъ, но съ птицами рѣшительно не было сладу: онѣ у него постоянно вырывались и искусали даже до крови руки. Между тѣмъ, бомбардировка дѣлалась все опаснѣе;

птицы со страху срывались со скалы цѣлыми тучами и, бросаясь въ море, попадали въ шлюпку. Матросы настолько увлеклись охотою, что не обращали вниманія ни на прибой волнъ, ни на кручи скалы, по которымъ ползли и по которымъ вслѣдъ за ними катились

Островъ «Птичій Базаръ» близъ гавани Малыя Кармакулы.

яйца и камни. Насилу удалось мнѣ возстановить порядокъ, собрать всѣхъ въ лодку и убраться изъ этого ада. Хорошо еще, что никто изъ насъ не вздумалъ стрѣлять по птицамъ, а то бы это могло кончиться довольно печально; спугиваемыя съ мѣста птицы, тучами срываясь со скалы, могли бы сбить кого-нибудь изъ

насъ съ ногъ и просто засыпать нашу лодку. Отъѣхавъ уже на довольно значительное разстояніе отъ скалы, мы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, вслѣдъ за которыми поднялся цѣлый ураганъ отъ шума крыльевъ и птичьяго крика. Замѣчательно, что по всей

Островъ «Птичій Базаръ».

скалѣ рядомъ съ чайками и гагарами сидѣли бѣлыя полярныя совы, рельефно выдѣляясь на темномъ фонѣ скалы бѣлыми точками; почти у каждой совы въ лапахъ находилась какая-нибудь птица, которую она нехотя ощипывала. Легкость добычи, обиліе

и однообразіе пищи пріучили этихъ хищниковъ относиться апатично къ окружающей ихъ массѣ птицъ; съ своей стороны, послѣднія не обращали никакого вниманія на совъ и спокойно сидѣли рядомъ въ гнѣздахъ. Онѣ, повидимому, инстинктивно чувствовали, что при громадномъ ихъ количествѣ вѣроятность для каждой быть съѣденною совою такъ ничтожна, что не стоитъ быть на-сторожѣ.

Въ другой разъ мы отправились охотиться на гусей, на внутреннія озера. Гуси обыкновенно очень осторожны и охота на нихъ сопряжена съ большими затрудненіями, но, какъ разъ въ то время, когда мы отправлялись охотиться за ними, они линяли и поэтому не могли далеко улетать.

Охота въ это время бываетъ иногда чрезвычайно удачна; такъ, подъѣзжая къ Кармакуламъ, мы встрѣтили довольно большой карбасъ, весь нагруженный гусями, убитыми самоѣдомъ-колонистомъ, который отправился на охоту съ своимъ семействомъ и собаками и въ два дня напромышлялъ около 300 гусей, при чемъ большая часть ихъ была изловлена собаками и перебита палками. Самоѣды солятъ гусей впрокъ и сохраняютъ почти круглый годъ.

Экскурсія наша была очень интересна. Проплывъ 15 верстъ, частью морскими заливами, глубоко врѣзавшимися въ материкъ, частью по рѣчкамъ, впадающимъ въ эти заливы, то между отвѣсными скалами, то по широкимъ плёсамъ, окаймленнымъ горами, покрытыми по большей части снѣгомъ, мы, наконецъ, добрались до озеръ, гдѣ предполагали найти гусей. По дорогѣ намъ попадалось множество чистиковъ, утокъ, гоголей и извѣстныхъ своимъ пухомъ гагъ (гагачій пухъ), но, опасаясь спугнуть боязливыхъ гусей, мы не стрѣляли. Всѣ берега были сплошь усѣяны гусиными перьями, которыя гуси теряютъ при линяніи; этими перьями можно было бы наполнить цѣлый корабль. Намъ нерѣдко приходилось пробираться между льдинами, по порогамъ и перетаскивать лодки по льду, при чемъ мы старались производить какъ можно менѣе шума, потому что гуси очень чутки и, замѣтивъ человѣка, тотчасъ скрываются въ горы и прячутся въ неприступныя расщелины скалъ. Окружающая мѣстность представляла поразительную, сказочную картину какого-то хаоса: кругомъ горы, частью покрытыя снѣгомъ, на водѣ плавающіе льды, надъ берегами нависли цѣлыя ледяныя и снѣжныя скалы, съ которыхъ крупными каплями стекала вода, съ горъ съ шумомъ неслись потоки, — все это было заку-

тано въ дымку тумана, такъ что трудно было разобрать, гдѣ начинался берегъ, гдѣ вода, гдѣ горы, гдѣ небо. Наконецъ, мы увидѣли вдали стада гусей, которые, какъ только замѣтили насъ, далеко еще внѣ выстрѣла, бросились бѣжать въ горы; впрочемъ, это не спасло ихъ: отъ насъ бы они, пожалуй, и скрылись, но съ нами была собака, которая не дала имъ покоя даже въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ. Мы оставили у лодокъ нашего всегдашняго спутника, доктора Большесольскаго, такъ какъ онъ не охотникъ, стрѣлять не умѣетъ и по своей тучности не только не можетъ карабкаться по скаламъ, но и по ровной дорогѣ не особенно охотно ходитъ, что не мѣшаетъ ему, однако, страстно любить разныя экскурсіи; сами же, съ ружьями въ рукахъ, бросились въ разсыпную за гусями. Скоро они были найдены, послышалось тявканье собаки, выстрѣлы; по вершинамъ скалъ замелькали наши матросы и охотники. Гуси бѣгутъ такъ скоро, что за ними трудно угнаться, и при этомъ прячутся за острыми камнями, которые по цвѣту подходятъ къ ихъ опоренію. Вотъ, преслѣдуемый собакою, гусь срывается со скалы; за нимъ, догоняя, скатывается охотникъ, ловитъ его и тащитъ къ доктору, а самъ спѣшитъ за другимъ. У доктора набралась уже довольно большая куча убитыхъ и нѣсколько живыхъ гусей, какъ вдругъ мы замѣчаемъ, что съ нимъ совершается нѣчто странное: сбросивъ съ себя куртку и шляпу, онъ начинаетъ бѣгать по берегу, по острымъ камнямъ, хватаетъ что-то такое и, обезсиленный, ложится навзничь на сырой песокъ. Оказалось, что сданные ему на храненіе гуси разбѣжались и, какъ онъ ни старался связывать имъ ноги платками, ремнями, но нѣкоторымъ все-таки удалось вырваться. Добросовѣстно исполняя возложенныя на него обязанности, несчастный докторъ сталъ гоняться за гусями, не щадя себя, и — нужно отдать ему справедливость — легъ костьми, но ни одного гуся не упустилъ. Измученные и изодранные, начали мы собираться, таща — кто живого гуся, кто убитаго; не доставало только подполковника Чарковскаго, по обыкновенію своему забравшагося въ какую-нибудь глушь или въ самое непроходимое и неприступное мѣсто; наконецъ, мы увидѣли его на вершинѣ высокой горы, покрытой плотнымъ слоемъ снѣга. «Какъ-то онъ оттуда доберется къ намъ», — подумали мы. Обходить кругомъ — далеко, а спуститься прямо казалось почти невозможнымъ. Однако онъ не остановился передъ казавшимся препятствіемъ, — оглядѣлся кругомъ, сѣлъ на снѣжокъ и, точно на са-

лазкахъ, свалился саженъ 20—30 внизъ по снѣжному откосу, потомъ сталъ пробираться зигзагами къ намъ. Отдохнувъ, мы отправились въ обратный путь, и тутъ уже вдоволь настрѣляли попадавшейся на пути дичи.

Охотничья поѣздка на внутреннія озера на Новой Землѣ.

Климатъ на Новой Землѣ нельзя назвать особенно суровымъ: теченіе Гольфстрема оказываетъ и здѣсь благотворное вліяніе, въ особенности на западную сторону острова. Западные берега Новой Земли, приблизительно до 75° сѣверной широты, освобождаются къ іюлю мѣсяцу отъ льдовъ, тогда какъ восточные берега, по Карскому

морю, рѣдко очищаются отъ него. Зимою средняя температура — 19,66° Ц., самая низкая — 31,0° и самая высокая — 1,0°; лѣтомъ средняя + 2,53°; бываютъ иногда въ іюлѣ теплые дни до + 12°; средняя годовая температура для западнаго берега — 8,37°, для восточнаго — 9,45°. Такимъ образомъ, на Новой Землѣ нѣсколько холоднѣе, чѣмъ на Шпицбергенѣ и въ Якутскѣ, но теплѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Нижне-Колымскѣ (—10,0°) и Устьянскѣ (—15,24°), гдѣ, однако, люди уже съ давнихъ временъ ведутъ осѣдлый образъ жизни.

Въ первыхъ числахъ ноября солнце скрывается за горизонтъ на цѣлыхъ три мѣсяца, вплоть до февраля, и постоянную ночь освѣщаетъ одно сѣверное сіяніе. Затѣмъ, съ 1-го мая солнце свѣтитъ непрерывно до августа; съ половины мая горы освобождаются отъ снѣжнаго покрова и появляется зелень, а въ началѣ октября Новая Земля опять покрывается снѣгомъ. На Новой Землѣ, въ особенности зимою, часто господствуютъ сильные вѣтры, которые иногда срываютъ съ горъ камни и разносятъ ихъ на далекое пространство; ходить тогда по открытому мѣсту становится совершенно невозможнымъ; въ то же время цѣлые дома засыпаются снѣгомъ, который проникаетъ въ самыя узкія щели строеній.

Большинство поселявшихся въ прежнее время на Новой Землѣ погибали отъ бича полярныхъ странъ — цынги; одни только самоѣды могли выносить здѣшній климатъ. Убійственная сырость, полярная ночь, сильные вѣтры, сопровождаемые снѣжными метелями, заставляютъ новоземельскихъ обитателей по цѣлымъ недѣлямъ прятаться въ своихъ жилищахъ, оставаться безъ всякаго движенія и проводить бо́льшую часть времени въ снѣ; все это, въ связи съ недостаткомъ растительной пищи, способствуетъ заболѣванію цынгою.

Несмотря, впрочемъ, на всѣ опасности, Новая Земля издавна привлекала своими богатыми промыслами какъ нашихъ поморовъ, такъ и норвежскихъ промышленниковъ. Но, начиная съ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, число поморскихъ судовъ, плавающихъ на Новую Землю, съ каждымъ годомъ стало уменьшаться, а въ послѣдніе годы ее посѣщаютъ только два брата Воронины, изъ Сумскаго посада. Причиною упадка русскихъ новоземельскихъ промысловъ была невозможность конкурировать съ норвежцами. Бѣломорскіе порты весною поздно освобождаются отъ льдовъ и осенью рано замерзаютъ, вслѣдствіе чего русскіе промышленники, являвшіеся на Новую Землю двумя мѣсяцами позже норвеж-

цевъ, находили звѣря уже распуганнымъ, осенью же, не рискуя зимовать на Новой Землѣ, они спѣшили возвратиться пораньше домой. Эти неблагопріятныя для развитія русскихъ промысловъ на Новой Землѣ обстоятельства обратили на себя вниманіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, посѣтившаго этотъ островъ въ 1870 году. На пожертвованныя Его Высочествомъ средства, въ 1872 году, близъ Костина Шара, была поставлена изба; затѣмъ, по иниціативѣ Великаго Князя, Обществомъ спасанія на водахъ, въ 1877 году, въ становищѣ Малыя Кармакулы была устроена спасательная станція, съ цѣлью доставить промышленникамъ надежное убѣжище какъ на время промысловъ, такъ и на случай непредвидѣнной зимовки, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для поданія помощи экипажамъ судовъ, въ случаѣ крушенія ихъ около этого острова. Кромѣ того, для охраны возведенныхъ построекъ и для занятія тамъ промыслами, тогда же были доставлены на Новую Землю и поселены въ Малокармакульскомъ становищѣ пять самоѣдскихъ семействъ изъ Мезенскаго уѣзда, въ числѣ 24-хъ человѣкъ; ихъ снабдили теплою одеждою, обувью, ружьями, порохомъ, свинцомъ, продовольственными запасами и другими орудіями для охоты и промысловъ. Командированный на Новую Землю для устройства спасательной станціи поручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ Тягинъ встрѣтилъ тамъ двѣ самоѣдскихъ семьи, состоявшія изъ 11-ти человѣкъ, которые кочевали около залива Моллера уже въ теченіе восьми лѣтъ. Эти самоѣды посланы были сюда однимъ печорскимъ промышленникомъ, при чемъ снабжены были хорошими средствами для промысловъ, но растратили ихъ и, не рискуя вернуться на родину, совершенно сжились съ Новою Землею. Оказавшись въ полнѣйшей экономической зависимости у одного изъ промышленниковъ-поморовъ, который снабжалъ ихъ необходимыми припасами, взамѣнъ этого,—разумѣется, по баснословно дешевымъ цѣнамъ,—отбирая у нихъ предметы промысловъ, самоѣды просили Тягина включить ихъ въ привезенную на средства Общества спасанія на водахъ самоѣдскую артель. Такимъ образомъ, въ 1877 году на Новой Землѣ было уже семь семействъ постоянныхъ колонистовъ-самоѣдовъ, въ числѣ 35-ти чел.

Затѣмъ, по ходатайству главнаго управленія Общества спасанія на водахъ, въ 1880 году послѣдовало Высочайшее соизволеніе на то, чтобы одинъ изъ пароходовъ товарищества Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства ежегодно совершалъ два рейса

на Новую Землю, вслѣдствіе чего Обществу представилась возможность ежегодно снабжать новоземельскихъ колонистовъ-самоѣдовъ жизненными припасами, покрывая расходы на покупку ихъ деньгами, вырученными отъ продажи ихъ промысловъ.

Новоземельскій самоѣдъ и его хозяйство.

Впослѣдствіи дѣло снабженія колонистовъ-самоѣдовъ припасами было передано Обществомъ спасанія на водахъ въ вѣдѣніе архангельскаго губернатора. По распоряженію губернатора, два раза въ годъ командируется на Новую Землю одинъ изъ состоящихъ при немъ чиновниковъ, которому вмѣняется въ обязанность забирать

у самоѣдовъ въ первый пріѣздъ, по особой именной описи, весь годовой ихъ промыселъ, продавать его въ Архангельскѣ по существующимъ рыночнымъ цѣнамъ и на вырученныя деньги заготовлять необходимые для поселенцевъ, по ихъ требованіямъ, на цѣлый годъ припасы и прочіе предметы, которые и отвозить имъ на Новую Землю со вторымъ рейсомъ парохода. Самимъ же колонистамъ, во избѣжаніе эксплоатаціи ихъ и ввоза водки, до которой самоѣды страстные охотники, воспрещено продавать свой промыселъ частнымъ промышленникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, учреждена должность новоземельскаго фельдшера, на котораго возложено завѣдываніе продовольственною частью и надзоръ за содержаніемъ въ должномъ порядкѣ и исправности новоземельскихъ построекъ.

Нѣкоторые изъ самоѣдовъ, бывшихъ въ Малыхъ Кармакулахъ, переселились въ Маточкинъ Шаръ, гдѣ оказалась болѣе прибыльная охота на бѣлыхъ медвѣдей, вслѣдствіе чего пароходъ Архангельско-Мурманскаго товарищества, съ навигаціи 1890 года, началъ каждый разъ заходить изъ Кармакулъ и въ Маточкинъ Шаръ, для снабженія всѣмъ необходимымъ живущихъ тамъ самоѣдовъ и для пріема отъ нихъ добычи. Вполнѣ обезпеченные всѣмъ необходимымъ на цѣлый годъ, снабженные всѣми принадлежностями для охоты, самоѣды охотно занимались промыслами, такъ что деньгами, выручаемыми отъ продажи ихъ добычи, вполнѣ покрывались всѣ расходы по ихъ содержанію.

V.

Новое самоѣдское становище. — Самоѣдское населеніе, его содержаніе и промыслы. — Новоземельскія постройки. — Церковь. — Отецъ Іона. — Новая церковь. — Новый домъ для причта. — Духовное просвѣщеніе самоѣдовъ. — Санитарныя условія. — Вѣнчаніе самоѣдовъ.

Сосредоточеніе въ двухъ пунктахъ всѣхъ новоземельскихъ колонистовъ, число которыхъ значительно увеличилось съ привезенными нами 37-ю самоѣдами, было признано неудобнымъ, главнымъ образомъ, потому, что при скученности въ одномъ поселеніи самоѣды мѣшаютъ другъ другу въ производствѣ промысловъ. Сами са-

моѣды въ теченіе промысловаго времени разселяются ежегодно по разнымъ пунктамъ острова: одни промышляютъ на Гусиной Землѣ, другіе — около Костина Шара и т. д. Вслѣдствіе этого, я нашелъ необходимымъ устроить новое становище близъ Гусиной Земли, въ южной части острова. Но переселеніе самоѣдовъ на новое мѣсто было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы это становище сталъ ежегодно посѣщать пароходъ товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства, доставляя колонистамъ все необходимое и отбирая на мѣстѣ предметы ихъ промысловъ, а для этого необходимо было выбрать якорную стоянку, сдѣлать промѣры и поставить опознавательные знаки; поэтому, я просилъ Морское Министерство поручить крейсеру «Джигитъ», командированному въ навигацію 1895 года въ Ледовитый океанъ для охраны русскихъ промысловъ, произвести означенныя изслѣдованія. Къ сожалѣнію, крейсеръ едва не потерпѣлъ крушенія въ Маточкиномъ Шарѣ, во время сильнаго шторма 20-го іюля 1895 года, и не могъ выполнить этого порученія.

Въ настоящее время устройство становища на Гусиной Землѣ представляется тѣмъ болѣе желательнымъ, что въ этой мѣстности геологическою экспедиціею инженера Чернышева найдены были значительныя количества каменнаго угля, указывающія на близкое присутствіе тамъ каменноугольныхъ залежей [1]).

Въ настоящее время на Новой Землѣ проживаетъ всего 16 семействъ самоѣдовъ, въ числѣ 83-хъ человѣкъ обоего пола и 40 дѣтей: въ Кармакулахъ—10 семействъ и въ Маточкиномъ Шарѣ—6. Изъ числа взрослаго населенія: мужчинъ—41, женщинъ—42, способныхъ заниматься промысломъ 23 человѣка. Кромѣ того, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ одного изъ поморовъ, промышлявшаго на Новой Землѣ, на южной оконечности острова проживаютъ уже нѣсколько лѣтъ 4 семейства (2 русскихъ и 2 самоѣдскихъ), переселившіяся туда на лодкахъ изъ Печорскаго уѣзда, — но составъ этихъ семействъ не извѣстенъ.

Нижеслѣдующія цифры показываютъ, что̀ стоило ежегодно содержаніе самоѣдовъ и сколько выручено отъ продажи ихъ промысловъ за время съ 1891 по 1895 гг.

---

[1]) Упомянутыя изслѣдованія сдѣланы въ 1896 году транспортомъ «Самоѣдъ». Имъ найдена удобная якорная стоянка въ Бѣлужьей губѣ, произведены промѣры и проч., такъ что новое становище, вѣроятно, будетъ устроено въ навигацію 1897 г

	Употреблено на содержаніе.	Выручено отъ продажи промысловъ.
Въ 1891 году	1,752 р. — к.	2,049 р. 78 к.
» 1892 »	2,583 » 18 »	4,228 » 17 »
» 1893 »	2,473 » 10 »	4,665 » 35 »
» 1894 »	2,863 » 17 »	3,781 » 40 »
» 1895 »	4,005 » 69 »	6,135 » 90 »

Предметы промысловъ и выручка за нихъ въ эти годы были слѣдующіе:

1891 годъ.		Выручено.
Шкуръ: нерпы	479	288 р. — к.
» гренл. тюленя . .	2	4 » 50 »
» моржа	6	240 » — »
» морского зайца .	4	20 » — »
» бѣлухъ	5	30 » — »
» бѣлаго медвѣдя .	7	420 » — »
Сала (пудовъ)	1,144	1,047 » 28 »
Итого . . .		2,049 р. 78 к.

1892 годъ.		Выручено.
Шкуръ: нерпы	554	332 р. 40 к.
» тюленя	2	5 » — »
» моржа	2	50 » — »
» зайцевъ	40	160 » — »
» бѣлухъ	2	12 » — »
» медвѣдей	33	1,650 » — »
Сала (пудовъ)	1,356	2,018 » 77 »
Итого . . .		4,228 р. 17 к.

1893 годъ.		Выручено.
Шкуръ: нерпы	330	264 р. — к.
» тюленя	4	8 » — »
» зайцевъ	10	25 » — »
» медвѣдей . . .	43	3,300 » — »
» оленей	15	18 » — »
» песцовъ	48	18 » — »
Живыхъ медвѣдей	2	80 » — »
Ремней (саженъ)	620	43 » 35 »
Сала (пудовъ)	617	819 » — »
Итого . . .		4,665 р. 35 к.

1894 годъ.		Выручено.
Шкуръ: нерпы	356	356 р. — к.
» сѣрки	20	20 » — »
» зайцевъ	4	9 » — »
» моржа	1	15 » — »
» медвѣдей	36	2,457 » — »
» песц. бѣлыхъ . .	8	18 » — »
» » голубыхъ .	1	15 » — »
Ремней (саженъ)	100	10 » — »
Сала (пудовъ)	696	881 » 40 »
Итого		3,781 р. 40 к.

1895 годъ.		Выручено.
Шкуръ: нерпы	437	305 р. 90 к.
» моржа	1	10 » — »
» зайцевъ	4	9 » — »
» бѣлухъ	6	24 » — »
» медвѣдей	69	4,445 » — »
» оленей	68	102 » — »
Сала (пудовъ)	992	1,240 » — »
Итого		6,195 р. 90 к.

Такимъ образомъ, ежегодно, за покрытіемъ расходовъ по содержанію самоѣдовъ, изъ вырученной отъ продажи ихъ промысловъ суммы получается значительный остатокъ, который, за отчисленіемъ 10 — 12% валовой выручки на образованіе особаго запаснаго капитала, предназначеннаго для удовлетворенія разныхъ нуждъ вообще по колонизаціи Новоземельскаго острова, всецѣло поступаетъ въ собственность самоѣдовъ. Означенная прибыль распредѣляется между самоѣдами, соотвѣтственно личной добычѣ каждаго изъ нихъ; поэтому, есть между поселенцами такіе, долгъ которыхъ не покрывался стоимостью добычи, но зато есть и такіе, у которыхъ составились значительныя сбереженія. Благодаря этимъ сбереженіямъ, нѣкоторые изъ нихъ обзавелись хорошими скорострѣльными ружьями и разными предметами относительной роскоши, а одинъ, у котораго накопилось болѣе 900 рублей, пожелалъ имѣть въ Кармакулахъ собственный домъ, который и былъ ему доставленъ въ навигацію 1896 года.

Сбереженія эти хранятся въ архангельскомъ отдѣленіи Государственнаго банка для приращенія процентами, такъ какъ самоѣды, будучи всѣмъ обезпечены, не нуждаются въ наличныхъ деньгахъ, которыхъ, кромѣ того, на Новой Землѣ и тратить некуда.

Каждому изъ самоѣдовъ выдается особая книжка за подписью губернатора, въ которой обозначается принадлежащая хозяину книжки сумма.

Такіе благопріятные результаты получились, конечно, потому, что прежняя эксплоатація самоѣдовъ совершенно прекращена. Теперь они получаютъ всѣ необходимые для нихъ предметы лучшаго качества и по той же цѣнѣ, какая на нихъ существуетъ въ Архангельскѣ, а ихъ промыслы продаются по наивысшей цѣнѣ, какая можетъ быть за нихъ выручена; такъ, напримѣръ, медвѣжьи шкуры проданы въ 1896 году кругомъ по 60 — 70 рублей за штуку, тогда какъ въ прежнее время самоѣды выручали за нихъ 5 — 10 рублей, и то вымѣнивая ихъ частью на товаръ, частью на водку.

Изъ упомянутыхъ ежегодныхъ отчисленій 10 — 12% съ валовой выручки отъ продажи промысловъ образовался запасный капиталъ, достигшій въ 1895 г. суммы въ 3,022 руб. 40 коп. Капиталъ этотъ служитъ оборотнымъ фондомъ и расходуется, между прочимъ, на оказаніе первоначальной помощи новымъ поселенцамъ на Новую Землю. На счетъ этого источника произведены были расходы по переселенію на Новую Землю въ 1894 году 37-ми человѣкъ самоѣдовъ, при чемъ на доставку ихъ съ Печоры въ Архангельскъ, на содержаніе здѣсь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и на снабженіе ихъ одеждою и всѣми необходимыми предметами для промысловъ и охоты было израсходовано 2,172 руб. 2 коп., которые и зачислены долгомъ за ними.

По мѣрѣ того, какъ капиталъ этотъ будетъ увеличиваться, представится возможность продолжать колонизацію Новоземельскаго острова; охотники же селиться тамъ, при такихъ льготныхъ условіяхъ, несомнѣнно, найдутся.

Въ 1894 г., согласно Высочайше утвержденному 14-го марта мнѣнію Государственнаго Совѣта, зданія спасательной станціи на Новой Землѣ были переданы въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, при чемъ тогда же было отпущено единовременно, на ремонтъ этихъ зданій, 1,500 руб. и разрѣшено отпускать на поддержку зданій ежегодно по 500 руб. Въ томъ же году зданія были капитально ремонтированы и, кромѣ того, была достроена изба въ Маточкиномъ Шарѣ, привезенная туда еще въ 1891 году, но, по недостатку средствъ, остававшаяся недостроенною, а также исправленъ домикъ, въ которомъ въ 1888 г. жилъ извѣстный путешественникъ К. Д. Носиловъ; затѣмъ, въ навигацію 1895 г., въ Маточки-

номъ Шарѣ представилось возможнымъ поставить еще одну новую избу. Такимъ образомъ, въ настоящее время въ Кармакулахъ находятся четыре зданія, изъ которыхъ въ двухъ помѣщаются самоѣды, третье занято квартирою фельдшера и складомъ припасовъ

Спасательный пріютъ, устроенный К. Д. Носиловымъ въ Маточкиномъ Шарѣ.

и четвёртое обращено въ амбаръ, гдѣ хранятся запасные строительные матеріалы, а зимою—спасательный ботъ. Въ Маточкиномъ Шарѣ имѣются три небольшихъ домика, занятыхъ самоѣдами.

Въ религіозно-нравственномъ отношеніи новоземельскіе колонисты обставлены очень хорошо. Со времени открытія спасатель-

ной станціи, епархіальное духовное начальство ежегодно посылало лѣтомъ на Новую Землю священника для отправленія требъ и богослуженій въ устроенной тамъ небольшой часовнѣ. Въ 1887 г. часовня эта была обращена въ церковь и на зиму 1887 — 88 гг. туда былъ командированъ изъ Николо-Корельскаго монастыря іеромонахъ Іона съ псаломщикомъ; они были снабжены въ достаточномъ на годъ количествѣ припасами, одеждою, хозяйственною утварью, богослужебными предметами, пособіями для обученія дѣтей грамотѣ, а также евангеліями и брошюрами для раздачи поселенцамъ. Устройство храма съ причтомъ при немъ произвело на новоземельскихъ колонистовъ сильное впечатлѣніе и оказало самое благотворное вліяніе. Вскорѣ по прибытіи на Новую Землю, о. Іона убѣдился, что религіозныя представленія у самоѣдовъ крайне смутны и перепутываются еще съ языческими вѣрованіями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имъ были открыты даже идолы. Такимъ образомъ, для отца Іоны предстояла нелегкая миссіонерская дѣятельность, которую онъ и выполнилъ съ замѣчательною любовью и усердіемъ: каждое богослуженіе онъ сопровождалъ поученіями и бесѣдами, посѣщая жилища самоѣдовъ или приглашая ихъ къ себѣ, обучалъ ихъ молитвамъ и въ то же время велъ школьныя занятія съ самоѣдскими дѣтьми. Кромѣ того, о. Іоною было сдѣлано двѣ поѣздки: одна на восточный берегъ острова, къ Карскому морю, гдѣ онъ отыскалъ и уничтожилъ идола, служившаго олицетвореніемъ бога-покровителя оленьей охоты, а другая — въ Маточкинъ Шаръ, гдѣ имъ совершено было таинство крещенія надъ двумя лицами.

Обращенная изъ часовни, новоземельская церковь оказалась малопомѣстительною: она занимала въ длину всего 1 саж. 10 четв., въ ширину 1 саж. 4 четв. и въ вышину 1 саж., такъ что въ ней могло помѣститься не болѣе 20 человѣкъ, притомъ она была холодна и пришла въ ветхость.

Вслѣдствіе этого, рѣшено было построить въ Кармакулахъ новую церковь, тѣмъ болѣе, что необходимыя на ея постройку средства были предоставлены жертвователями, пожелавшими остаться неизвѣстными. Зданіе церкви было срублено въ Архангельскѣ и отвезено на Новую Землю. 18-го сентября 1888 года состоялось освященіе этой новой церкви. Церковь снабжена колоколами, прекрасными иконами и довольно цѣнною церковною утварью. Затѣмъ, въ 1889 г., съ разрѣшенія Св. Сунода, на Новой Землѣ былъ учрежденъ монашескій скитъ, приписанный къ Николо-Корельскому мо-

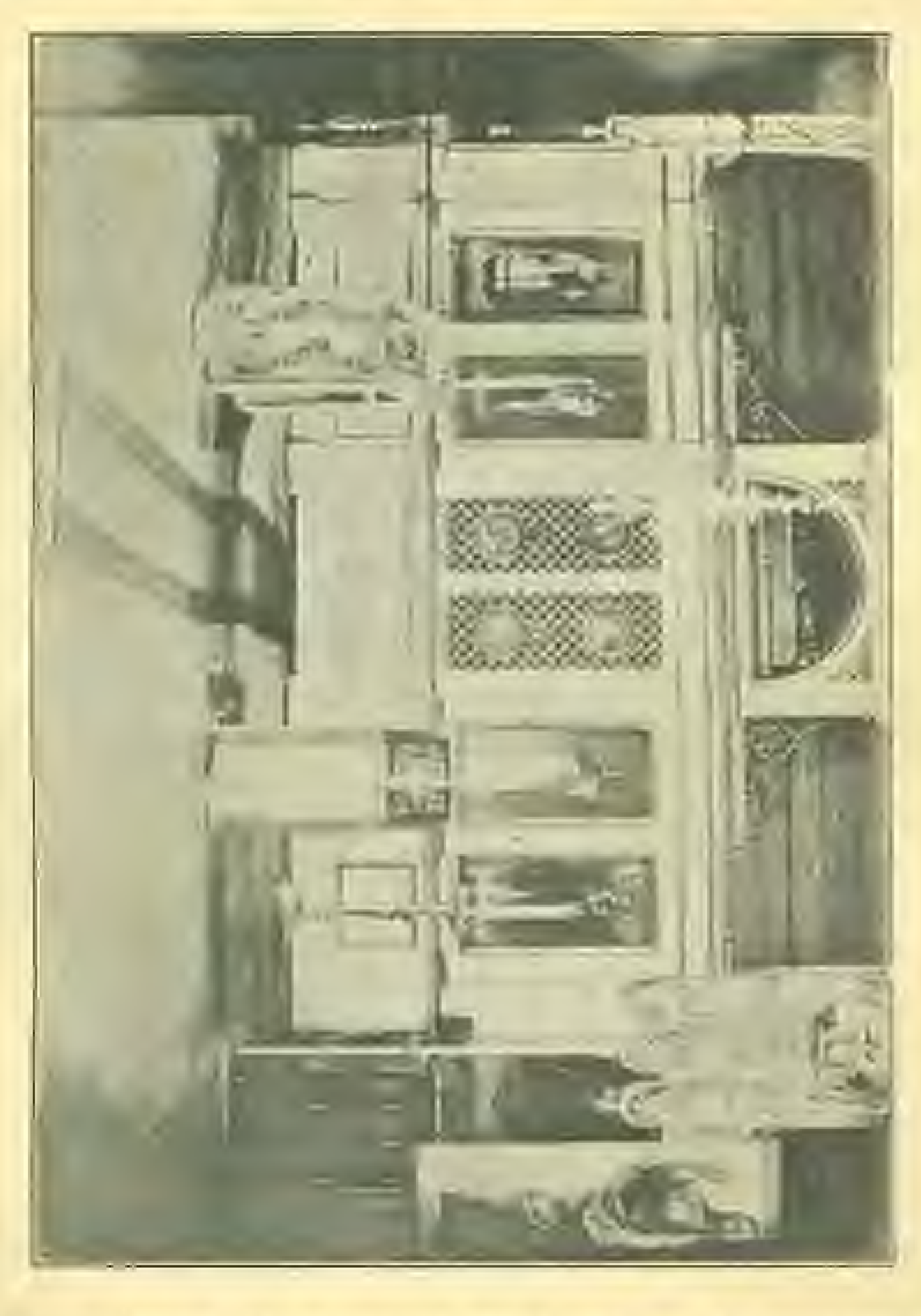
настырю, который обязанъ былъ оказывать скиту материальную поддержку; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ пособіе на содержаніе скита, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ со времени его учрежденія, было отпускаемо Св. Сунодомъ ежегодно по 700 руб.

Никольскій храмъ въ Малыхъ Кармакулахъ.

Но содержаніе скита для Корельскаго Никольскаго монастыря оказалось весьма обременительнымъ и, кромѣ того, необходимо было соорудить отдѣльный домъ для врача, такъ какъ временно помѣщался въ одномъ изъ казенныхъ зданій спасательной станціи, гдѣ нынѣ живетъ фельдшеръ; поэтому предъ Св. Сунодомъ было

возбуждено новое ходатайство объ отпускѣ единовременно на постройку дома 5,000 руб. и ежегодно на содержаніе скита 1,000 руб.

Суммы эти были отпущены, и новый домъ, срубленный въ Архангельскѣ, привезенъ на пароходѣ, съ которымъ я отправился



Иконостасъ церкви въ Малыхъ Кармакулахъ.

на Новую Землю. Въ настоящее время домъ вполнѣ отстроенъ; въ немъ шесть комнатъ, изъ которыхъ одна отведена для церковной школы, снабженной всѣми необходимыми классными принадлежностями и учебными пособіями. Такимъ образомъ, въ настоящее время новоземельскій монашескій скитъ имѣетъ хорошо

устроенное, отапливаемое помѣщеніе и матеріально вполнѣ обезпеченъ. Миссіонерская дѣятельность о. Іоны (нынѣ игумена) въ теченіе 1887—1895 гг., за исключеніимъ зимы 1892—93 гг., которую онъ провелъ для поправленія здоровья въ Архангельскѣ,—увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Колонисты-самоѣды, оставивъ совсѣмъ язычество, въ настоящее время охотно посѣщаютъ храмъ и несутъ туда свою посильную лепту, въ видѣ восковыхъ свѣчей, которыя очень любятъ ставить предъ иконами за каждымъ богослуженіемъ; передъ отправленіемъ на промыселъ всякій изъ нихъ считаетъ своимъ долгомъ помолиться въ церкви. Обученіе дѣтей грамотѣ идетъ также вполнѣ успѣшно: всѣ дѣти школьнаго возраста посѣщаютъ школу, а нѣкоторые читаютъ и поютъ въ церкви во время богослуженій, такъ что въ недалекомъ будущемъ на Новой Землѣ неграмотныхъ вовсе не будетъ. Вотъ что̀ разсказывалъ, между прочимъ, о. Іона. Какъ-то послѣ обѣда онъ пошелъ навѣстить самоѣдовъ въ ихъ жилищахъ, чтобы побесѣдовать съ ними. При входѣ въ одну изъ казармъ, глазамъ его представилась слѣдующая картина: въ углу стоитъ столъ, накрытый скатертью, на которомъ разставлены принадлежности чаепитія и кое-какія яства; предъ иконою теплится лампадка, а кругомъ стола стоитъ группа дѣвочекъ-самоѣдокъ, учницъ школы, и, обратившись лицомъ къ иконѣ, тянетъ на распѣвъ молитвы. Незамѣченный дѣвочками, о. Іона остановился при входѣ. Пропѣвъ нѣсколько молитвъ, дѣвочки чинно усѣлись за столъ и приступили къ чаепитію. Тутъ только онѣ замѣтили о. Іону и, смущенныя его внезапнымъ появленіемъ, объяснили ему, что одна изъ дѣвочекъ была въ этотъ день именинница и, желая отпраздновать день своего ангела, пригласила къ себѣ своихъ товарокъ на чай. Похваливъ дѣтей за ихъ пѣніе и усердіе, о. Іона сѣлъ за столъ и вмѣстѣ съ хозяйкою-именинницею и ея гостьями сталъ угощаться чаемъ. О. Іона пользуется вообще большимъ уваженіемъ и любовью самоѣдовъ и самъ сильно привязанъ къ своей паствѣ. Оставшись на зиму 1892—93 гг. въ Архангельскѣ для поправленія здоровья, онъ сильно скучалъ по Новой Землѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ навигаціи, чтобы опять отправиться въ эту страну холода и мрака.

Санитарныя условія жизни на Новой Землѣ въ настоящее время представляются вполнѣ удовлетворительными: вотъ уже третій годъ, какъ не было случаевъ цынги ни между самоѣдами, ни между русскими,—вѣроятно, потому, что условія, при которыхъ развивается

эта болѣзнь, изучены теперь и противъ нея приняты соотвѣтствующія мѣры. Особенно неблагопріятна была зима 1892—93 гг., когда отъ цынги умерли іеромонахъ Варахіилъ, командированный вмѣсто о. Іоны, жена и сынъ фельдшера, русскій колонистъ, монастырскій рабочій и двѣ самоѣдки. Вся бѣда состояла въ томъ, что, по случаю неурожая въ Архангельскѣ овощей, въ этотъ годъ не было доставлено на Новую Землю картофеля, капусты и т. д. Кромѣ того, развитію болѣзни, по всей вѣроятности, немало способствовало и отсутствіе о. Іоны, который всегда неукоснительно требуетъ, чтобы никто изъ обитателей не залеживался, и наблюдаетъ за доброкачественностью пищи.

Заботы наши о новоземельскихъ самоѣдахъ простирались до такихъ, напримѣръ, подробностей: въ числѣ колонистовъ были, между прочимъ, братъ и сестра, достигшіе возраста, когда первому требовалась невѣста, а второй—женихъ. На Новой Землѣ таковыхъ не оказалось, и, по просьбѣ родителей, мы, въ числѣ новыхъ поселенцевъ, привезли имъ съ собою жениха и невѣсту. Представивъ ихъ другъ другу, я далъ имъ часъ времени, чтобы познакомиться, — черезъ часъ должна была состояться свадьба. Привезенная нами невѣста понравилась новоземельскому жениху, а онъ, въ свою очередь, невѣстѣ. «Ну, что?—спрашиваю невѣсту, — каковъ женихъ?» — «Хорошъ, настоящій самоѣдъ». И въ самомъ дѣлѣ: смуглый, косматый, скуластый, глаза узкіе, въ видѣ косыхъ щелей...

Такимъ образомъ съ этою парочкою дѣло уладилось скоро. Не то вышло съ нашимъ женихомъ—невѣстѣ онъ не понравился. «Какой это самоѣдъ,—онъ еще ошкуя (бѣлаго медвѣдя) не бивалъ; вонъ у меня малый братъ, лѣтъ 12-ти, и тотъ ужъ нѣсколькихъ убилъ, да я сама десятка два оленей застрѣлила; а онъ что,—только за ручными оленями ходилъ. Нѣтъ, не пойду за него!». Какъ мы ее ни уговаривали, уперлась и—ни за что. Такъ наше сватовство и не удалось, и женихъ, пока, остался ни при чемъ. Дѣлать нечего, пришлось ограничиться одною свадьбою. Жениха пріодѣли по-городски: кто далъ ему шляпу, кто пиджакъ, кто ботинки; невѣста одѣла сарафанъ и бездну бусъ; нужно было видѣть эту уморительную парочку, когда они подъ руку отправились въ церковь. Я былъ посаженымъ отцомъ, а Л. В. Сидоренко и И. В. Сосновскій—шаферами. Церковь была парадно убрана, и вѣнчаніе вообще вышло торжественнымъ. Послѣ вѣнчанія о. Іона устроилъ свадебный пиръ причемъ къ закускѣ были приглашены молодые и всѣ прибывшіе изъ Архангельска

Двѣнадцатилѣтній самоѣдъ, охотникъ на бѣлаго медвѣдя, и его сестра.

гости, а также родители жениха, которые обрадовались случаю и тотчасъ же поспѣшили напиться. Что касается молодыхъ, то они вели себя съ достоинствомъ; супругъ объявилъ, что онъ намѣренъ съ своею молодою женою уѣхать на два мѣсяца въ Архангельскъ, затѣмъ побывать въ Соловецкомъ монастырѣ и съ слѣдующимъ рейсомъ вернуться на Новую Землю; у него есть запасныхъ триста рублей, такъ что онъ можетъ позволить себѣ эту роскошь и, кромѣ того, желаетъ доставить удовольствіе своей подругѣ.

VI.

Маточкинъ Шаръ.—Суровость природы.—Поѣздка въ Маточкинъ проливъ.—Новоземельскія собаки.—Гурій.—На крейсерѣ «Вѣстникъ».—Медвѣдица Машка и лайка.—Судно Воронина.—Крушеніе его въ 1895 г.—Новоземельскіе медвѣди.

Выгрузивъ съ «Ломоносова» все, что предназначалось для Кармакулъ, мы отправились дня черезъ два далѣе на сѣверъ, въ Маточкинъ Шаръ, куда и прыбыли благополучно на другой же день.

Природа здѣсь еще суровѣе, но въ то же время окружающая картина болѣе грандіозна: горы кругомъ нагромождены одна на другую, достигаютъ высоты 3,000 футовъ и по большей части покрыты вѣчными ледниками; здѣсь настоящее царство бѣлыхъ медвѣдей и моржей, всюду голый камень и ледъ, растительности никакой, только въ нѣсколькихъ впадинахъ, обращенныхъ къ солнцу, мы встрѣтили между камнями мохъ, усѣянный множествомъ ярко-розовыхъ и голубыхъ цвѣтовъ, на коротенькихъ, не больше какъ въ полвершка, стебелькахъ. Даже морскія птицы, которыхъ такъ много близъ Кармакулъ и далѣе къ югу, здѣсь мало замѣтны.

Пока происходила выгрузка и обычная пріемка товара отъ самоѣдовъ, мы отправились на шлюпкѣ въ Маточкинъ проливъ, но, проѣхавъ не болѣе десяти верстъ, принуждены были вернуться, потому что весь проливъ оказался загроможденнымъ льдами, и пошли бродить по горамъ. Любители карабкаться по кручамъ, Сосновскій и Чарковскій, полѣзли на ближайшую гору, вышиною около 2,000 футовъ, съ тѣмъ, чтобы непремѣнно взобраться на самую вершину; я, тѣмъ временемъ, осмотрѣлъ находившіяся въ

становищѣ постройки, самоѣдскіе чумы и ихъ хозяйство и проѣхался на собакахъ.

Самоѣды на Новой Землѣ не держатъ ручныхъ оленей, такъ какъ съ ними приходилось бы все время перекочевывать съ мѣста на мѣсто для пастьбы, а потому, для переѣзда по острову, имъ служатъ исклю-

Видъ Маточкина Шара.

чительно однѣ собаки, которыя запрягаются или, лучше сказать, привязываются веревками къ обыкновеннымъ самоѣдскимъ санямъ, какія употребляютъ самоѣды для переѣздовъ на оленяхъ по тундрамъ Мезенскаго и Печорскаго уѣздовъ; въ сани запрягается обыкновенно 10—12 собакъ. Пока усаживаешься въ эти крайне неудобныя

санки, собаки стоятъ смирно, но, какъ только возница возьметъ въ руки свою длинную палку, которою онъ указываетъ имъ направленіе и въ то же время немилосердно бьетъ тѣхъ, которыя въ чемъ-нибудь провинятся, всѣ сразу вскакиваютъ и стремглавъ, кусая другъ

Стоянка въ Маточкиномъ Шарѣ.

друга и помахивая хвостами, съ лаемъ бросаются въ указанномъ направленіи и несутся впередъ, не смотря ни на камни, ни на рытвины, или пригорки; впрочемъ, такая бѣшеная и шумная ѣзда продолжается недолго, версты двѣ-три, затѣмъ лай по-

степенно сползаетъ, хвосты перестаютъ вилять и опускаются — и дальнѣйшій путь уже продолжается умѣренною рысцою.

Лѣтомъ подобная ѣзда очень неудобна, каждую минуту рискуешь опрокинуться и расшибиться о камни, тѣмъ болѣе, что

Новоземельская упряжка.

управлять собаками, за отсутствіемъ вожжей, нѣтъ возможности. Бѣда, если по пути собаки завидятъ песца или оленя; тогда ни крики, ни палка — ничто не помогаетъ: онѣ стремглавъ бросаются за звѣремъ и обыкновенно дѣло кончается тѣмъ, что санки опрокидываются, собаки перепутываются, а которымъ удается оторваться,

царскаго пропадаютъ, преслѣдуя звѣря. На Новой Землѣ собаки рѣдко плодятся, а потому, для пополненія ихъ убыли, съ каждымъ пароходнымъ рейсомъ доставляется изъ Архангельска около 50 собакъ. Привозятся собаки всевозможныхъ породъ, какія попадутся подъ руки; болѣе нѣжныя, холеныя и слабыя вскорѣ погибаютъ; остальныя же, черезъ годъ-другой, принимаютъ одинъ общій новоземельскій типъ — даже одинъ и тотъ же сѣро-желтый цвѣтъ — и обрастаютъ густою мохнатою шерстью.

Своихъ собакъ самоѣды содержатъ очень плохо; о какомъ-либо правильномъ кормленіи ихъ нѣтъ и рѣчи. «Пускай сами промы-

шляютъ; ну, а нѣтъ промысла, такъ пускай грызутъ кости, вонъ ихъ много валяется на берегу»,—говорилъ мнѣ самоѣдъ. Хороши эти кости—по большей части выброшенные моремъ позвонки тюленей, въ которыхъ осталась одна известь. Зато, когда промыслятъ оленя или какого другого звѣря, тогда люди и собаки приступаютъ къ общей трапезѣ и самоѣдъ здѣсь ничего уже не жалѣетъ для своихъ собакъ.

При насъ привезли убитаго дикаго оленя. Тотчасъ возлѣ чума собралась вся компанія и приступила къ пиршеству. Схвативъ зубами кусокъ мяса, самоѣдъ ловко обрѣзаетъ его ножомъ надъ самымъ ртомъ, съѣдаетъ и запиваетъ кровью; мальчишки съ собаками миролюбиво обгрызаютъ съ разныхъ концовъ одну и ту же кость; кругомъ суетятся и тявкаютъ остальныя собаки, стараясь ухватить что нибудь; тутъ же три бѣлыхъ медвѣдя въ возрастѣ 2—3 мѣсяцевъ, которыхъ, въ знакъ особой признательности, самоѣды подарили потомъ мнѣ, воюютъ съ собаками изъ-за брошенной имъ кости и не даютъ себя въ обиду; ручной юркій песецъ также прибѣжалъ за своею долею; всѣ вымазались въ крови,—вообще картина этого пира представляла довольно дикій и отвратительный видъ.

Всѣ мы давно уже собрались на пароходъ и, конечно, не досчитываемся подполковника Чарковскаго, который, по обыкновенію, забрался въ самую что ни на есть трущобу. Мы знали, что онъ пытался взобраться на одну изъ сосѣднихъ горъ и съ нимъ былъ также Сосновскій, но послѣдній, пройдя больше половины и видя, что дальше приходится уже ползти почти по отвѣсной кручѣ, благоразумно вернулся назадъ. Оказалось, что Чарковскій добился таки своего. Прилагая всевозможныя усилія, частью ползкомъ, онъ добрался до вершины горы, при чемъ, подползая уже подъ самый верхъ, замѣтилъ, между прочимъ, какой-то особенно ярко блестѣвшій предметъ; какъ ни трудно было до него добраться, онъ, однако, умудрился уцѣпиться за него, но оступился и покатился внизъ, не упуская изъ рукъ трофея, который оказался большимъ, довольно чистымъ кристалломъ горнаго хрусталя, вершка два длины и $^{1}/_{2}$ вершка толщины. Онъ скоро справился и настоялъ на своемъ—взлѣзъ на самую вершину горы и, на память о своемъ тамъ пребываніи, сложилъ изъ камня довольно большого гурія. Хотя гора представляла собою почти правильную пирамиду и находилась у самой гавани, но намъ всѣ его продѣлки простымъ глазомъ не были видны; только потомъ, когда онъ благополучно спу-

стился съ горы и разсказалъ намъ свои похожденія, мы въ бинокль разсмотрѣли поставленнаго имъ гурія, казавшагося крошечною кучкою камня.

На Сѣверѣ вообще существуетъ обычай ставить на возвышенныхъ мѣстахъ пирамиды изъ камней, по мѣстному выраженію «гуріи», или, еще чаще, большіе кресты, въ память разныхъ событій и счастливаго избавленія отъ грозившей опасности. Эти пирамиды и кресты служатъ отчасти маяками для опредѣленія той или другой мѣстности. Не считая могильныхъ крестовъ, всѣ берега Поморья, Мурмана и острова усѣяны подобными памятниками; въ становищѣ Маточкинъ Шаръ стоитъ большой крестъ, поставленный княземъ Г. С. Голицынымъ въ память посѣщенія имъ Новой Земли; близъ Малыхъ Кармакулъ находятся пирамида и крестъ князя Н. Д. Голицына; на берегу Карскаго моря о. Іона водрузилъ крестъ съ надписью: «Освятися и водрузися крестъ сей на поклоненіе православнымъ христіанамъ», въ память уничтоженія имъ на этомъ мѣстѣ послѣдняго идола. Въ воспоминаніе моего пребыванія на Новой Землѣ и для указанія морякамъ входа въ Кармакульскую гавань сооружена на вершинѣ скалы, при самомъ входѣ въ гавань, большая пирамида изъ плитняка и на ней установленъ 9-ти-аршинный крестъ съ надписью о времени его

Видъ на Новую Землю съ горы Маточки.

водруженія. Крестъ сдѣлали плотники, которыхъ мы привезли съ собою для возведенія новыхъ построекъ, а пирамиду, въ теченіе двухъ дней, строили 50 матросовъ съ крейсера «Вѣстникъ». Лей-

Видъ Маточкина Шара съ горы Чумовой.

тенантъ Жданко опредѣлилъ астрономическій пунктъ и отмѣтилъ на картѣ мѣсто постановки этого знака.

Возвратясь изъ Маточкина Шара, я перешелъ на крейсеръ «Вѣстникъ», на которомъ, согласно нашему плану, мы и отправились къ устьямъ Печоры, обогнувъ Новую Землю. Командиръ крейсера, капитанъ 2-го ранга Ларинъ, любезно предложилъ мнѣ помѣщеніе

въ своей каютѣ, а мои спутники, Чарковскій и Сосновскій, размѣстились въ офицерскихъ каютахъ. Монотонную жизнь на крейсерѣ разнообразили, развлекая команду своею вѣчною вознею и всевозможными продѣлками, черная медвѣдица Машка, бѣлый медвѣдь и лайка. Черную медвѣдицу, мѣсяцевъ 3-хъ, Сосновскій подарилъ каютъ-компаніи еще въ Архангельскѣ. Машка совсѣмъ освоилась на пароходѣ: живая, большая проказница, она была общею любимицею; лайку офицеры достали на Мурманѣ, а бѣлаго медвѣдя я предложилъ имъ изъ числа тѣхъ, которые были мнѣ

Видъ Маточкина Шара изъ новой колоніи.

подарены самоѣдами въ Маточкиномъ Шарѣ. Эта компанія представляла полнѣйшую противоположность другъ другу, напоминая собою лебедя, рака и щуку; но вмѣстѣ всѣ эти звѣри были очень забавны. Въ концѣ-концовъ, навозившись вдоволь, они обыкновенно перессорятся и передерутся между собою. Машка тогда бросается на реи, гдѣ она неуязвима ни для лайки, ни для бѣлаго медвѣдя, который по веревкамъ лазить не можетъ; въ свою очередь, бѣлый медвѣдь, когда ему приходится плохо, бросается въ свою родную стихію—въ воду, куда ни черный медвѣдь, ни лайка

за нимъ не смѣютъ послѣдовать; на палубѣ остается одна лайка, которая и принимается неистово лаять то на того, то на другого; ссора, впрочемъ, продолжается недолго, такъ какъ матросы быстро возстановляютъ порядокъ, водворивъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ.

Гора Энгельгардта у Маточкина Шара.

Вскорѣ по уходѣ изъ гавани «Ломоносова» поднялся довольно сильный штормъ. Помнится, я куда-то ѣздилъ на паровомъ катерѣ и, возвращаясь къ крейсеру, съ трудомъ могъ до него добраться; даже въ гавани волны захлестывали въ катеръ и, подойдя къ крейсеру, требовалось не мало ловкости, чтобы не стукнуться объ него и уловить моментъ, вскочить на трапъ. Въ это самое время мы за-

видѣли, что по морю несется какое-то судно на парусахъ и, лавируя то въ одну, то въ другую сторону, старается, повидимому, войти въ гавань; одно время мы уже опасались за его участь, но, къ нашему удивленію, оно лихо, на всѣхъ парусахъ, влетѣло въ

Видъ Маточкина Шара съ горы Маточки.

гавань, повернуло въ сторону, отдало якорь, а черезъ нѣсколько минутъ его команда подъѣхала уже въ лодкѣ къ крейсеру. Судно это оказалось поморскою шкуною Воронина, ежегодно, вотъ уже тридцать лѣтъ, приходящею на Новую Землю для промысла бѣлухъ, тюленей, гольцовъ и т. д. Офицеры расхвалили поморовъ

за ловкое и лихое управленіе шкуною, но тѣ такъ свыклись съ моремъ и опасностями, что подобный штормъ представлялся имъ явленіемъ вполнѣ обыкновеннымъ. Впрочемъ, впослѣдствіи нашимъ храбрецамъ пришлось испытать всѣ ужасы крушенія.

Гора Вильчека въ Маточкиномъ Шарѣ.

20-го іюля 1895 г., въ тотъ самый день, когда страшнымъ штормомъ въ Маточкиномъ Шарѣ сорвало съ якорей крейсеръ «Джигитъ» и нанесло его на мель, гдѣ онъ едва не погибъ, шкуна Воронина, стоявшая въ заливѣ Рогачева, въ Костиномъ Шарѣ, потерпѣла аварію; дно, гдѣ стояла шкуна на якорѣ, оказалось илъ

гладкаго камня, якоря не держали и шкуну выбросило на берегъ. Все, что можно было снять съ судна, сложили на берегу, а команда, частью на лодкахъ, частью пѣшкомъ, съ неимовѣрными усиліями и лишеніями добралась до Малыхъ Кармакулъ, гдѣ, до прибытія

Самоѣдскій чумъ и его обитатели въ Маточкиномъ Шарѣ.

парохода изъ Архангельска, ее пріютили на спасательной станціи. Хозяинъ судна, Воронинъ, потерялъ почти все свое состояніе и не имѣлъ бы возможности вновь построить шкуну и продолжать промыселъ, если бы на помощь ему не явился состоящій при с.-петербургскомъ отдѣленіи Императорскаго Общества для содѣйствія

русскому торговому мореходству комитетъ для помощи поморамъ русскаго Сѣвера. Комитетъ выдалъ ему въ ссуду 1,500 рублей, на которые, при даровомъ отпускѣ лѣса изъ казенныхъ дачъ, Воронинъ въ теченіе зимы успѣлъ выстроить новое судно, а съ открытіемъ навигаціи отправился снова на Новую Землю, гдѣ нашелъ въ цѣлости спасенныя снасти отъ погибшей шкуны. Что касается груза, который состоялъ изъ 500 пудовъ сала и шкуръ, то бо̀льшую часть его успѣли растаскать медвѣди, которые въ этомъ отношеніи крайне дерзки и смѣлы. На Новой Землѣ, даже вблизи обитаемыхъ становищъ, медвѣди уничтожаютъ все съѣдобное, конечно, если его плохо оберегаютъ. Въ Кармакулахъ, напримѣръ, медвѣдь однажды взобрался по сугробу на крышу зданія, гдѣ живетъ фельдшеръ; къ крышѣ этого дома прикрѣпленъ былъ для украшенія черепъ оленя съ рогами, который, вѣроятно, и привлекъ вниманіе медвѣдя, и онъ, желая полакомиться олениною, не задумался взлѣсть на крышу, но, найдя только черепъ и рога и предполагая, что самый олень находится подъ крышею, принялся ее разламывать. Это услыхали жившіе въ домѣ люди, и медвѣдь поплатился за свое нахальство жизнью. Такъ какъ медвѣдь былъ убитъ при содѣйствіи чуть ли не всего населенія становища и даже въ присутствіи о. Іоны, то шкуру его пожертвовали на церковь.

VII.

Уходъ крейсера «Вѣстникъ» на Печору. — Во льдахъ. — На подводномъ камнѣ. — Недостатокъ гидрографическихъ изслѣдованій въ сѣверныхъ водахъ Россіи. — Опасеніе за участь транспорта «Баканъ». — Отходъ крейсера на Печору.

16-го іюля мы вышли на крейсерѣ «Вѣстникъ» изъ Кармакулъ и благополучно обошли Гусиный носъ, южную часть Новой Земли; но на пути къ Печорѣ, на 70° параллели, насъ сперва окутало туманомъ, затѣмъ температура быстро упала до 0° и мы очутились въ сплошныхъ льдахъ. Насколько можно было видѣть въ бинокль и подзорныя трубы — весь океанъ былъ покрытъ льдомъ. Предполагая, что ледъ сюда нагнало чрезъ Карскія ворота изъ Карскаго моря, такъ какъ все время господствовали сѣверо-восточные вѣтры, мы повернули на юго-западъ, разсчитывая, такимъ образомъ, обойти

льды съ юга. Такъ, вдоль льдовъ, прошли мы до самаго Колгуева, но здѣсь льды упирались въ самый островъ и прохода не было никакого.

Не теряя, однако, надежды обойти ихъ, мы обогнули Колгуевъ съ западной стороны, — но и на южной сторонѣ также оказался всюду ледъ. Такимъ образомъ мы бродили около льдовъ цѣлыхъ три дня; форсировать же проходъ и войти во льды, чтобы ихъ пересѣчь, представлялось опаснымъ, тѣмъ болѣе, что запасъ угля подходилъ уже къ концу. «Вѣстникъ» можетъ взять съ собою 12,000 пудовъ угля, то-есть запасъ не болѣе какъ на десять дней. Въ открытомъ морѣ, при попутномъ вѣтрѣ, крейсеръ пользуется своими парусами, но когда приходится идти постоянно подъ парами, напримѣръ, вблизи береговъ или, какъ въ данномъ случаѣ. вблизи льдовъ, запасъ угля быстро истощается. Если бы крейсеръ не сжигалъ такого громаднаго количества угля, то можно было бы, конечно, обождать нѣсколько дней по близости Колгуева,—перемѣнился бы вѣтеръ, ледъ разнесло бы по океану и тогда можно было бы продолжать путь къ Печорѣ; но при данныхъ условіяхъ оставалось одно—спѣшить въ Архангельскъ. Такъ мы и сдѣлали— и взяли курсъ прямо къ Канину носу. Но здѣсь, когда мы подошли настолько близко къ берегу, что можно было простымъ глазомъ разсмотрѣть пасущіяся тамъ стада оленей, произошелъ случай, который при иныхъ обстоятельствахъ могъ бы кончиться довольно печально: крейсеръ, вдругъ, на полномъ ходу, налетѣлъ на подводный камень и остановился.

Ни полный ходъ впередъ, ни задній ходъ не могли его сдвинуть съ мѣста. Къ счастью, море было спокойно; тотчасъ спустили всѣ шлюпки и тяжелый паровой катеръ, чтобы облегчить крейсеръ, но и это не помогало. Какъ оказалось потомъ, мы остановились во время отлива, такъ что крейсеръ постепенно, вмѣстѣ съ отливомъ, стало кренить на бокъ; оставалась одна надежда на приливъ. По сдѣланнымъ вычисленіямъ, пришли къ заключенію, что съ полною водою, т.-е. часовъ черезъ шесть, «Вѣстникъ» сойдетъ съ камня, который, при прозрачности воды, былъ даже виденъ. Тѣмъ временемъ офицеры занялись изслѣдованіемъ окружающей мѣстности и намѣтили вѣхами путь, по которому крейсеру надлежало выйти въ открытый океанъ, а я съ своими спутниками, чтобы не мѣшать работѣ, взялъ шлюпку и драгу и наловилъ довольно много краббовъ и водорослей. Съ приливомъ крейсеръ выпрямился и затѣмъ

свободно, безъ всякаго толчка сошелъ съ камня; всѣ перекрестились,—всѣмъ стало легко на душѣ. Въ данномъ случаѣ едва ли можно было винить командира, штурмана или вахтеннаго офицера; правда, идти такъ близко отъ берега не было надобности, но карты показывали въ этихъ мѣстахъ достаточную глубину и о подводныхъ камняхъ ничего не упоминали; а какой ужъ тамъ приглубый берегъ, когда, отойдя на шлюпкѣ какихъ-нибудь 20—40 саженъ по направленію къ берегу, можно было прекрасно разглядѣть все дно и достать весломъ камни, до берега же оставалось, по меньшей мѣрѣ, еще съ полверсты.

Бѣда вся въ томъ, что у насъ нѣтъ правильныхъ картъ, сѣверныя наши моря не обслѣдованы и наши военныя суда не посѣщаютъ ихъ; только въ послѣдніе годы посылается сюда по одному крейсеру въ годъ. Когда военныя суда будутъ почаще посѣщать Сѣверъ, когда наши моряки изучатъ условія плаванія въ сѣверныхъ моряхъ и будутъ произведены необходимыя гидрографическія изслѣдованія, — тогда, конечно, подобныхъ случаевъ повторяться не будетъ.

Опасность плаванія въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ совсѣмъ не такъ велика, какъ объ этомъ обыкновенно говорятъ; наши поморы шныряютъ на своихъ допотопныхъ суденышкахъ по всѣмъ направленіямъ, и крушенія бываютъ сравнительно очень рѣдки; пароходы товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства, вотъ уже двадцать лѣтъ, ходятъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану, и за все время въ предѣлахъ нашихъ водъ не было ни одного крушенія.

Обойдя Канинъ носъ, мы затѣмъ благополучно прибыли въ Архангельскъ, израсходовавъ весь запасъ угля до послѣдняго пуда.

Такимъ образомъ, главнѣйшая цѣль моей поѣздки на крейсерѣ—пройти къ устьямъ рѣки Печоры, опредѣлить условія плаванія къ Печорѣ и изслѣдовать фарватеръ на Печорскомъ барѣ—не только не была достигнута, но явились опасенія за участь транспорта «Баканъ», такъ какъ ни о немъ, ни о поморской шкунѣ Антуфьева съ запасомъ угля не было никакихъ свѣдѣній; возникали даже сомнѣнія относительно возможности правильныхъ постоянныхъ пароходныхъ сообщеній съ Печорою. Конечно, неудача на первыхъ же порахъ могла бы надолго отодвинуть разрѣшеніе вопроса о пароходствѣ къ Печорѣ. Поэтому, было необходимо, во что бы то ни стало, выяснить окончательно положеніе дѣла.

Съ разрѣшенія Морского Министерства, крейсеръ, запасшись въ Архангельскѣ углемъ, снова пошелъ въ океанъ по направленію къ Печорѣ, имѣя цѣлью, прежде всего, разыскать шкуну «Баканъ», а затѣмъ уже, если представится возможнымъ, исполнить совмѣстно возложенное на нихъ порученіе обслѣдованія фарватера въ ея устьяхъ. Я же рѣшилъ отправиться въ Печорскій край, имѣя въ виду сдѣлать по пути необходимыя распоряженія объ оказаніи помощи экипажу «Бакана», если бы это судно потерпѣло гдѣ-либо крушеніе, а затѣмъ все-таки добраться, такъ или иначе, къ устьямъ Печоры, куда въ то же время, какъ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, отправился пароходъ купца Сибирякова «Норденшильдъ», на которомъ ѣхалъ самъ хозяинъ, по пути въ Сибирь. Я разсчитывалъ застать Сибирякова на Печорѣ, сговориться съ нимъ и произвести необходимыя изслѣдованія Печорскаго бара при содѣйствіи его парохода.

Печорскій край.

I.

Изъ Архангельска въ Мезень.—Мезенскій уѣздъ.—Пространство, населеніе и промыслы.—Зимній берегъ.—Островъ Моржовецъ.—Село Койда.—Тюленій промыселъ.—Городъ Мезень.—Отъ Мезени до села Койнасъ.—Новая дорога и телеграфъ къ Печорѣ.—Тиманскій горный хребетъ.

Поѣхалъ я на Печору 26-го іюля—сперва моремъ въ Мезень, затѣмъ отъ Мезени до с. Койнасъ, вдоль рѣки Мезени, на лошадяхъ, а отъ с. Койнасъ, по вновь проложенной дорогѣ, Тиманскою тайболою, чрезъ Тиманскій горный хребетъ, въ с. Усть-Цыльму на р. Печорѣ.

Такъ какъ бо́льшую часть пути приходилось дѣлать на лошадяхъ, то я могъ взять съ собою только чиновника особыхъ порученій Сосновскаго и Магому; остальнымъ же моимъ спутникамъ, которые ѣздили со мною на Новую Землю, пришлось остаться въ Архангельскѣ.

Мезенскій уѣздъ занимаетъ огромное пространство въ 21.150,000 десятинъ; южная часть уѣзда покрыта лѣсомъ, а сѣверная и сѣверо-восточная части составляютъ Канинскую и Тиманскую или Малоземельскую тундры. Все населеніе уѣзда состоитъ изъ 25,915 душъ обоего пола; изъ нихъ въ Мезени проживаетъ 1,915 и въ уѣздѣ 24,000 человѣкъ. Изъ общаго числа

жителей числится русскихъ 24,440 душъ и самоѣдовъ 1,475 душъ. Русскіе живутъ, главнымъ образомъ, по берегамъ Мезенскаго залива и вдоль рѣки Мезени, а самоѣды кочуютъ по тундрамъ.

Главное занятіе жителей составляютъ: морской звѣриный промыселъ, рыбный промыселъ, лѣсная охота и заготовка и сплавъ лѣса къ лѣсопильнымъ заводамъ. Въ 1895 году результаты этихъ промысловъ выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: морскихъ звѣрей убито 12,200 штукъ, на сумму 38,000 рублей; семги поймано 1,730 пудовъ на 14,500 руб.; наваги—13,500 пудовъ на 21,500 руб.; звѣрей и дичи добыто: звѣрей (въ томъ числѣ преимущественно бѣлки) 11,000 штукъ и птицъ (бѣлыхъ куропатокъ, рябчиковъ и глухарей) 26,000 паръ, всего на 14,500 руб.; заготовлено и сплавлено лѣса къ заводамъ 102,000 бревенъ; за заготовку и сплавъ выручается крестьянами, приблизительно, 60 коп. за бревно.

Такъ какъ часть лѣса заготовлялась по рѣкѣ Мезени и ея притокамъ въ Мезенскомъ уѣздѣ, а часть въ Вологодской губерніи, то на долю крестьянъ Мезенскаго уѣзда приходится, сравнительно, меньшая часть; остальная сплавляется изъ Вологодской губерніи мѣстными зырянами.

Хлѣбопашествомъ, вслѣдствіе суровыхъ климатическихъ условій, населеніе занимается очень мало, а ранніе морозы, въ началѣ августа, часто убиваютъ посѣвы; сѣется исключительно ячмень; между прочимъ, въ 1895 г. посѣяно было 5,800 четвертей и собрано 16,800 четвертей. Скотоводство, благодаря обилію поемныхъ луговъ, могло бы получить довольно широкое развитіе. Знаменитая прежде порода мезенскихъ лошадей, мезенокъ, происшедшая отъ помѣси мѣстныхъ лошадей съ лошадьми, выведенными сосланнымъ сюда при Петрѣ Великомъ кн. Голицынымъ, и извѣстная своею выносливостью и быстротою бѣга, теперь, къ сожалѣнію, постепенно вырождается. Въ настоящее время въ уѣздѣ имѣется 9,100 штукъ рогатаго скота, 4,900 лошадей, 13,000 овецъ и 38,000 оленей.

Изъ Архангельска я отправился на пароходѣ Русанова «Обь», любезно предоставленномъ въ мое распоряженіе представителемъ фирмы Русанова, Н. О. Шарвинымъ. Этотъ пароходъ принадлежалъ прежде купцу Сибирякову и, несмотря на небольшіе размѣры, плавалъ не разъ къ устьямъ р. Печоры, а въ настоящее время поддерживаетъ сношенія между Архангельскомъ и лѣсопильными заводами Русанова въ устьяхъ р. Мезени и въ Кандалакшскомъ заливѣ, въ Ковдѣ.

Обойдя восточный берегъ Бѣлаго моря, извѣстный подъ названіемъ Зимняго берега, мы вошли между островомъ Моржовцомъ и селомъ Койдою въ Мезенскій заливъ. Берега Мезенскаго залива составляютъ главное мѣсто для промысла морскихъ звѣрей; сюда ежегодно, въ февралѣ и мартѣ, собирается отъ двухъ до трехъ тысячъ промышленниковъ, частью изъ Архангельскаго, но, главнымъ образомъ, изъ Мезенскаго уѣздовъ.

Позднею осенью, въ октябрѣ и ноябрѣ, приплываютъ изъ приполярныхъ странъ, преимущественно къ Зимнему берегу Бѣлаго моря и къ берегамъ Мезенскаго залива, огромныя стада («юрова»)

Мезенскій промышленникъ на тюленя.

тюленей («кожа»), иногда въ нѣсколько тысячъ штукъ. Эти звѣри стремятся въ Бѣлое море и къ другимъ заливамъ Сѣвернаго океана за рыбою, которою они исключительно питаются и которая къ осени уходитъ также изъ океана, ближе къ берегамъ; затѣмъ тюлени остаются на зиму въ тѣхъ же мѣстахъ для дѣторожденія. Въ февралѣ тюлени собираются на прибрежныя льдины, гдѣ и производятъ на свѣтъ дѣтей. Новорожденные звѣри не плаваютъ въ водѣ, потому что шерсть на нихъ въ это время слишкомъ мягка и пушиста. Матери плаваютъ неподалеку и своимъ теплымъ дыханіемъ продѣлываютъ иногда продушины во льду, чрезъ которыя выходятъ изъ

воды. Первое время звѣри имѣютъ чисто бѣлый цвѣтъ и потому называются «бѣлкàми». Черезъ мѣсяцъ бѣлая шерсть выпадаетъ клочками, почему ихъ называютъ тогда «хохлушками»; затѣмъ начинаетъ показываться плотная, гладкая, желто-серебристаго цвѣта шерсть — и звѣри получаютъ названіе «сѣрка». Сѣрки уже могутъ плавать и покидаютъ родителей. Черезъ годъ сѣрки называются «сѣрýнами» и только черезъ два года дѣлаются совсѣмъ взрослыми. Взрослый самецъ называется «лысунъ», а самка «утельга». Они отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что у самца, вдоль всего тѣла, есть черныя полосы, такъ-называемыя крылья, а у самокъ ихъ нѣтъ. Всѣ вышеупомянутыя названія тюленей, по возрастамъ, относятся преимущественно къ гренландскому тюленю, который составляетъ главный предметъ промысла у нашихъ сѣверныхъ береговъ.

Въ апрѣлѣ звѣри какъ бы отдыхаютъ и тогда ихъ можно встрѣтить въ ясные солнечные дни на льдахъ огромными стадами. Обернувшись на спину и грѣя брюхо на солнцѣ, они протаиваютъ теплотою своего тѣла во льду какъ бы корыта, въ которыхъ лежатъ неподвижно цѣлые дни. Въ началѣ мая они уплываютъ вслѣдъ за своими дѣтьми въ океанъ.

Всего чаще встрѣчаются слѣдующія породы тюленей:

Нерпа или обыкновенный тюлень (Phoca vitulina и foetida), длиною отъ $1^1/_2$ до 2 аршинъ, съ него получается сала 2—3 пуда.

Гренландскій тюлень (Phoca groenlandica), длиною 2 — $2^1/_2$ аршина, даетъ сала 4 — 6 пудовъ.

Значительно рѣже встрѣчаются:

Морской заяцъ (Phoca Leporina), длиною около 3 аршинъ, сала даетъ 6 —10 пудовъ, и

Тювякъ (Phoca Cristatus monachus), длиною до 4 аршинъ, сала даетъ около 10 пудовъ.

Охота на этихъ звѣрей представляетъ не мало опасностей и требуетъ много смѣлости и ловкости; промышленникамъ приходится иногда забираться далеко въ море, переходить съ одной льдины на другую, чтобы добраться до звѣря; при этомъ они тянутъ за собою лодку, потому что ледъ часто ломаетъ вѣтромъ и волненіемъ. Лодки приспособлены такъ, чтобы ихъ было удобно тащить по льду, для чего ко дну, съ каждой стороны, придѣлываются полозья, такъ что лодка въ то же время служитъ и санями. Но и лодки не всегда спасаютъ промышленниковъ,—случается, что поднявшійся вѣтеръ уноситъ ихъ на льдинахъ въ открытый океанъ. Постоян-

ная опасность въ борьбѣ съ бурнымъ моремъ, съ суровымъ климатомъ, развила у нашихъ сѣверныхъ промышленниковъ-поморовъ рѣшительность, энергію и предпріимчивость и выработала въ нихъ духъ взаимопомощи. Поморъ не боится опасности и всегда готовъ выручить изъ бѣды товарища, несмотря ни на какія опасности.

Бѣлковъ бьютъ обыкновенно палками съ желѣзнымъ на концѣ крючкомъ, а большихъ звѣрей стрѣляютъ изъ винтовокъ. Въ прошломъ году я выписалъ изъ главнаго артиллерійскаго управленія 100 берданокъ кавалерійскаго образца и роздалъ ихъ промышленникамъ, которые съ тѣхъ поръ не нахвалятся ими. Тѣ, у кого не было берданокъ, жаловались мнѣ, что имъ приходится теперь, съ ихъ прежними винтовками, совсѣмъ бросить промыселъ, и просили достать и для нихъ берданокъ. «Подползаемъ мы, — разсказывали они, — со всякими хитростями и съ большими трудами къ звѣрю, а тѣ, что съ берданками, смѣются, стрѣляютъ издали и перебьютъ звѣря; звѣрь выстрѣла не боится, — ему кажется, что это трещитъ ледъ; а стрѣляютъ берданки мѣтко, бьютъ звѣря на повалъ, такъ что не спугиваютъ сосѣдей, — тѣ ничего и не замѣчаютъ».

Требуя значительныхъ затратъ на организацію, этотъ промыселъ подвергается частымъ случайностямъ, и, съ лихвою вознаграждая въ иной годъ затраты и трудъ промышленника, приноситъ въ другой разъ только убытки. Больше всего успѣшность промысла зависитъ отъ направленія вѣтра во время промысла; при юго-западномъ вѣтрѣ ледъ обыкновенно отрывается отъ береговъ и вмѣстѣ съ звѣремъ уносится въ океанъ; напротивъ, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ промыселъ бо̀льшею частью бываетъ очень удачный.

Далѣе за с. Койдою, по берегу Мезенскаго залива, расположено с. Долгощелье, на рѣкѣ Кулоѣ, и с. Семжа. Жители этихъ селъ, кромѣ охоты за морскимъ звѣремъ, занимаются преимущественно рыбною ловлею: въ августѣ и сентябрѣ ловлею семги и нельмы, которыя заходятъ изъ океана въ рѣки для метанія икры, а въ ноябрѣ и декабрѣ — ловлею наваги.

Приближаясь къ устьямъ р. Мезени, я замѣтилъ, что мы стоимъ почти на одномъ мѣстѣ, несмотря на то, что пароходъ шелъ полнымъ ходомъ. Отливное теченіе здѣсь неимовѣрно сильно; вода несется съ страшною быстротою, наноситъ цѣлыя горы песку и постоянно измѣняетъ, такимъ образомъ, фарватеръ; она представляетъ какую-то грязно-желтую жидкость, а послѣ отстоя въ ведрѣ

оказывается цѣлая треть песку. Приливъ достигаетъ 25-ти футовъ, такъ что тамъ, гдѣ въ полную воду свободно проходятъ пароходы, послѣ отлива, иногда на огромномъ разстояніи, видна песчаная отмель. Плаваніе въ устьяхъ Мезени представляется крайне опаснымъ; нерѣдко случается, что пароходъ, застрявшій во время отлива, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ совсѣмъ заносится пескомъ. Причина такого явленія объясняется сильнымъ напоромъ приливной воды отъ сѣвера и стѣсненіемъ ея въ горлѣ Бѣлаго моря.

Въ устьяхъ р. Мезени расположены два лѣсопильныхъ завода: Русанова и К° и мезенскаго купца Ружникова. Къ этимъ заводамъ

Въ устьяхъ рѣки Мезени.

лѣсъ сплавляется по р. Мезени и съ ея притоковъ, частью изъ Архангельской, частью изъ Вологодской губерній; на заводахъ распиливается около 100,000 бревенъ въ годъ на доски, которыя отправляются за границу, обыкновенно въ Англію.

Осмотрѣвъ заводъ Русанова, я прошелъ въ сосѣднюю съ заводомъ тундру. Въ это время года тундра представляетъ оригинальную картину. Какъ разъ поспѣвали ягоды, и вся тундра, насколько видно было глазу, имѣла видъ ярко-пестраго, безконечнаго ковра изъ ягодника, покрытаго безчисленнымъ количествомъ ягодъ всякихъ цвѣтовъ: оранжевой морошки, красной брусники, синей голу-

бицы и черной вороницы. Особенно выдѣлялась ярко золотистая крупная морошка, которая въ этомъ году была особенно урожайна и вкусна. На каждомъ шагу вылетали бѣлыя куропатки, которыя въ изобиліи водятся въ тундрахъ Мезенскаго и Печорскаго уѣздовъ.

Далѣе, до Мезени, верстъ 25 мы проѣхали на лодкахъ.

Въ Архангельской губерніи всѣ уѣздные города вообще невзрачны, но изъ нихъ печальнѣе всѣхъ Мезень; въ губерніи найдутся многія села значительно богаче, благоустроеннѣе и многолюднѣе этого города. Уѣзднымъ городомъ Мезень сдѣлана въ 1780 г.;

Миссіонерская церковь въ селѣ Пешѣ.

бывшее до того времени на этомъ мѣстѣ поселеніе именовалось «Окладникова слобода»; она основана была въ XVI-мъ вѣкѣ выходцемъ изъ Новгорода Окладниковымъ. Въ городѣ нѣтъ, кажется, ни одного каменнаго зданія, да и деревянныя какъ-то обветшали и смотрятъ уныло.

Посѣщеніе присутственныхъ мѣстъ заняло немного времени, и на другой же день мы продолжали путь въ сопровожденіи исправника и чиновника по крестьянскимъ дѣламъ Попова; ему была поручена постройка новой дороги на Печору, въ предѣлахъ Мезенскаго уѣзда, по которой намъ предстояло проѣхать.

Почтовая дорога отъ Мезени до станціи Большеписогоры, гдѣ она поворачиваетъ на Пинегу, очень хороша, какъ и всѣ вообще большія почтовыя дороги въ Архангельской губерніи. Мнѣ рѣдко приходилось видѣть въ другихъ губерніяхъ, чтобы почтовыя дороги содержались въ такомъ порядкѣ, какъ въ Архангельской, несмотря на болотистую, преимущественно, почву. Правда, при громадныхъ здѣшнихъ разстояніяхъ, хорошія дороги представляютъ вопросъ первостепенной важности, притомъ ихъ и немного: такъ-называемыя «столичныя», т.-е. петербургская—изъ Архангельска

Городъ Мезень.

на Холмогоры, с. Сію и далѣе до границы Олонецкой губерніи, и московская — отъ с. Сіи на г. Шенкурскъ, до границы Вологодской губерніи. Кромѣ «столичныхъ» дорогъ, существуютъ еще двѣ, соединяющія Архангельскъ съ уѣздными городами,—одна отъ Холмогоръ на г. Пинегу и г. Мезень, а другая—отъ Архангельска до г. Онеги. По всѣмъ этимъ дорогамъ зимою, послѣ каждой метели, проходятъ треугольниками, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно ожидать снѣжныхъ заносовъ, устраиваются защиты; поэтому почти всюду можно проѣхать тройкою въ рядъ и по дорогамъ почти не бываетъ ухабовъ; всѣ болотистыя мѣста сплошь замощены бревнами, поверхъ

которыхъ сдѣлана насыпь изъ песку; обрывы ограждены перилами, а мосты и переправы содержатся въ порядкѣ.

Отъ ст. Большеписогоры до с. Койнасъ путь нашъ шелъ по проселку, который, впрочемъ, въ настоящее время уже обращенъ въ почтовую дорогу, значительно расширенъ и постепенно приведенъ въ надлежащій видъ; въ то же время, когда я проѣзжалъ тамъ, онъ представлялъ что-то совсѣмъ первобытное, ничуть не похожее даже на самыя отвратительныя дороги, напримѣръ, въ центральной Россіи, съ которыми мы давно уже свыклись; довольно сносно можно было ѣхать только по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, собственно говоря, никакой дороги не было—вдоль рѣки, по плотному песку, или по заливнымъ лугамъ; но гдѣ значилась дорога, тамъ приходилось скакать по камнямъ, пнямъ и корнямъ, тащиться по топи, ѣхать у самаго обрыва по берегу рѣки, взбираться на многоярусныя горы и спускаться по кручамъ. На такихъ крутыхъ спускахъ всегда заготовлены заранѣе колья, которые закладываются въ оба заднихъ колеса телѣги, а то просто привязывается къ ней сзади цѣлое сосновое или еловое дерево, служащее тормозомъ. Все это, впрочемъ, понятно, такъ какъ мѣстнымъ жителямъ дороги почти не нужны: по нимъ они никогда не ѣздятъ. Всѣ поселенія расположены исключительно по берегамъ рѣки Мезени и по нѣкоторымъ ея притокамъ, и, если кому нужно перебраться изъ одной деревни въ другую, тотъ ѣдетъ на лодкѣ. Впрочемъ, лѣтомъ и разъѣзжать некому, потому что все мужское населеніе находится на промыслахъ, а гужевое движеніе, перевозка товаровъ на ярмарки и въ города производится исключительно по зимнему пути, который прокладывается также по рѣкамъ для того, чтобы избѣжать непріятныхъ переѣздовъ по горамъ. Вдали отъ рѣкъ, въ глуши лѣсовъ, нѣтъ никакихъ поселеній; слѣдовательно, и ѣхать туда не зачѣмъ, ни зимой, ни лѣтомъ; въ лѣсахъ бродитъ только охотникъ, да кочуютъ самоѣды съ своими оленями, которые перевозятъ ихъ по болотамъ и тундрамъ во всякое время года — лѣтомъ и зимою, все въ тѣхъ же самоѣдскихъ саночкахъ.

Отъ г. Мезени до с. Койнасъ мы ѣхали все время вдоль рѣки Мезени. Гористые, обрывистые берега ея довольно живописны и тянутся безконечною, красною или бѣлою лентою, покрытою зеленью лѣсовъ; они состоятъ, преимущественно, изъ плотнаго краснаго мергеля, а мѣстами изъ бѣлаго вывѣтрившагося известняка. Села встрѣчаются довольно часто и многія изъ нихъ носятъ на-

званія, вѣроятно, по цвѣту прибрежныхъ обрывовъ, какъ, напримѣръ, Бѣлощелье, Краснощелье, Палощелье и т. д.

Рѣка Мезень довольно широка, но усѣяна мелями, порогами и перекатами, такъ что неудобна для плаванія значительнаго размѣра судовъ, и намъ нѣсколько разъ приходилось ее переѣзжать въ большихъ, плоскодонныхъ лодкахъ, на которыя устанавливалась телѣга и лошади. Сначала какъ-то жутко было ѣхать на такихъ лодкахъ безъ бортовъ, — отъ воды до борта оставалось не болѣе 2—3 вершковъ, — такъ и казалось, что стоитъ лошади пошевельнуться и нѣсколько накренить лодку — и кувырнешься въ воду; но привычныя къ такимъ переѣздамъ лошади стояли смирно. Я видѣлъ, что на такихъ же лодкахъ перевозили на другую сторону рѣки, на пастбища, вплотную уставленныхъ коровъ.

Городъ Мезень. — Соборъ.

По рѣкѣ все время проносились стаи самыхъ разнообразныхъ породъ утокъ и раздавался рѣзкій, несмолкаемый крикъ гагаръ.

Чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ чаще по берегамъ попадались лиственницы,—сперва отдѣльными деревьями, а послѣ цѣлыми группами. Въ южной части Мезенскаго, Пинежскаго и Печорскаго

уѣздовъ лиственницы разбросаны по всѣмъ лѣсамъ; особенно же много ихъ по берегамъ рѣкъ. Стройныя, почти безъ сучьевъ до самой вершины, лиственничныя деревья достигаютъ здѣсь высоты 10—15 саженъ. Къ сожалѣнію, это превосходное, твердое и гладкое дерево не имѣетъ пока никакого сбыта. Древесина лиственницы такъ плотна, что спилить или срубить ее очень трудно, и, кромѣ того, лиственничное бревно тонетъ въ водѣ, а потому сплавлять его можно только на плотахъ изъ другихъ древесныхъ породъ. Для жилыхъ построекъ лиственница не годится, потому что на открытомъ воздухѣ, на солнцѣ, и отъ тепла дерево лопается и въ стѣнахъ образуется множество щелей. Одно время лиственница требовалась на подкладку, подъ обшивку броненосцевъ, въ виду свойства лиственничнаго лѣса сохраняться вѣками въ водѣ и землѣ. Пока для лиственницы не будетъ найдено какого-либо болѣе широкаго примѣненія, нашимъ прекраснымъ лиственничнымъ лѣсамъ придется произрастать безполезно.

С. Койнасъ — послѣдній населенный пунктъ передъ Печорою; отсюда до Усть-Цыльмы, на протяженіи 250-ти верстъ, предстояло ѣхать по глухой тайболѣ, гдѣ, кромѣ вновь выстроенныхъ станціонныхъ домиковъ, нѣтъ ни одного жилья.

Первая половина новой дороги, въ предѣлахъ Мезенскаго уѣзда, отъ с. Койнасъ до ст. Барковской, на границѣ Печорскаго уѣзда, оказалась вполнѣ удовлетворительною. Просѣка черезъ лѣсъ сдѣлана на 6 саженъ, а самое полотно дороги занимаетъ 3 сажени; верхній моховой слой на полотнѣ снятъ, пни и корни выкорчеваны, по болотистымъ мѣстамъ проложены гати; станціонные домики, въ общемъ, довольно удобны и помѣстительны. Всѣхъ станцій пять: Косамская, Нижнесульская, Фоминская, Верхнесульская и Барковская, — разстояніе между каждой изъ нихъ равняется приблизительно 25-ти верстамъ. Фоминская станція находится на высотѣ 3,000 футовъ надъ уровнемъ моря; отсюда начинаются отроги Тиманскаго горнаго хребта и водораздѣлъ рѣки Мезени и рѣки Печоры. Надъ устройствомъ этой дороги чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ Попову пришлось немало потрудиться. Все лѣто, цѣлые три мѣсяца, онъ провелъ на дорогѣ, проживая бóльшею частью въ палаткѣ. При помощи мѣстныхъ промышленниковъ-охотниковъ, онъ лично производилъ изысканія пути, стараясь, по возможности, обходить болота и горы и въ то же время не удлинять дороги. Благодаря заботамъ и тру-

дамъ г. Попова, дорогу удалось окончить въ два года, несмотря на всѣ трудности и на исключительно неблагопріятныя условія — каменистую, болотистую почву и отсутствіе рабочихъ, которыхъ приходилось вывозить за нѣсколько сотъ верстъ и доставлять для нихъ продовольствіе. При этомъ, постройка дороги обошлась, сравнительно, не дорого: всего около 120 руб. верста, вмѣстѣ съ станціонными домиками, мостами и проч. Почти всѣ станціи расположены по берегамъ рѣчекъ, гдѣ встрѣчаются довольно удовлетворительные луга, съ которыхъ собираютъ сѣно въ

Мезенскіе типы женщинъ.

достаточномъ для прокорма станціонныхъ лошадей количествѣ. Большая часть содержателей этихъ станцій переселилась сюда съ своими семействами; они дѣятельно принялись за раздѣлку луговъ и начали даже посѣвъ ячменя, урожаи котораго болѣе чѣмъ удовлетворительны для этой мѣстности. Дичи кругомъ — глухарей, тетеревей, рябчиковъ, бѣлыхъ куропатокъ и зайцевъ — изобиліе; въ каменистыхъ, порожистыхъ рѣчкахъ множество рыбы, изъ породы форелей и сиговъ, такъ что со временемъ вокругъ этихъ станцій образуются, вѣроятно, цѣлые поселки. Нерѣдко намъ приходилось видѣть по-

дорогѣ тетеревей и куропатокъ, которые при нашемъ приближеніи вовсе не думали улетать, и мы успѣвали выйти изъ телѣги и достать ружья; даже послѣ выстрѣла многіе изъ нихъ преспокойно усаживались на ближайшія деревья.

На одной изъ станцій, — кажется, Нижнесульской, — ко мнѣ явился старикъ-крестьянинъ съ жалобою на бѣду, которая стряслась надъ нимъ.

— «Живу я здѣсь, — говорилъ онъ, — по близости отъ станціи, верстахъ въ двухъ, лѣтъ уже 30 будетъ. Переселился сюда

Мезенскіе типы.

съ семействомъ изъ с. Койнасъ, построилъ домъ, расчистилъ лѣсъ подъ луга и пашню, завелъ скотъ. Дичи въ лѣсу и рыбы въ рѣчкахъ довольно, всегда можно добыть сколько нужно, — такъ что жилъ безъ нужды; сыновья ходили на промыселъ на бѣлкою, росомахою и медвѣдями. Разъ въ годъ отправлялись мы въ Койнасъ, а то и въ Мезень или Пинегу, на ярмарку. Проберемся туда, сбудемъ добытыя шкуры звѣрей, привеземъ съ собою муки, что нужно изъ одежды и прочаго по хозяйству, справимъ дѣла въ волости, повинности, какія слѣдуетъ, отдадимъ — и опять домой.

Но пришелъ нашъ домъ въ ветхость, и вотъ задумалъ я въ прошломъ году построить новый. Сдѣлалъ заявку въ волость, просилъ взять, какія слѣдуетъ, въ казну деньги, но ихъ не приняли, объявивъ, что нужно дозволеніе отъ лѣсничаго. Дѣлать нечего,— сходилъ въ Мезень (за 300 верстъ) къ лѣсничему, чтобы выправить билетъ, да на бѣду не засталъ лѣсничаго дома; попросилъ тогда знакомаго обхлопотать, что требуется по закону, а самъ, вернувшись домой, приступилъ къ рубкѣ лѣса и заготовилъ 42 бревна».

Надо замѣтить, что крестьянамъ Архангельской губерніи земельные надѣлы еще не отведены и не отграничены; крестьяне свободно пользуются землями, которыя они теперь воздѣлываютъ, и въ правѣ производить новыя расчистки лѣса подъ пашни и луга. Затѣмъ, всѣ незанятыя земли, въ томъ числѣ и лѣсъ, составляютъ собственность казны. Лѣсъ отпускается крестьянамъ на домашнія надобности по особой таксѣ, которая очень умѣренна и сама-по-себѣ вовсе не обременительна, но неизбѣжныя при этомъ формальности — по отводу мѣстъ для рубки, полученію билетовъ, освидѣтельствованію вырубленныхъ лѣсныхъ матеріаловъ — создаютъ много хлопотъ и отнимаютъ нужное время, въ особенности, если принять во вниманіе громадныя пространства между селеніями и отъ мѣста пребыванія лѣсныхъ чиновъ и громадные районы лѣсничествъ, ввѣренныхъ одному лицу. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ населеніе нерѣдко уклоняется отъ легальнаго пріобрѣтенія лѣса, не столько изъ-за того, чтобы избѣжать уплаты слѣдуемыхъ за него денегъ, сколько во избѣжаніе проволочекъ и непроизводительной траты времени. Въ результатѣ возникаютъ постоянныя недоразумѣнія между лѣсною стражею и населеніемъ и множество дѣлъ по нарушенію лѣсного устава. Между тѣмъ, пользованіе лѣсомъ имѣетъ для жителей Архангельской губерніи особенно важное значеніе: суровыя климатическія условія требуютъ болѣе солидной постройки жилыхъ и хозяйственныхъ помѣщеній, а продолжительная зима — заготовки бо̀льшаго количества топлива. Поэтому весьма важно, чтобы лѣсные матеріалы доставлялись населенію безъ особыхъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что глубокіе снѣга, холодъ, продолжительность рабочаго дня и количество необходимыхъ лѣсныхъ матеріаловъ требуютъ и безъ того большой затраты труда и времени. Весь лѣсной сборъ за лѣсные матеріалы для домашнихъ надобностей съ крестьянъ Архангельской губерніи не превышаетъ 15,000 рублей въ годъ по всей гу-

берніи, а потому, казалось бы, что этотъ сборъ было бы цѣлесообразнѣе разложить на крестьянъ въ видѣ общаго лѣсного налога, предоставивъ имъ свободное пользованіе лѣсомъ для домашнихъ потребностей изъ ближайшихъ лѣсныхъ дачъ, или отвести имъ особые лѣсные участки. Лишняго никто рубить не станетъ уже потому, что самая вырубка и вывозка достается нелегко. Насколько мнѣ извѣстно, вопросъ о пользованіи крестьянъ лѣсомъ на домашнія надобности въ настоящее время уже возбужденъ и разработывается въ Лѣсномъ департаментѣ. Окончу разсказъ злополучнаго крестьянина.

Пинега.—Никольская ярмарка.

— «Такъ вотъ, случился у насъ лѣсной пожаръ. И прежде бывали, конечно, пожары, но, когда дороги еще не было, лѣсничій о пожарѣ не зналъ, да и добраться ему до насъ не было возможности. А тутъ чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, который былъ на работахъ при дорогѣ, разсказалъ лѣсничему о пожарѣ, да еще похвалился, что потушилъ его своими рабочими. Спустя нѣкоторое время пріѣзжаетъ лѣсничій, остановился у меня и видитъ заготовленныя мною бревна. «Покажи, говоритъ, билетъ?» А у меня никакого билета нѣтъ. Я объяснилъ, что ходилъ къ нему за билетомъ и въ волости объявлялъ. Но онъ этого въ резонъ не взялъ.

а составилъ актъ и сказалъ, что съ меня, за самовольную рубку, взыщетъ штрафъ въ 75 рублей, срубленныя же бревна заарестовалъ, сдалъ мнѣ ихъ на храненіе и больше рубить не велѣлъ. Тѣмъ временемъ хата валится, зиму негдѣ будетъ жить, да и штрафа заплатить не могу, не продавъ послѣдняго имущества».

Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ тѣхъ неудобствъ, которыя представляетъ существующій порядокъ пользованія лѣсомъ. За вырубленный крестьяниномъ лѣсъ, по таксѣ, ему пришлось бы заплатить всего по 4 коп. за бревно, слѣдовательно, 1 руб. 68 коп.; а тутъ одного штрафа 75 рублей, заарестованіе нарубленныхъ бревенъ, пріостановка необходимой постройки и, пожалуй, полное разореніе, несмотря на то, что крестьянинъ хлопоталъ, ходилъ за 300 верстъ, исполняя требованія закона.

Въ этомъ случаѣ, положимъ, все обошлось благополучно,— я разрѣшилъ крестьянину приступить къ постройкѣ, разсказалъ управляющему государственными имуществами обстоятельства дѣла и, по его распоряженію, дальнѣйшее производство дѣла о штрафѣ было прекращено.

Совсѣмъ другую картину представляетъ вторая половина дороги по Печорскому уѣзду. Какъ оказалось, печорскій исправникъ, на котораго была возложена постройка дороги, лично не производилъ изысканій, положился на командированнаго имъ урядника и вырубку просѣки и корчевку лѣса сдалъ подрядчикамъ, а самъ занялся постройкою ближайшихъ къ Усть-Цыльмѣ станціонныхъ домовъ. Подрядчики изъ личныхъ, конечно, выгодъ выбирали для дороги мѣста, гдѣ лѣсъ былъ помельче, по тундрамъ и болотамъ, тогда какъ, напротивъ, дорогу слѣдовало вести тамъ, гдѣ лѣсъ крупнѣе, что̀ указывало бы на болѣе плотную и сухую почву; работы по устройству самаго полотна производились, повидимому, безъ всякой системы и безъ заранѣе обдуманнаго плана, — больше на показъ. Въ результатѣ вышло то, что станціи были построены съ излишнею роскошью, на нихъ была потрачена бо̀льшая часть ассигнованныхъ денегъ, а дорога оказалась никуда не годною.

Всѣхъ станцій здѣсь шесть: Вальская, Фатѣевская, Мыльская, Усинская, Усть-усицкая и Волочекъ, на лѣвомъ берегу Печоры, противъ Усть-Цыльмы, которая расположена на противоположномъ правомъ берегу.

Переѣздъ по этой половинѣ дороги былъ крайне труденъ и утомителенъ. Лошади вязли по брюхо въ моховомъ болотѣ, по-

тому что гати, если и были устроены, то затонули въ этихъ топкихъ мѣстахъ; тамъ же, гдѣ кончались болота, подымались высокія скалистыя горы. Напримѣръ, между Фатѣевскою и Мыльскою станціями дорога пролегала по сплошному горному кряжу Тиманскаго хребта, при чемъ на всемъ протяженіи этой станціи пришлось перебираться чрезъ 16 горъ, по крутымъ спускамъ и подъемамъ. Казалось бы, что тутъ-то уже не должно быть болотамъ, между тѣмъ, только-что взберешься на гору, а тамъ, наверху, опять завязнешь въ тундрѣ; къ довершенію всего, на насъ нападали тучи комаровъ, оводовъ и другихъ насѣкомыхъ.

Мезенскій охотникъ съ собакою лайкою.

Однако, какъ ни плоха была дорога, но меня все же поразило, когда на одной изъ станцій, просматривая книгу, я замѣтилъ, что почта прошла одинъ перегонъ, въ 23 версты, 16 часовъ. «Почему это? — спрашиваю содержателя станціи, — дорога, правда, плоха, но все же ѣхать 23 версты 16 часовъ много. Телѣга, что ли, сломалась?» Содержатель нѣсколько замялся, но затѣмъ объяснилъ, что, въ дѣйствительности, перегонъ проѣхали въ 3 — 4 часа, но, когда прибыли на станцію, почтальонъ прилегъ на лавочку и заснулъ какъ убитый. Разбудить его не было возможности — такъ онъ и проспалъ 12 часовъ подъ рядъ. Чтобы ему

не отвѣчать передъ начальствомъ, содержатель станціи записалъ, что ѣхали 16 часовъ. Изъ дальнѣйшаго выяснилось, что одинъ и тотъ же почтальонъ сопровождаетъ почту отъ Мезени до Усть-Цыльмы, слишкомъ 500 верстъ, во всякую погоду, не отдыхая ни днемъ, ни ночью, а дорога такая, что на пути въ телѣгѣ не заснешь. Немудрено, что, разбитый и нѣсколько дней не спавшій, почтальонъ сваливался, наконецъ, какъ снопъ.

Неудобства дороги и мученія, которыя мы испытывали отъ комаровъ, сглаживались до нѣкоторой степени тѣмъ интересомъ, который представляла собою мѣстность: шумныя порожистыя рѣчки, многоводныя рѣки Мылва, Цыльма и, наконецъ, Печора, своеобразныя горы, мѣстами прекрасный сосновый боръ и лиственничный лѣсъ. Но всего болѣе ободрило меня извѣстіе, посланное мнѣ на встрѣчу съ нарочнымъ изъ Усть-Цыльмы, что крейсеръ «Вѣстникъ», транспортъ «Баканъ» и шкуна съ углемъ благополучно прибыли къ устьямъ Печоры и что въ Усть-Цыльмѣ меня ждетъ частный пароходъ чердынскаго купца Черныхъ. Я тотчасъ же отправилъ съ нарочнымъ извѣщеніе объ этомъ въ Архангельскъ, по телеграфу, съ ближайшей — правда, за 300 верстъ — телеграфной станціи въ Большеписогорахъ. Всѣ наши невзгоды были забыты, и мы весело продолжали путь.

Между прочимъ, интересна была одна встрѣча. Идетъ по дорогѣ мужикъ, а за нимъ, съ бляхой на груди, тщедушная бабенка; встрѣча въ такой глуши съ человѣкомъ вообще дѣло исключительное. Спрашиваемъ: кто, куда и зачѣмъ. Оказывается, баба, изображая собою десятскаго, ведетъ здоровеннаго мужика-арестанта, который препровождается въ тюрьму въ Мезень; она должна сдать его ближайшему полицейскому десятскому, а этотъ ближайшій полицейскій чинъ находится въ Койнасѣ, т.-е. въ 250-ти верстахъ, которыя баба, безъ всякой опаски, идетъ себѣ съ арестантомъ въ безлюдной тайболѣ, по невозможной дорогѣ.

Въ Архангельской губерніи, въ Поморьѣ и другихъ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ на лѣто всѣ мужчины уходятъ на промыслы, которыми исключительно живетъ населеніе, нѣтъ никакой возможности удержать въ это время на службѣ сельскихъ должностныхъ лицъ, исключая развѣ волостныхъ старшинъ, которые получаютъ за свою службу жалованье. Поэтому, издавна установился обычай, что женщины исполняютъ служебныя обязанности за своихъ мужей или братьевъ и надѣваютъ при этомъ на себя ихъ слу-

жебные знаки. Надо отдать имъ справедливость, — службу несутъ онѣ добросовѣстно и, во всякомъ случаѣ, не хуже, если даже не лучше мужчинъ.

Узнавъ, что я губернаторъ, баба-десятскій обратилась ко мнѣ съ просьбою, нельзя ли ее освободить отъ дальнѣйшаго сопровожденія арестанта до Койнаса, объясняя, что арестантъ, вѣдь, и одинъ найдетъ дорогу, и она уже предлагала ему взять у нея пакетъ, съ которымъ онъ препровождался, и самому явиться съ нимъ куда слѣдуетъ; но онъ не соглашался, говоря, что арестанту одному идти не полагается и его долженъ сопровождать десятскій. Я распечаталъ конвертъ, — арестантъ оказался не изъ важныхъ. Поэтому, я отпустилъ бабу-десятскаго и, передавъ арестанту бумагу, сказалъ ему, чтобы онъ отправлялся въ Мезень одинъ и явился въ полицейское управленіе, да по дорогѣ не засиживался бы, а спѣшилъ въ Мезень, не то придется дольше сидѣть. «Слушаю-съ, — отвѣчалъ арестантъ, — безпремѣнно буду поспѣшать, самому не расчетъ мѣшкать. Благодарю покорно, а то съ бабами, да съ провожатыми все задержка». Впослѣдствіи я справлялся, пришелъ ли арестантъ своевременно въ Мезень. Оказалось, что по дорогѣ онъ уже нигдѣ не требовалъ десятскихъ для сопровожденія, а явился прямо въ полицейское управленіе и подалъ пакетъ. — «А гдѣ же арестантъ?» — спросили у него. «Я самый и есть» — отвѣчалъ онъ изумленному чиновнику и тутъ же разсказалъ о встрѣчѣ со мною.

Наконецъ, добрались мы до рѣки Печоры, которая у Усть-Цыльмы имѣетъ въ ширину болѣе двухъ верстъ; мы ее переѣхали въ большой лодкѣ подъ парусами и прибыли въ Усть-Цыльму, сдѣлавъ переѣздъ по новой дорогѣ, въ 250 верстъ, въ четверо сутокъ.

Въ настоящее время эта дорога не представляетъ уже тѣхъ неудобствъ, которыя пришлось намъ испытать. Послѣ моего проѣзда были приняты мѣры къ приведенію ея въ порядокъ, произведены новыя изысканія, болота и горы по большей части обойдены и гати укрѣплены, такъ что почта изъ Усть-Цыльмы въ Архангельскъ ходитъ лѣтомъ и зимою, по утвержденному росписанію, не болѣе 7 дней. Наконецъ, по той же дорогѣ проведенъ телеграфъ и съ октября 1895 года Усть-Цыльма соединена уже съ общею телеграфною сѣтью Имперіи.

II.

Печорскій уѣздъ.— Пространство.— Рѣки и озера.— Минеральныя богатства.— Ухтинская нефть. — Усть-Цыльма. — Ижма. — Мохча. — Пустозерскъ. — Населеніе.

Печорскій уѣздъ Архангельской губерніи занимаетъ громадную площадь въ 25.931,000 десятинъ. Съ сѣвера онъ граничитъ съ Ледовитымъ океаномъ, съ востока—Уральскими горами, съ юга—рѣками Ухтою и Вымью и, наконецъ, съ запада граница, отдѣляющая его отъ Мезенскаго уѣзда, проходитъ по Тиманской тундрѣ.

Сѣверная часть уѣзда, образуя огромное равнинное пространство, представляетъ собою необозримую тундру, мѣстами покрытую мелкимъ лѣсомъ, а по большей части мхами и мелкимъ ивнякомъ. На западъ отъ рѣки Печоры расположена Тиманская или Малоземельская тундра, а на востокъ отъ Печоры до Уральскихъ горъ — Большеземельская. Тундры эти прорѣзываются горными хребтами. Отъ верховьевъ рѣкъ Пезы и Цыльмы довольно значительный хребетъ горъ, извѣстный подъ названіемъ Чайцынскаго камня, пересѣкаетъ Тиманскую тундру. Между системами рѣкъ Мезени и Печоры, почти параллельно Уралу, тянется Тиманскій горный хребетъ. Въ сѣверо-восточной части уѣзда отъ сѣверной оконечности Урала отдѣляется горный хребетъ Пай-Хой. Южная же часть Печорскаго края, въ большей своей части, представляетъ равнину съ весьма незначительными холмистыми пространствами. Тиманскій хребетъ, составляющій западную границу Печорскаго края, въ сѣверной своей оконечности состоитъ изъ огненныхъ породъ — гранита и роговообманковаго сланца; къ югу — изъ девонскаго песчаника и мергеля. Въ окрестностяхъ встрѣчаются въ изобиліи сѣрный колчеданъ, лигнитъ и небольшія залежи свинцоваго блеска, а въ разрѣзахъ южнаго склона Тиманскихъ горъ находится горючій сланецъ — доманикъ, представляющій собою известково-глинистый шиферъ, пропитанный минеральными смолистыми веществами. По рѣкѣ Ухтѣ онъ образуетъ обнаженія, площадь которыхъ простирается на 14 верстъ въ ширину и на 250 въ длину. По обѣимъ сторонамъ доманика лежатъ девонскіе пласты, состоящіе изъ зеленоватыхъ и сине-сѣроватыхъ мергелей и песчаниковъ, содержащихъ слюду.

По рѣкѣ Ухтѣ, въ 45-ти верстахъ отъ впаденія ея въ рѣку Ижму, встрѣчается нефть, которая, по мѣстнымъ преданіямъ, добывалась

еще въ прошломъ столѣтіи однимъ московскимъ купцомъ, имѣвшимъ здѣсь даже заводъ. Въ послѣдніе годы по рѣкѣ Ухтѣ были произведены изысканія нефти екатеринбургскимъ купцомъ Галкинымъ, которымъ сдѣланы многочисленныя развѣдки и которому

Сѣверный Тиманъ.—Водопадъ на рѣкѣ Сулѣ.

правительство предоставило значительныя льготы для разработки нефти. Залежи ея расположены на водораздѣлѣ рѣкъ Печоры, Камы и Западной Двины, представляющихъ удобные пути для сплава нефти по всѣмъ направленіямъ.

Ископаемыя богатства Печорскаго края не ограничиваются одною нефтью. Мѣдныя руды встрѣчаются по рѣкѣ Цыльмѣ и ея притокамъ. Попытки разрабатывать мѣдную руду были уже во времена Іоанна Грознаго. Въ позднѣйшее время купецъ Рязанцевъ

Западный склонъ Чайнинскаго камня.

производилъ развѣдки по Цыльмѣ въ 1839 и 1841 годахъ. Повѣренный Рязанцева присылалъ ему много ящиковъ съ прекрасною рудою, но дѣло впередъ не подвигалось, и, въ концѣ-концовъ, Рязанцевъ убѣдился, что повѣренный его обманывалъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ, архангельскимъ губернаторомъ была организована коммиссія для изслѣдованія рудныхъ мѣсторожденій Печорскаго края. Между прочимъ, коммиссія описываетъ одну мѣстность, въ 165-ти верстахъ отъ Усть-Цыльмы, въ 5-ти верстахъ отъ рѣчки Рудянки и въ 20-ти верстахъ отъ притока Цыльмы, Космы, гдѣ ясно замѣтны слѣды существовавшаго завода. Мѣстность эта представляетъ отлогій берегъ, который саженъ на восемь состоитъ изъ мергелей; на немъ видны слѣды старыхъ работъ. Срубы колодцевъ совершенно сохранились. Въ народѣ до сихъ поръ ходитъ преданіе, что въ давнія времена здѣсь работалъ нѣмецкій рудокопъ съ московскими людьми. Серебряныхъ рудъ коммиссія здѣсь не встрѣтила, но нашла много мѣдной руды въ уступахъ береговой террасы. Руда эта, по словамъ коммиссіи, содержитъ до 50% металла [1]). Въ истокахъ рѣки Сулы встрѣчаются небольшія залежи свинцоваго блеска, содержащаго серебро, и мѣдныя руды. Резюмируя свои изслѣдованія въ Печорскомъ краѣ, коммиссія пришла къ заключенію, что минеральныя богатства Тиманскихъ горъ заслуживаютъ полнаго вниманія. Впослѣдствіи, въ 1890 году, геологическія изслѣдованія Тиманскаго хребта произведены были горнымъ инженеромъ Ѳ. Н. Чернышевымъ.

Главнымъ воднымъ путемъ всего Печорскаго края служитъ рѣка Печора, — длина всего ея теченія простирается до 2,000 верстъ. Болѣе значительные притоки Печоры, впадающіе въ нее съ правой стороны: рѣка Илыдзь, длиною около 400 верстъ, очень порожистая, рѣка Щугоръ, длиною около 400 верстъ, и рѣка Уса, длиною болѣе 500 верстъ; всѣ онѣ берутъ начало въ Уральскихъ горахъ. Съ лѣвой стороны въ Печору впадаютъ: рѣка Мылва, длиною около 300 верстъ; рѣка Кожва, длиною болѣе 200 верстъ; рѣка Ижма, длиною до 500 верстъ, имѣетъ много пороговъ, и рѣка Цыльма, длиною около 200 верстъ, также порожистая.

Печора судоходна на протяженіи около 1,300 верстъ, начиная отъ Якшинской пристани; навигація начинается со второй половины мая и кончается въ сентябрѣ. Въ низовьяхъ Печора образуетъ много острововъ, которые произошли вслѣдствіе измѣненія направленія теченія рѣки.

Изъ множества озеръ, которыя встрѣчаются какъ въ южной, такъ и въ сѣверной части Печорскаго края, болѣе замѣчательны

---

[1]) Въ 1896 году было приступлено уже къ разработкѣ этихъ рудъ.

въ Тиманской тундрѣ: Урдюга, Пидшевскія озера и Ямъ-озеро. Всѣ эти озера изобилуютъ рыбою.

Перевозка грузовъ по рѣкѣ Печорѣ производится на одномачтовыхъ, лодкообразныхъ, довольно значительной величины судахъ,

Рѣка Ижма, притокъ Печоры.

называемыхъ каюками, изъ которыхъ нѣкоторыя поднимаютъ до 7,000 пудовъ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ по Печорѣ стали ходить и буксирные пароходы, принадлежащіе чердынскимъ крестьянамъ — Черныхъ и Суслову.

Административный центръ Печорскаго уѣзда — с. Усть-Цыльма расположено на правомъ берегу рѣки Печоры, при впаденіи въ нее рѣки Цыльмы. Здѣсь сосредоточены всѣ правительственныя учрежденія: полицейское управленіе, казначейство, почтовое отдѣленіе, а

Рѣка Мыла, притокъ Цыльмы.

нынѣ — телеграфная станція и больница; здѣсь же имѣютъ мѣстопребываніе чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, мировой судья, онъ же судебный слѣдователь, акцизный надзиратель и уѣздный врачъ. Основаніе слободы Цыльмы, какъ видно по двумъ сохранившимся

грамотамъ, относится ко временамъ Іоанна Грознаго. Въ настоящее время с. Усть-Цыльма растянулось почти на 3 версты, имѣетъ болѣе 1,000 строеній, съ населеніемъ около 4,000 душъ, превышающимъ, по численности, любой изъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи. Такая скученность населенія свидѣтельствуетъ, что село это — естественный географическій центръ всего Печорскаго края. Впрочемъ, въ торгово-промышленномъ отношеніи первенство пока остается за селомъ Ижмою, лежащимъ на рѣкѣ Ижмѣ, въ 100 верстахъ отъ впаденія ея въ Печору. На противоположномъ берегу рѣки Ижмы, противъ села Ижмы, расположено село Мохча, гдѣ находится волостное правленіе и имѣютъ мѣстопребываніе чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, мировой судья, сельскій врачъ и становой приставъ. Такимъ образомъ, села Ижма и Мохча являются вторымъ значительнымъ центромъ въ уѣздѣ. Населеніе этихъ селъ, взятыхъ вмѣстѣ, превышаетъ 5,000 душъ. Рѣка Ижма судоходна только въ полную воду, а потому эти села, по своему географическому положенію, находящіяся въ сторонѣ отъ главной артеріи края, рѣки Печоры, не представляютъ въ торгово-промышленномъ отношеніи тѣхъ выгодъ, какъ село Усть-Цыльма. Между тѣмъ, въ настоящее время торговая дѣятельность этихъ селъ весьма значительна; послѣднее объясняется тѣмъ, что эти села служатъ центромъ зырянскаго населенія, въ рукахъ котораго сосредоточены значительные капиталы и вся торговля края.

Затѣмъ, нѣкоторый историческій интересъ представляетъ собою бывшій городокъ Пустозерскъ, расположенный въ 20-ти верстахъ отъ рѣки Печоры, на озерѣ Пустомъ, отъ котораго онъ и получилъ свое названіе. Неприглядна и уныла мѣстность вокругъ Пустозерска: господствующими здѣсь постоянно сѣверными и западными вѣтрами насыпаны песчаные холмы, а на востокъ тянется безконечная пустыня-тундра. Пустозерскъ основанъ въ концѣ XV-го вѣка, когда была построена крѣпостца-острогъ, куда посылали ратныхъ людей для защиты края отъ нападеній самоѣдовъ, которые въ тѣ времена представляли довольно воинственный народъ и напирали изъ-за Урала. Впослѣдствіи Пустозерскъ сдѣлался мѣстомъ ссылки; такъ, сюда были сосланы въ 1659 году извѣстный раскольничій протопопъ Аввакумъ и затѣмъ, въ 1676 году, «ближній бояринъ, царскія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегатель» Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, который въ 1682 году былъ вызванъ въ Москву, гдѣ ему возвратили всѣ прежнія почести. Въ 1691 году

въ Пустозерскъ должны были перевести сосланнаго въ Яренскъ врага Матвѣева, любимца царевны Софьи, князя Василія Голицына, но непогода на морѣ помѣшала ѣхать далѣе Мезени, гдѣ Голицыну и разрѣшено было остаться. Послѣднимъ этапнымъ пунктомъ князя Голицына было с. Кологоры, гдѣ онъ и умеръ въ 1714 году; его похоронили въ Красногорскомъ монастырѣ (Пинежскаго уѣзда, Архангельской губ.). Въ настоящее время Пустозерскъ представляетъ невзрачную маленькую деревню, а вся торговля и промышленная жизнь края перешла въ села Великовисочное и Кую, на берегахъ рѣки Печоры.

Все населеніе Печорскаго уѣзда состоитъ въ настоящее время изъ 35,900 душъ обоего пола; изъ нихъ русскихъ—9,200, зырянъ—21,320 и самоѣдовъ—5,380 душъ. Русскіе проживаютъ по рѣкѣ Печорѣ въ Усть-Цыльменской и Пустозерской волостяхъ; зыряне—въ южныхъ, пограничныхъ съ Вологодской губерніей, Усть-Кожвенской, Кедвавомской, Мохченской и Красноборской волостяхъ, а самоѣды кочуютъ въ Большеземельской и Тиманской или Малоземельской тундрахъ; ихъ старшина имѣетъ пребываніе въ Пустозерскѣ, а его помощники—одинъ въ селѣ Усть-Цыльмѣ, а другой—въ селѣ Ижмѣ; соотвѣтственно этому, всѣ самоѣды Печорскаго уѣзда причисляются къ Пустозерской, Усть-Цыльменской и Ижемской волостямъ. Осѣдлые самоѣды проживаютъ только въ одномъ селеніи Усть-Кожвѣ, гдѣ они занимаются даже хлѣбопашествомъ.

III.

Зыряне.

Историческія свѣдѣнія.—Стефанъ Пермскій.—Обычаи.—Языкъ.—Оленеводство.—Споръ между зырянами и самоѣдами о пользованіи тундрами.

Часть Печорскаго уѣзда, Архангельской губерніи, весь Усть-Сысольскій и двѣ трети Яренскаго уѣзда, Вологодской губерніи, населены зырянами, составляющими, вмѣстѣ съ пермяками и вотяками, такъ-называемую пермскую (біармскую) вѣтвь финскихъ народовъ. Родина финновъ—сѣверная Азія, отроги Алтая, откуда въ глубокой древности пришли они дикими кочевниками въ Ев-

ропу, заняли всю сѣверную и сѣверо-восточную часть нынѣшней Европейской Россіи и здѣсь должны были столкнуться съ славянами, которые съ береговъ Дуная принесли уже зачатки цивилизаціи. Въ IX-мъ вѣкѣ эти двѣ народности живутъ уже бокъ-о-бокъ; финскія племена — Чудь, Весь, Меря, Мурома, Пермь и Печора, по свидѣтельству Нестора, платятъ дань Руси. Предками нынѣшнихъ зырянъ нѣкоторые ученые считаютъ Несторову Пермь и Печору, другіе признаютъ ихъ потомками Чуди. Во всякомъ случаѣ, названіе «сырьяне» или «зыряне», совершенно неизвѣстное Нестору, встрѣчается въ актахъ лишь съ 1570 года. Филологически это слово остается невыясненнымъ до сихъ поръ, хотя изслѣдователями зырянъ не разъ дѣлались попытки въ этомъ направленіи. Сами зыряне называютъ себя «коми», при чемъ говорятъ «коми-войтыръ», когда рѣчь идетъ о цѣломъ народѣ, и «коми-мортъ» — если говорится объ одномъ человѣкѣ.

Древнѣйшія извѣстія о нашемъ Сѣверѣ начинаются разсказами о Біарміи, часто упоминаемой въ скандинавскихъ сагахъ. Скальды разсказываютъ о женитьбахъ датскихъ и норвежскихъ конунговъ на царевнахъ Біарміи, о битвахъ скандинавскихъ и біармійскихъ витязей и о мирныхъ торговыхъ связяхъ этихъ сѣверныхъ странъ. Всѣ эти поэтическія сказанія полны, конечно, вымысла и преувеличеній, но изъ нихъ все-таки очевидно то, что въ первые вѣка нашей исторіи и даже до начала ея Сѣверъ нынѣшней Россіи, извѣстный скандинавамъ подъ именемъ Біарміи, былъ населенъ и слылъ страною богатою и торговою. Многія археологическія находки, — древнія западно-европейскія и восточныя монеты, находимыя кое-гдѣ на Сѣверѣ, — также указываютъ на торговлю Біарміи, служившей, вмѣстѣ съ тѣмъ, перепутьемъ въ торговыхъ сношеніяхъ Запада Европы съ Камскими болгарами и азіатскимъ Востокомъ. Всѣ эти свѣдѣнія, впрочемъ, такъ скудны и сбивчивы, что не даютъ даже возможности опредѣлить, что̀ именно называлось Біарміей, подъ именемъ которой, вѣроятно, извѣстенъ былъ весь Сѣверъ Россіи. Географическія и этнографическія данныя, и то лишь отчасти, могутъ быть почерпнуты въ лѣтописяхъ, которыя проливаютъ уже нѣкоторый свѣтъ на исторію нашего Сѣвера.

Средину сѣвернаго края занимало Заволочье, которое составляли земли между рѣками Онегою и Мезенью, сѣверо-востокъ — Пермь, Печора, Югра и Самоядь, и сѣверо-западъ — Терь, нынѣшній Терскій берегъ, и Коло — нынѣ Мурманъ. Все это были волости,

которыя новгородцы «держали своими мужами» (договоръ новгородцевъ съ великимъ княземъ Ярославомъ 1264 г.).

Въ XV-мъ вѣкѣ, съ паденіемъ Новгорода, весь край сдѣлался достояніемъ Москвы. Лѣтописное сказаніе о походѣ 1471 года, при Іоаннѣ III, сохранило свѣдѣнія о томъ пути, какимъ пробирались русскіе на Печору. Изъ Вологды они отправились внизъ по Двинѣ до рѣки Пинеги, затѣмъ вверхъ по рѣкамъ Пинегѣ и Кулою до рѣки Мезени и далѣе по Пезѣ и Цыльмѣ въ рѣку Печору. Такимъ образомъ, очевидно, что нынѣшній путь на Печору былъ уже извѣстенъ въ XV-мъ вѣкѣ.

По рѣкамъ, служившимъ главными и почти единственными путями сообщенія въ древней Руси, селились славянскія племена, ими пользовались отряды удалой новгородской вольницы, «ушкуйниковъ», по нимъ, наконецъ, начинается и колонизація финскихъ земель. Обширная территорія, первоначально занятая финскими племенами, мало-по-малу суживается и уже съ первыхъ лѣтъ существованія Русскаго государства начинается прибой на сѣверо-востокъ славянской волны. Финны уступаютъ подъ напоромъ сильныхъ сосѣдей и частью отодвигаются далѣе на сѣверъ, частью ассимилируются съ русскою, болѣе культурною народностью. Эта колонизація далеко не всегда была мирною, и въ народныхъ преданіяхъ сохранились сказанія объ упорной борьбѣ. Несомнѣнно, и предки нынѣшнихъ зырянъ раздѣляли ту же судьбу, но прослѣдить ее по скуднымъ лѣтописнымъ даннымъ представляется невозможнымъ. Болѣе или менѣе достовѣрнымъ является лишь то, что во времена св. Стефана, слѣдовательно, въ XIV-мъ вѣкѣ, зыряне жили еще при впаденіи Вычегды въ Сѣверную Двину; въ наше время ихъ деревни начинаются на двѣсти верстъ выше по рѣкѣ Вычегдѣ, въ Яренскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи.

Крещеніе зырянъ св. Стефаномъ — важнѣйшій и, можно сказать, одинъ изъ немногихъ, вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ ихъ исторіи. Св. Стефанъ родился въ Устюгѣ, гдѣ и могъ въ дѣтствѣ еще познакомиться съ зырянами и ихъ языкомъ; быть можетъ, какъ нѣкоторые предполагаютъ, онъ и самъ былъ зыряниномъ по происхожденію. Сынъ причетника, онъ съ дѣтства готовился къ духовному званію. Рѣшившись посвятить себя проповѣдничеству вѣры Христовой на своей родинѣ, св. Стефанъ перевелъ священныя книги на зырянскій языкъ, для чего имъ была составлена зырянская азбука, и съ благословенія коломенскаго епископа Ге-

раснма, завѣдывавшаго тогда московскою митрополіею, въ 1376 году изъ Москвы отправился въ Устюгъ на свой великій подвигъ. Свою проповѣдь онъ началъ въ селѣ Котласѣ (при впаденіи Вычегды въ Двину), и на первыхъ же порахъ труды его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Этому не мало способствовало и то обстоятельство, что славянское міросозерцаніе и обычаи были уже отчасти усвоены зырянами и ранѣе, а ихъ нравственныя качества способствовали воспріятію христіанства, которому не могли оказать никакого противодѣйствія языческія вѣрованія. Только въ глубинѣ Пермской земли св. Стефану пришлось бороться съ вліяніемъ шамановъ, но «пермяне не смѣяху убити Стефана, яко съ Москвы къ нимъ пришедшаго и грамоты имущаго». Въ концѣ-концовъ, несмотря на противодѣйствіе шамановъ, послѣ семилѣтней проповѣди, св. Стефанъ распространилъ христіанство среди зырянъ по всей Вычегдѣ и ея притокамъ и, затѣмъ, былъ посвященъ во епископа всей этой области, съ мѣстопребываніемъ въ Усть-Выми. И въ санѣ епископа, въ теченіе 13-ти лѣтъ, св. Стефанъ не оставлялъ своей просвѣтительской дѣятельности и всегда былъ горячимъ поборникомъ интересовъ зырянъ и ходатаемъ предъ московскимъ правительствомъ за свою паству; онъ скончался въ Москвѣ въ 1396 году, оставивъ по себѣ въ зырянскомъ народѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. При преемникѣ его, Исаакіи, христіанство проникло и на Печору. Когда оно распространилось среди зырянъ, живущихъ по рѣкѣ Ижмѣ,— неизвѣстно, какъ неизвѣстно и время появленія зырянъ на этой рѣкѣ. Костомаровъ полагаетъ, что послѣднее произошло еще въ глубокой древности, когда зыряне двигались съ береговъ рѣки Камы на сѣверъ. Хотя въ грамотѣ, данной Іоанномъ Грознымъ Ласткѣ, основателю села Усть-Цыльмы, въ 1542 году, указывается,— правда, со словъ Ластки, — что Запечорскій край въ то время былъ почти необитаемъ и что тамъ существовали лишь Пустозерскъ, да кочевья самоѣдовъ въ тундрѣ, но, между тѣмъ, изъ грамоты, данной тѣмъ же царемъ въ 1545 году Канинскимъ и Тиманскимъ самоѣдамъ, видно, что тогда еще зыряне начали вторгаться въ тундру, гдѣ и занимались звѣринымъ и рыбнымъ промыслами. Такимъ образомъ, вопросъ о времени появленія зырянскихъ поселеній на средней Печорѣ и на рѣкѣ Ижмѣ остается пока невыясненнымъ.

О бытѣ древнихъ зырянъ-язычниковъ, до ихъ крещенія, извѣстно также очень мало. Немногія лѣтописныя сказанія позволяютъ

возстановить его лишь въ общихъ чертахъ и притомъ болѣе или менѣе гадательно. Во всякомъ случаѣ, ихъ первоначальный образъ жизни былъ кочевой или полукочевой, какъ и всѣхъ народовъ алтайской группы, а первоначальныя жилища были землянки—общій типъ жилищъ Чуди, развалины которыхъ теперь извѣстны подъ именемъ «Чудскихъ могилъ». Устройство зырянскихъ избъ заимствовано ими впослѣдствіи у русскихъ. Несомнѣнно, отъ русскихъ зыряне научились и земледѣлію. Средства къ жизни имъ давала охота и рыболовство. Рыба и мясо являлись главными, если не единственными, пищевыми продуктами, при чемъ они употребляли въ пищу даже лошадиное и бѣличье мясо, отчего зырянъ иногда и называютъ, въ насмѣшку, «векшеѣдами».

Древне-зырянская религія — язычество, въ формѣ шаманства, общаго всей Чуди, волхвы и знахари которой нерѣдко пользовались большимъ авторитетомъ даже въ глазахъ русскихъ. Въ жертву своимъ богамъ, изъ которыхъ особенно извѣстны Войпель («вой»—сѣверъ, «пель»—ухо) и жена его, Золотая баба (отожествляемая нѣкоторыми изслѣдователями съ финскою Іомалою), зыряне приносили продукты промысловъ, звѣрей и ихъ шкуры. Зырянскіе шаманы пользовались и свѣтскою властью. Впрочемъ, наряду съ ними, въ лѣтописяхъ упоминаются какіе-то князья, старшины, старосты и сотники, хотя власть и значеніе послѣднихъ остаются совершенно неясными. При заключеніи брачныхъ союзовъ практиковалось, какъ и у славянъ, умыканіе, — общая черта родового быта, не исключавшая, впрочемъ, случаевъ покупки невѣсты. О нихъ можно сказать въ этомъ случаѣ то же, что Несторъ говоритъ о славянахъ: «И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имѣяху, живяху въ лѣсѣ, яко же всякій звѣрь, ядуще вся нечисто, браци не бываху въ нихъ, схожахусь на игрища, и ту умыкаху жены себѣ». Но и впослѣдствіи, по принятіи христіанства, зыряне отличались довольно свободными нравами.

Позднѣйшіе вѣка, со времени дѣятельности св. Стефана, не даютъ ни одного крупнаго факта въ жизни зырянскаго племени. Пермь Вычегодская и ея древняя столица Усть-Вымь къ концу XVI-го вѣка, съ проложеніемъ новаго сибирскаго пути черезъ Пермь Великую и съ переводомъ епископской каѳедры въ Вологду, теряетъ даже свое прежнее значеніе, и зыряне, смѣшиваясь съ русскими, мало-по-малу утрачиваютъ свои племенныя черты. Девятнадцатый вѣкъ застаетъ ихъ поселенія лишь по среднему и

верхнему теченію Вычегды и по Печорѣ, приблизительно въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ зыряне живутъ нынѣ.

Въ Архангельской губерніи зыряне живутъ въ настоящее время въ четырехъ волостяхъ Печорскаго уѣзда. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, къ 1-му января 1896 года ихъ числилось:

въ	Красноборской	волости	5,590	душъ
»	Мохченской	»	12,020	»
»	Кедвавомской	»	1,830	»
»	Усть-кожвенской	»	1,880	»
		Всего	21,320	душъ обоего пола.

Это составляетъ почти 60% всего населенія Печорскаго уѣзда, въ которомъ зыряне являются, такимъ образомъ, преобладающимъ элементомъ; въ четырехъ же перечисленныхъ волостяхъ населеніе почти исключительно зырянское. Архангельскіе зыряне значительно отличаются отъ своихъ вологодскихъ сосѣдей. Въ Печорскомъ уѣздѣ создался особый зырянскій типъ — живой, чисто коммерческій; наиболѣе рѣзко выразился онъ въ крестьянахъ Мохченской волости, получившихъ названіе «ижемцевъ», давно прославившихся своею оборотливостью и сутяжничествомъ. Въ то время, какъ главная масса зырянскаго населенія отличается чрезвычайною лѣнью и косностью, ижемцы предпріимчивы и въ своей промысловой дѣятельности и торговыхъ пріемахъ далеко не всегда являются косными; напротивъ, многіе изъ нихъ не прочь заимствовать что-нибудь новое, если оно можетъ быть полезно для нихъ, всячески стараются поднять доходность промысловъ, отыскиваютъ новые рынки для сбыта своихъ продуктовъ и т. д.

Среди зырянъ Мохченской волости вовсе не встрѣчается раскольниковъ; притомъ, они очень набожны, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны. Почти въ каждой наиболѣе многолюдной деревнѣ есть благоустроенная церковь. Благодаря щедрымъ пожертвованіямъ, церкви ижемцевъ своимъ внѣшнимъ видомъ, богатыми украшеніями и дорогими иконостасами превосходятъ церкви многихъ уѣздныхъ городовъ.

Гостепріимство среди зырянъ развито въ высшей степени. Не говоря уже о сравнительно зажиточныхъ домахъ, самый бѣдный зырянинъ всегда готовъ угостить своего гостя всѣмъ, что у него есть; но въ то же время, когда онъ загуляетъ, то назойливо врывается въ чужой домъ и требуетъ себѣ угощенія. Самымъ глав-

нымъ угощеніемъ считается чай и водка, которую зыряне пьютъ въ большомъ количествѣ; вообще пьянство сильно распространено между ними.

Зыряне живутъ нынѣ въ избахъ (керкахъ), построенныхъ по типу жилыхъ помѣщеній русскаго крестьянина Архангельской губерніи. Керка состоитъ изъ двухъ комнатъ: одна, содержимая обыкновенно крайне неопрятно, съ русскою печкою и лавками вдоль стѣнъ, служитъ кухнею, гдѣ лѣтомъ и зимою живутъ сами хозяева и помѣщается иногда мелкій домашній скотъ; другая, сравнительно чистая, нерѣдко съ голландскою печью, предназначается преимущественно для пріема гостей. Между этими комнатами — сѣни, въ которыя ведетъ крыльцо, устраиваемое съ лицевой стороны избы; изъ сѣней ходъ на «повѣть», пристройку къ избѣ съ наклоннымъ бревенчатымъ въѣздомъ съ улицы. Повѣть служитъ для храненія сѣна, промысловыхъ и земледѣльческихъ орудій и вообще хозяйственнаго инвентаря. Баня — черная, съ каменкой, строится чаще всего на берегу рѣки, въ которой лѣтомъ зыряне купаются сейчасъ же по выходѣ изъ бани. Въ банѣ зыряне парятся по нѣскольку разъ въ недѣлю и лѣчатся отъ всѣхъ своихъ недуговъ.

Въ богатыхъ зырянскихъ селахъ, Ижмѣ и Мохчѣ, есть дома двухъ-этажные. Нижній этажъ такихъ керокъ представляетъ обыкновенную крестьянскую избу, съ русскою печкою и лавками вдоль стѣнъ, а верхній служитъ бо̀льшею частью для пріема гостей; онъ сравнительно хорошо меблированъ, потолокъ оштукатуренъ, крашеный полъ устланъ оленьими шкурами. Въ богатыхъ домахъ можно встрѣтить даже ковры, зеркала, ломберные столы и очень часто механическіе музыкальные инструменты.

Изъ памятной книжки ижемской церкви видно, что село Ижма основано въ 1567 году. Оно растянуто больше чѣмъ на версту вдоль рѣки. Мѣстность довольно живописна; ее оживляютъ каменныя церкви и колокольни самаго селенія и ближайшихъ селъ — Мохчи и Сизябскаго. Ижемцы въ правѣ гордиться своими церквами, — двѣ ихъ церкви обширны и богато украшены. Въ заботахъ о благолѣпіи своихъ храмовъ, Ижма, Мохча и Сизябское постоянно конкурируютъ между собою, и, стоитъ только одному селу устроить что-нибудь новое, тотчасъ другія села стараются перещеголять его.

По наружности зыряне не отличаются отъ русскихъ крестьянъ Архангельской губерніи. Обыкновенно это блондины, средняго роста, хорошо сложенные.

Верхній зимній костюмъ, мужской и женскій, составляетъ обычная на сѣверѣ «малица» или «совикъ» и «пимы» на ногахъ съ «люптами» (чулками) изъ «неблюя», т.-е. молодой оленьей шкуры. Малицы шьются часто вмѣстѣ съ шапкою, при чемъ околышъ послѣдней обшивается шкурою бѣлаго оленя. Лѣтомъ шапокъ не носятъ, но употребляютъ накомарникъ, — родъ капюшона изъ бумажной ткани, съ сѣткою, волосяною или проволочною. Впрочемъ, нѣкоторыхъ ижемцевъ можно видѣть и въ обще-европейскомъ костюмѣ. Принадлежность всякаго щеголя — сапоги бутылками, гармонія и большой зонтикъ подъ мышками (парасоль, какъ они его называютъ).

Оленья запряжка.

Женщины и дѣвушки носятъ исключительно сарафаны. Ихъ будничнымъ головнымъ уборомъ служитъ платокъ, а въ праздники молодыя женщины носятъ такъ-называемыя «рогули» — изъ парчи и штофа, поверхъ чего одѣвается платокъ съ завязанными назадъ концами; дѣвушки носятъ «юрны», вышитыя разноцвѣтнымъ бисеромъ. Нерѣдко также можно встрѣтить бархатныя накидки на черно-буромъ лисьемъ мѣху. Само собою разумѣется, эти уборы, сравнительно дорогіе, встрѣчаются лишь у болѣе богатыхъ, главнымъ образомъ — въ Ижмѣ и Мохчѣ.

Пѣсни поются только русскія, заимствованныя часто безъ по-

пиманія смысла и потому сильно искажаемыя; репертуаръ ихъ очень небогатъ. Вообще надо замѣтить, что въ зырянскій языкъ вошло много русскихъ словъ; таковы всѣ слова, выражающія отвлеченныя понятія, или понятія, предполагающія извѣстную степень культурности. У самоѣдовъ же зыряне, вмѣстѣ съ оленеводствомъ, заимствовали и слова, относящіяся къ послѣднему, — напримѣръ: «пуйня» — ремень въ оленьей упряжи, «няртала» — арканъ, «харей» — шестъ, которымъ погоняютъ оленей, и т. д.

Въ Масленицу любимымъ развлеченіемъ является бѣшеная ѣзда на оленяхъ и на лошадяхъ, или катанье съ горъ, какъ и у рус-

Оленья почта.

скихъ. Въ праздники, разумѣется, больше чѣмъ когда-либо, истребляется зырянами водка и чай, — ихъ любимый напитокъ, который въ тундрѣ они пьютъ съ приправою лука, перца и аниса; кромѣ того, зыряне варятъ изъ ячменнаго солода «ырошъ» и «суръ» — родъ кваса и пива.

Пищу зырянъ составляютъ, главнымъ образомъ, мясо, рыба и молоко. Хлѣбъ и овощи являются уже второстепенными пищевыми продуктами. Пища приготовляется крайне неряшливо: рыба и мясо не моются. Такъ какъ эти продукты свѣжими могутъ сохраняться только зимою, то лѣтомъ ихъ употребляютъ въ пищу по-

соленными; но при этомъ, вслѣдствіе недостаточнаго посола, они часто бываютъ уже нѣсколько попорчены. Мясныя щи, заправленныя мукою, не рѣдко безъ хлѣба, молоко, соленая рыба—обычная пища зырянъ лѣтомъ. Зимою ихъ столъ разнообразится, когда изъ тундры и съ промысловъ привозится свѣжее оленье мясо, рыба и птица.

Самымъ главнымъ источникомъ благосостоянія и даже извѣстнаго богатства зырянъ Мохченской волости составляетъ оленеводство, широко развившееся на Печорѣ въ рукахъ, главнымъ образомъ, зырянъ-ижемцевъ. Тундра располагаетъ всѣми необходимыми для этого условіями. Олени лѣтомъ и зимою питаются подножнымъ кормомъ, преимущественно оленьимъ бѣлымъ мхомъ (ягелемъ), въ изобиліи растущимъ въ тундрѣ, и не требуютъ за собою особеннаго ухода, кромѣ защиты отъ хищныхъ звѣрей. Пастьба оленей въ большинствѣ случаевъ, за сравнительно скромное вознагражденіе, поручается зырянами пастухамъ-самоѣдамъ, а послѣднимъ помогаютъ печорскія лайки. Сами владѣльцы, полагаясь на пастуха, часто не знаютъ даже въ точности количества головъ въ своемъ стадѣ; вслѣдствіе этого, представляется крайне затруднительнымъ опредѣлить количество оленей въ тундрахъ, тѣмъ болѣе, что хозяева намѣренно скрываютъ число головъ въ своемъ стадѣ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ къ 1-му января 1896 года, всѣхъ оленей въ Печорскомъ уѣздѣ было 276,315 головъ. Доходность отъ оленеводства можно вывести изъ слѣдующихъ соображеній. Ежегодно изъ стада можетъ быть убита приблизительно пятая часть его, отъ чего, вслѣдствіе приплода, общая цифра головъ не уменьшится. Такимъ образомъ, изъ стада въ 500 штукъ оленей ежегодно можно убить 100 штукъ. За убитаго взрослаго оленя — его мясо, шкура и проч. — выручается до 6 рублей; слѣдовательно, за 100 штукъ—600 рублей; если на расходъ по пастьбѣ 500 оленей положить 100 рублей, то получается чистой прибыли 500 рублей, т.-е. 1 рубль на каждаго оленя. Олень доставляетъ своему владѣльцу все: шкура идетъ на одежду и постель, мясо въ пищу; кромѣ того, продукты оленеводства — шкуры, въ необдѣланномъ видѣ или въ видѣ замши, рога, шерсть, составляютъ видную статью печорской торговли. Изъ общаго числа оленей въ Печорскомъ уѣздѣ, въ количествѣ 276,315 головъ, самоѣдамъ принадлежитъ 46,950 оленей и зырянамъ Мохченской волости—194,120; слѣдовательно, на долю русскихъ и зырянъ прочихъ волостей приходится всего 35,245 оленей.

Часто раздаются упреки по отношенію къ зырянамъ, что они будто бы спаиваютъ самоѣдовъ, вслѣдствіе чего значительная часть стадъ, принадлежавшихъ когда-то послѣднимъ, перешла нынѣ въ руки ижемцевъ; при ближайшемъ знакомствѣ, какъ мы увидимъ ниже, при описаніи быта самоѣдовъ, это едва ли можетъ считаться вѣрнымъ. Нельзя не отдать справедливости зырянамъ въ томъ, что они сумѣли развить оленеводство и сдѣлать его производительнымъ. Самоѣдъ требуетъ отъ оленя только одного, чтобы онъ давалъ ему самое необходимое въ его неприхотливой жизни, т.-е. пищу и одежду, нисколько не заботясь объ увеличеніи числа оленей и извлеченіи изъ своего стада денежныхъ выгодъ; зырянинъ же старается увеличить число принадлежащихъ ему оленей, извлечь изъ нихъ возможныя выгоды и разумно воспользоваться продуктами, получаемыми отъ этихъ животныхъ. Вѣковой споръ зырянъ и русскихъ съ самоѣдами о правѣ пользоваться тундрами, — споръ, въ которомъ обѣ стороны съ ихъ точки зрѣнія, дѣйствительно, правы—въ концѣ-концовъ, долженъ быть разрѣшенъ такъ, какъ того требуютъ интересы государства и населенія всего края, а не преувеличенныя требованія сравнительно небольшой группы самоѣдскаго населенія. Никто, конечно, не станетъ отрицать извѣстныхъ правъ самоѣдовъ на тундру, которая должна обезпечивать ихъ жизненныя потребности; но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что должно лишить права пользоваться тундрою остальное населеніе и этимъ разорить его, тѣмъ болѣе, что тундровыя пространства столь обширны, что ихъ хватитъ на всѣхъ. Между тѣмъ, по климатическимъ и этнографическимъ условіямъ края, оленеводство представляется здѣсь столь же существенно необходимымъ, какъ, напримѣръ, въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ разведеніе скота. Безъ оленя житель Печорскаго края—тотъ же безлошадный и не имѣющій скота хозяинъ въ земледѣльческой полосѣ. Во всякомъ случаѣ, если и есть доля правды въ тѣхъ отчасти сантиментальныхъ жалобахъ на судьбу самоѣдовъ, какъ обездоленнаго племени, которыя такъ часто у насъ слышатся, то улучшенія ихъ быта едва ли можно ожидать отъ той правительственной опеки, предлагаемой нѣкоторыми радѣтелями за нихъ, которая должна, по ихъ мнѣнію, ограждать самоѣдовъ отъ всякихъ сношеній съ сосѣдями и преградить доступъ въ тундру зырянамъ и русскимъ. Наоборотъ, мнѣ кажется, улучшеніе ихъ быта и благосостоянія будетъ достигнуто только тогда, когда они войдутъ въ болѣе тѣсную связь съ остальнымъ населеніемъ и,

вслѣдствіе этого, ихъ умственный кругозоръ получитъ болѣе широкій просторъ. Совершенно закрыть доступъ въ тундру русскимъ и зырянамъ едва ли возможно и выполнимо; можно навѣрное сказать, что такая мѣра въ конецъ разорила бы край и отняла бы у него главныя его экономическія силы, такъ какъ оленеводство, важнѣйшая статья народнаго хозяйства на Сѣверѣ, въ рукахъ однихъ самоѣдовъ не получила бы никакого производительнаго значенія. Основывать права самоѣдовъ на давностномъ пользованіи ихъ тундрами и на нѣкоторыхъ старинныхъ актахъ и грамотахъ, предоставляющихъ имъ, будто бы, всѣ тундры въ исключительное владѣніе, едва ли вѣрно и цѣлесообразно; экономическія условія жизни мѣняются и подобныя грамоты теряютъ свое значеніе, а давность пользованія тундрами одинаково относится какъ къ самоѣдамъ, такъ и къ зырянамъ и русскимъ, а потому тундры, какъ цѣлое, могутъ быть разсматриваемы не иначе, какъ государственная собственность, такъ какъ онѣ никогда не состояли въ частномъ владѣніи того или другого лица и предоставлялись лишь въ пользованіе самоѣдамъ, въ мѣрѣ надобности.

Въ прежнее время эпизоотіи въ тундрѣ бывали довольно часты и уносили тысячи жертвъ; но въ послѣднее время, повидимому, при лучшемъ надзорѣ и уходѣ за оленями, повальныя болѣзни почти прекратились и съ каждымъ годомъ оленеводство все болѣе развивается. Если прослѣдить данныя о числѣ оленей въ Печорскомъ уѣздѣ за послѣднія шесть лѣтъ, то окажется, что число ихъ увеличилось почти на 50,000, при чемъ бо́льшая часть этого увеличенія приходится на Мохченскую волость.

Не считая оленей, принадлежащихъ самоѣдамъ, всего оленей состояло:

	Въ Печорскомъ уѣздѣ:	Изъ нихъ въ Мохченской волости:
въ 1890 г.	180,025	149,367
» 1891 »	191,576	164,814
» 1892 »	211,121	185,434
» 1893 »	218,825	187,667
» 1894 »	225,195	194,440
» 1895 »	229,365	194,128

Такимъ образомъ, количество оленей въ Мохченской волости, къ 1-му января 1896 года, составляетъ болѣе 84°/о общаго числа всѣхъ оленей въ уѣздѣ. Убыль, хотя и незначительная, 312 штукъ, въ этой волости въ 1895 году, сравнительно съ предшествующимъ го-

домъ, объясняется большимъ числомъ оленей, убитыхъ и проданныхъ въ этомъ году.

По запискамъ В. Н. Латкина, ѣздившаго въ Печору въ 1843 году, уже тогда самыми большими стадами владѣли ижмецы, всего до 120 тысячъ головъ.

О будущности зырянскаго племени можно почти съ увѣренностью сказать, что оно совершенно сольется съ русскою народностью, что уже произошло со многими другими финскими племенами, оказавшимися способными къ воспринятію культуры. Нѣтъ сомнѣнія, что таковыми являются и зыряне; они уже на полу-пути къ обрусѣнію, въ чемъ легко можетъ убѣдиться всякій, кто ближе познакомится съ ними; по своему домашнему быту они мало отличаются отъ русскихъ, религіозныя ихъ вѣрованія и управленіе— общія, съ осѣдлою жизнью они уже вполнѣ освоились и прежнія кочевыя наклонности совсѣмъ оставили. Они сохранили пока только свой языкъ; но такъ какъ у нихъ нѣтъ своей литературы и своихъ письменныхъ памятниковъ, то разстаться съ этимъ языкомъ имъ будетъ не трудно. Съ устройствомъ школъ, съ развитіемъ русской грамотности, съ расширеніемъ торговыхъ сношеній, всѣ зыряне будутъ говорить по-русски, и тогда исчезнетъ всякое различіе съ русскими, — исчезнетъ всякая память объ этомъ племени. Гдѣ сходятся два племени, менѣе культурное всегда подчиняется вліянію другого и ассимилируется съ нимъ,—это общій историческій законъ, вполнѣ подтверждаемый, между прочимъ, исторіею колонизаціи нашихъ инородческихъ земель. Такая ассимиляція спасаетъ, можетъ-быть, менѣе культурное племя отъ вымиранія, и, во всякомъ случаѣ, нѣтъ надобности искусственно ее задерживать.

IV.

Самоѣды[1]).

Историческія свѣдѣнія.—Образъ жизни.—Вѣрованія.—Семейная жизнь.—Нравы.—Промыслы.—Самоѣдское управленіе.

Совсѣмъ другимъ типомъ представляются самоѣды. Нѣкоторые этнографы полагають, что самоѣды принадлежать къ монгольскому племени и что настоящее отечество ихъ находится около верховьевъ рѣки Енисея, откуда они, тѣснимые другими народами, подвинулись на сѣверъ, а затѣмъ часть ихъ перешла на западную сторону Урала, привлекаемая сюда хорошими оленьими пастбищами, гдѣ и образовала группу архангельскихъ самоѣдовъ Печорскаго и Мезенскаго уѣздовъ. Когда совершилось это передвиженіе—неизвѣстно. Вообще историческія свѣдѣнія объ архангельскихъ самоѣдахъ крайне скудны. Извѣстно лишь, что племя это еще въ XI-мъ вѣкѣ платило дань новгородцамъ. Упоминаемый въ лѣтописи цѣлый рядъ походовъ новгородскихъ дружинъ на Печору и Югру, даетъ основаніе предполагать, что эти инородцы были въ то время народомъ воинственнымъ. Лѣтописецъ приводитъ нѣсколько такихъ походовъ, не всегда удачныхъ для новгородцевъ. Въ XV-мъ вѣкѣ, съ утратою независимости Новгорода, Печорскій край вмѣстѣ съ Двинскою землею перешелъ подъ власть Москвы, данниками которой сдѣлались и самоѣды. На первыхъ порахъ они, вмѣстѣ съ Зауральскими инородцами, пытались было также отстоять свою свободу, но основаніе Пустозерскаго острога въ 1499 году положило конецъ ихъ самостоятельности.

Названіе «самоѣдовъ» или «самоядн» еще въ XI-мъ вѣкѣ было извѣстно русскимъ. Существуетъ нѣсколько толкованій слова «самоѣдъ»; нѣкоторые производятъ его отъ «самъ единъ»,—дословный

---

[1]) Источники: 1) приложенія къ «Всеподданнѣйшимъ отчетамъ архангельскаго губернатора»; 2) отчеты Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета; 3) «Мезенскіе самоѣды». «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества». 1855 г.; 4) Фишеръ, «Сибирская исторія»; 5) Ядринцевъ, «Сибирскіе инородцы»; 6) Ефименко, «Народные юридическіе обычаи»; 7) Снѣгиревъ, «Отчетъ о поѣздкѣ въ Мезенскую тундру 1892—1893 гг.»; 8) Танфильевъ, «Въ тундрахъ Тиманскихъ самоѣдовъ». 1892 г.; 9) Латкинъ, «Самоѣды». «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». 1844 г.

переводъ самоѣдскаго «хасово», т.-е. человѣкъ, живущій уединенно; другіе видятъ корень этого слова въ лапландскомъ словѣ «саме». Лапландцы называютъ себя «Саме» или «Самбе», а землю свою «Самеядна».

Въ древнія времена лапландцевъ и самоядь, жившихъ по сосѣдству между собою, считали за одинъ народъ. Большинствомъ изслѣдователей быта самоѣдовъ это послѣднее толкованіе признается наиболѣе правдоподобнымъ. Во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ корень этого слова, нѣтъ основаній самоѣдовъ принимать

Станъ самоѣдовъ.

за людоѣдовъ; сами самоѣды въ однѣхъ мѣстностяхъ называютъ себя словомъ «ненецъ» (человѣкъ), а въ другихъ—«хасово» (мужъ), и въ ряду тѣхъ названій, которыя они получили отъ сосѣднихъ народовъ, нѣтъ ни одного, хотя сколько-нибудь соотвѣтствующаго русскому слову «самоѣдъ».

По лингвистическимъ особенностямъ самоѣдскаго языка и по антропологическимъ признакамъ—жесткимъ, прямымъ, чернымъ и глянцовитымъ волосамъ, желтоватой кожѣ, узкимъ и косымъ глазамъ, выдающимся скуламъ и плоскому носу—племя самоѣдовъ большинствомъ этнографовъ (Кастренъ, Мюллеръ, Гоардъ и др.)

выдѣляется въ особую группу, занимающую среднее мѣсто между монголами и финнами. Изслѣдователь быта инородцевъ Сибири, М. Н. Ядринцевъ, относя самоѣдовъ, вмѣстѣ съ енисейскими остяками и другими родственными имъ племенами, въ особую семью «саянцевъ», говоритъ, между прочимъ: «въ этихъ племенахъ, по нашему мнѣнію, лежатъ переходныя степени отъ чистыхъ монголовъ къ финнамъ».

Область, занятая нынѣ самоѣдами въ Архангельской губерніи, дѣлится на три земли или тундры: Большую землю—по-самоѣдски Aarka ja, Тиманскую или Малую землю—Nuda ja, т.-е. средняя земля, и Канинскую Sale ja, т.-е. носъ-земля, а по мѣстамъ приписки для взноса ясака самоѣды раздѣляются на пустозерскихъ, усть-цыльменскихъ, ижемскихъ и мезенскихъ.

Изъ всѣхъ инородцевъ Архангельской губерніи самоѣды, до сихъ поръ еще не оставляющіе кочевого образа жизни, болѣе другихъ сохранили слѣды родового быта,—особенно болѣе удаленные самоѣды Большеземельской тундры. У канинцевъ и тиманцевъ родовое начало уже замѣтно сгладилось и выдвинулось значеніе семьи, хотя они еще сохраняютъ въ памяти происхожденіе отдѣльныхъ семействъ отъ того или другого рода, но эти семейства нынѣ уже не связываются въ самостоятельныя родовыя единицы. На сколько родовъ подраздѣлялось самоѣдское племя,—въ точности неизвѣстно. Иславинъ, архимандритъ Веніаминъ и другіе называютъ, между прочимъ, слѣдующіе роды архангельскихъ самоѣдовъ: Тызіи, Логаи, Тарбареи, Выучеи, Хатанзеи, Валеи, Пириркп, Апичины и Ванюта.

До принятія христіанства, т.-е. до начала нынѣшняго столѣтія, самоѣды были послѣдователями шаманства; они вѣровали въ верховное существо (Нумъ), дьявола (Аа), духовъ (тадебціевъ) и домашнихъ боговъ (хеговъ). Высшій духъ, все сотворившій и господствующій надъ міромъ, есть Нумъ, который находится въ пространствѣ и посылаетъ громъ, молнію, дождь, снѣгъ и бурю. Самоѣды олицетворяютъ его въ солнцѣ, звѣздахъ, въ морѣ и во всѣхъ вообще явленіяхъ природы.

Общій мрачный взглядъ самоѣда на жизнь и на человѣка перенесенъ имъ и на высшее божество. Земля и весь родъ человѣческій, по его понятіямъ, настолько нечисты, что Нумъ никогда не смотритъ на нихъ. Тѣмъ не менѣе, человѣкъ за хорошую жизнь получаетъ отъ Нума оленей, лисицъ и всякаго рода богатства, а

за дурную, напротивъ, терпитъ нищету. О будущей жизни самоѣды, повидимому, не имѣли никакого представленія. Дьявола Аа они считали злымъ духомъ, котораго надлежало постоянно умилостивлять, принося ему въ жертву оленя или собаку. Кромѣ дьявола, въ миѳологіи самоѣдовъ существовалъ еще цѣлый рядъ другихъ боговъ, подвластныхъ Нуму: это хитрые и злые духи — «тадебціи»; число ихъ неопредѣленное и они постоянно вредятъ людямъ, несмотря на запрещеніе Нума. Эти духи нѣсколько сходны съ «хегами»—домашними богами, которымъ самоѣды открываютъ свои желанія и къ которымъ обращаются за помощью во всѣхъ предпріятіяхъ, особенно на охотѣ. Но между хегами и тадебціями то различіе, что съ первыми можетъ бесѣдовать всякій, тогда какъ вторые доступны лишь особымъ жрецамъ—тадебеямъ. Хеги бываютъ двухъ родовъ: искусственные и естественные; первыхъ дѣлали сами самоѣды въ видѣ грубыхъ подобій человѣка, а вторыми служили куски камня, дерева или другіе предметы природы, находимые самоѣдами въ тундрѣ и почему-либо годные, по ихъ богословскимъ понятіямъ, служить богами. Найдя такую рѣдкость, самоѣды окутывали ее разными пестрыми лоскутками и на особыхъ небольшихъ санкахъ возили съ собою всюду, куда бы только ни отправлялись. Но были и другіе хеги, которые принадлежали цѣлому народу и ставились при такихъ урочищахъ, гдѣ самоѣды собирались въ большомъ количествѣ для промысла звѣрей, для рыбной ловли и пастьбы оленей; они обыкновенно состояли изъ скалъ и камней, похожихъ фигурою на человѣка. По образцу уже этихъ кумировъ самоѣды ставили деревянныхъ, большихъ и малыхъ, боговъ, которыхъ называли «сядеями». Группа такихъ деревянныхъ «сядеевъ» была найдена въ 1856 году въ южной части острова Вайгача, а съ ними вмѣстѣ и фигуры двухъ главныхъ самоѣдскихъ идоловъ — «Весако» (старикъ) и «Хадако» (бабушка). На мѣстахъ охоты мелкіе «сядеи» ставились, преимущественно, у песцовыхъ и лисьихъ норъ.

Обращаясь съ просьбою къ своимъ богамъ, самоѣдъ долженъ непремѣнно принести имъ жертву. Когда просятъ о счастливой охотѣ, то жертву можетъ приносить всякій; при болѣе же важныхъ обстоятельствахъ, жертвоприношеніе должно быть совершено тадебеемъ. Тадебей у самоѣдовъ игралъ роль фокусника и самъ-по-себѣ или ничего не значилъ, или значилъ очень мало. Все его значеніе сводилось къ тому, что онъ могъ вступать въ общеніе съ хитрыми и лукавыми тадебціями, которые только надъ старикомъ-та-

дебеевъ могутъ посмѣяться и запутать его ложными изреченіями. Поэтому, главными достоинствами тадебея признавались сила, здоровье и ловкость, особенно необходимыя въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось, во время вызыванія духовъ и переговоровъ съ ними, колоть себя ножомъ или другимъ острымъ орудіемъ. На практикѣ, однако, наибольшую ловкость тадебеи старались проявить на жертвахъ, которыхъ они истребляли съ поразительною быстротою, удѣляя въ то же время божеству самую скудную частицу. О происхож-

Видъ тундры близъ с. Семжи съ могилами самоѣдовъ.

деніи тадебеевъ извѣстно очень мало. Званіе это передавалось по наслѣдству, почему уже съ молодыхъ лѣтъ, подъ руководствомъ отца, тадебей посвящался въ ту область таинственнаго, которая дѣлалась впослѣдствіи его ремесломъ. Посвященный въ свое искусство, тадебей всегда ходилъ въ особой замшевой рубашкѣ, съ украшеніями изъ краснаго сукна и металлическими привѣсками, и носилъ при себѣ бубенъ изъ оленьей кожи съ побрякушками. Рѣзкіе звуки, издаваемые этимъ инструментомъ, постепенно возбуждали тадебея и привлекали къ нему вниманіе тадебіевъ, постоянно погруженныхъ въ сонъ.

Желая начать разговоръ съ ними, тадебей начиналъ тихо ударять деревянною палочкою въ свой бубенъ и затѣмъ, подогрѣвъ кожу на огнѣ, отчего она сильнѣе натягивалась и звучала болѣе рѣзко, постепенно усиливалъ удары, производя сильные, рѣзкіе звуки и сопровождая ихъ тихою протяжною пѣснею. Когда, по его расчету, тадебціи должны были уже явиться, онъ умолкалъ и начиналъ мнимый разговоръ съ ними, а затѣмъ сообщалъ слушателямъ рѣшеніе духовъ, состоявшее обыкновенно въ приказаніи принести жертву Нуму или дьяволу, или же самимъ тадебціямъ. Нуму обыкновенно на высокой горѣ приносился въ жертву бѣлый олень, а остальнымъ духамъ можно было жертвовать и собаку. Самый обрядъ жертвоприношенія состоялъ въ томъ, что животное давили или закалывали, отрубленную его голову вѣшали на колъ, а мясо сырое съѣдали тутъ же.

Ни храмовъ, ни кумиренъ для постояннаго совершенія своихъ обрядовъ самоѣды не имѣли; у нихъ существовали для этого избранныя мѣста — горы или урочища, изобиловавшія звѣрями или оленями, какъ, напр., островъ Вайгачъ, роща Кузьминъ перелѣсокъ, близъ города Мезени, и т. д.

Кодексъ нравственныхъ правилъ самоѣдовъ-язычниковъ, по свидѣтельству лицъ, знакомыхъ съ прежнимъ ихъ бытомъ, содержалъ въ себѣ немало согласнаго и съ христіанствомъ. Воровство, обиды, убійство, гордость, излишество считались предосудительными и строго предписывалось почитать боговъ, родителей и старшихъ, заботиться о своемъ семействѣ, помогать нуждающимся и т. д.

Вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ русскими, самоѣды еще до принятія христіанства усвоили себѣ нѣкоторыя христіанскія вѣрованія. Архимандритъ Веніаминъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что особеннымъ почитаніемъ у самоѣдовъ издавна пользовался Николай Чудотворецъ. «Почитай великаго Николу и выполняй обѣтъ, какой далъ слугѣ Божію Николѣ» — было у нихъ давно уже общимъ правиломъ.

Первыя серьезныя мѣры къ искорененію язычества среди самоѣдовъ были приняты въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Въ 1822 г., когда нѣкоторые самоѣды Канинской тундры сами изъявили желаніе креститься, особой духовной миссіи, подъ руководствомъ сійскаго архимандрита Веніамина, было поручено обращеніе самоѣдовъ въ христіанство. Архимандритъ Веніаминъ началъ свои миссіонерскіе труды съ Пустозерскаго прихода, при устьяхъ

Печоры, куда стекались старшины и болѣе вліятельные самоѣды изъ большеземельцевъ для торговли и по другимъ дѣламъ. Въ теченіе шести лѣтъ миссіонерамъ, несмотря на небольшое ихъ число и тяжелыя климатическія условія, удалось обратить въ православіе во всѣхъ тундрахъ до 3,000 человѣкъ. Наибольшее число новообращенныхъ принадлежало къ самоѣдамъ Канинской и Тиманской тундръ, какъ лучше знакомыхъ съ русскимъ языкомъ и вообще чаще сталкивавшихся до этого съ русскими. Большеземельцы, не зная по-русски и живя далеко въ своей тундрѣ, трудно отстаютъ отъ своихъ старыхъ вѣрованій. Въ настоящее время, хотя офиціально въ Архангельской губерніи среди самоѣдовъ не считается язычниковъ, нѣкоторые изъ нихъ, какъ говоритъ нашъ извѣстный писатель-этнографъ С. В. Максимовъ, «до сихъ поръ носятъ крестъ, чтобы показывать начальству, а за пазухой, на всякій случай, держатъ деревянныя чурочки боговъ». Причины того, что языческія традиціи, видоизмѣненныя нѣсколько подъ вліяніемъ христіанства, сохраняются еще до сихъ поръ между самоѣдами заключаются, главнымъ образомъ, въ условіяхъ кочевой жизни въ безлюдныхъ тундрахъ и въ характерѣ и административной обособленности ихъ отъ остального населенія края. Въ характерѣ самоѣдовъ есть много общаго съ финнами. Подобно послѣднимъ, они подозрительны, скрытны, упрямы, тяжелы на подъемъ и настойчивы въ исполненіи задуманнаго. Съ другой стороны, постоянная готовность услужить и помочь чѣмъ-нибудь ближнему и вѣрность данному слову составляютъ всѣми признанныя, хорошія ихъ качества. Кочевой образъ жизни самоѣдовъ обусловленъ, главнымъ образомъ, оленеводствомъ. Есть у самоѣда стадо оленей въ 40 — 50 головъ, онъ бродитъ съ нимъ по тундрѣ и ни за что не согласится поселиться на опредѣленномъ мѣстѣ; даже съ десяткомъ оленей, или вовсе ихъ не имѣя, онъ скорѣе идетъ къ богатому родственнику или къ зырянину въ качествѣ работника и пасетъ его стада. Только полная невозможность пристроиться къ какому-нибудь оленеводу вынуждаетъ самоѣда перемѣнить бродячую жизнь на осѣдлую. Несмотря на такой взглядъ на осѣдлость, осѣдлыхъ или, вѣрнѣе, полуосѣдлыхъ самоѣдовъ въ настоящее время насчитывается уже около 1,500 человѣкъ.

Изъ самоѣдскихъ поселеній самое крупное—Кожвенское, при устьѣ рѣки Кожвы, основанное при содѣйствіи миссіонеровъ въ тридцатыхъ годахъ этого столѣтія. Исланинъ, посѣтившій ко-

лонію въ 1842 году, нашелъ въ ней всего 12 избъ, а въ 1892 году, по словамъ Снѣгирева, она состояла уже изъ 38 жилыхъ благоустроенныхъ домовъ, съ населеніемъ въ 230 человѣкъ. Жители занимаются промысломъ рыбы въ р. Кожвѣ, отчасти земледѣліемъ (сѣютъ ячмень) и скотоводствомъ. Внѣшній видъ селенія весьма удовлетворительный и своею опрятностью даже отличается отъ мѣстныхъ русскихъ и зырянскихъ поселковъ. Въ Усть-Кожвѣ есть церковь и школа. Другія поселенія самоѣдовъ разбросаны въ различныхъ мѣстахъ тундръ и представляютъ, по большей

Самоѣды становища Хабарово, у Югорскаго Шара.

части, или отдѣльныя избы, или группы ихъ въ 2—3 двора. Въ такихъ избахъ проживало въ 1892 г. 376 человѣкъ; 30 семействъ занимались хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и промыслами, а 20 только промыслами. Первыя 30 семей имѣли по 1—2 лошади, 1—3 коровы и 1—10 овецъ на дворъ, высѣвали хлѣба по 3—18 пудовъ на хозяйство и вообще жили гораздо зажиточнѣе, чѣмъ семьи, существовавшія только на счетъ промысла. Что же касается остальныхъ осѣдлыхъ самоѣдовъ, то они живутъ безъ опредѣленныхъ занятій въ русскихъ и зырянскихъ селеніяхъ; большинство ихъ народъ праздный, не привыкшій къ постоянному труду и бор-

мяційся собираніемъ милостыни. Остальные самоѣды Архангельской губерніи до сихъ поръ ведутъ кочевой образъ жизни, постоянно переходя по тундрамъ изъ одного мѣста въ другое, со своими или чужими оленями и съ походными жилищами — чумами.

Самоѣдскій чумъ устраивается въ видѣ шатра, изъ нѣсколькихъ длинныхъ шестовъ, конусообразно втыкаемыхъ въ землю и покрытыхъ лѣтомъ берестой и хворостомъ, а зимою—оленьими шкурами; два отверстія, сбоку и сверху, служатъ: первое—для входа въ чумъ, а второе—для дыма. Посрединѣ чума находится желѣзный листъ, на которомъ разводится огонь для согрѣванія шатра и для приготовленія пищи, состоящей, главнымъ образомъ, изъ рыбы, мяса и жира оленей и морскихъ звѣрей. Хлѣба самоѣды употребляютъ самое незначительное количество. Хлѣбъ, замѣшанный на водѣ, печется или, скорѣе, жарится на огнѣ, на подобіе лапландской «рески», а иногда мукою заправляется и похлебка изъ рыбы или мяса. Вообще самоѣдъ не разборчивъ въ пищѣ и смотритъ болѣе на ея количество, чѣмъ на качество, набивая свой желудокъ нерѣдко даже полусгнившимъ мясомъ. Если у самоѣда есть достаточный запасъ пищи, онъ ѣстъ много и съ жадностью, а въ случаѣ недостатка въ ней, способенъ голодать по нѣскольку дней.

Одежда самоѣдовъ состоитъ изъ «малицы», сшитой изъ оленьихъ шкуръ, шерстью къ тѣлу, или «совика» — изъ такихъ же шкуръ, шерстью вверхъ; такой костюмъ имѣетъ форму мѣшка съ рукавами и облегаетъ самоѣда всего, съ головы до ногъ. Обувью служатъ «люпты» и «пимы»—родъ чулковъ и сапоговъ изъ оленьей же шкуры. Женская одежда почти не разнится отъ мужской въ покроѣ и только многочисленныя нашивки и выпушки изъ разноцвѣтнаго сукна придаютъ ей особенную пестроту. Украшеніемъ мужской одежды служатъ пояса изъ ремней, унизанные металлическими пуговицами.

Все завѣдываніе домашнимъ имуществомъ самоѣдской семьи лежитъ на женщинѣ (пнька). Въ то время, какъ самоѣдъ уѣзжаетъ на промыслы, пасетъ оленей, женщина проводитъ бо́льшую часть времени въ чумѣ и заботится о немъ. При постоянныхъ перекочевкахъ, она должна убрать и разставить чумъ на новомъ мѣстѣ, разостлать внутри оленьи шкуры и т. д. Она же должна приготовить пищу, заготовить дрова, развести огонь, запастись водою, а въ свободное время обдѣлывать шкуры и шить изъ нихъ одежду и полости для чума. Но, несмотря на такую важную роль

въ хозяйствѣ, женщина въ глазахъ самоѣда не пользуется никакимъ уваженіемъ: она считается существомъ низменнымъ, не чистымъ. Поэтому, въ прежнее время, самоѣдка не могла, напримѣръ, присутствовать при жертвоприношеніяхъ, ѣсть жертвеннаго мяса и прикасаться къ божку; дозволялось только ѣсть мясо медвѣдя,—священнаго, по понятіямъ самоѣдовъ, животнаго,—и переступать черезъ огонь. Женщина не можетъ принимать участія въ пиршествѣ мужчинъ; ей разрѣшаютъ только пользоваться объѣдками. Вообще положеніе женщины въ самоѣдской семьѣ крайне тягостно и унизительно. Но самоѣдка такъ свыклась съ своею судьбою, что всякое понятіе о лучшей жизни ей чуждо. Деспотичный складъ семьи, однако, не распространяется у самоѣдовъ въ сферу ихъ общественныхъ сношеній; между собою и съ своими сосѣдями они довольно общительны, дружелюбны и честны. Только подъ вліяніемъ сильно распространеннаго среди нихъ пьянства, стали прививаться самоѣдамъ нѣкоторыя дурныя качества, какъ, напримѣръ, плутоватость, склонность къ обману и т. п. Изъ преступленій наиболѣе развита кража оленей, причемъ чаще всего крадутъ пастухи у своихъ же хозяевъ.

Въ литературѣ, а вслѣдъ за нею и въ административныхъ сферахъ, сложилось почему-то убѣжденіе, что самоѣды не способны къ воспринятію культуры и, по мѣрѣ проникновенія русскихъ и зырянъ въ тундры, племя это, будто бы, постепенно вымираетъ. Мнѣ кажется, предположеніе это установилось изъ тѣхъ теоретическихъ соображеній, что самоѣдъ, неохотно и только въ крайнемъ случаѣ переходя къ осѣдлой жизни, принужденъ влачить свое существованіе при условіяхъ жалкой, въ глазахъ культурнаго человѣка, обстановки его экономическаго быта, гигіеническихъ условій жизни, питанія и нерѣдко значительной смертности отъ повальныхъ болѣзней. Вѣрное заключеніе по этому вопросу можетъ быть сдѣлано только на основаніи болѣе или менѣе положительныхъ статистическихъ данныхъ. Къ сожалѣнію, имѣющіяся въ настоящее время офиціальныя статистическія свѣдѣнія о количествѣ самоѣдовъ охватываютъ слишкомъ незначительный періодъ времени и притомъ за прежніе годы не отличаются абсолютною вѣрностью, такъ какъ посемейные списки самоѣдовъ начали вести лишь въ недавнее время.

Въ отчетахъ Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета имѣются слѣдующія свѣдѣнія о числѣ самоѣдовъ съ 1844 г.

Въ	1844 г.	по Штукенбергу «Опис. Арх. губ.»	5,540	челов.
»	1847 »	Справ. кн. Арх. губ. на 1850 г., стр. 46	5,557	»
»	1848 »	тамъ же	5,752	»
»	1850 »	Справ. кн. Арх. губ. на 1852 г., стр. 62	5,746	»
»	1857 »	по Штукенбергу	5,893	»
»	1857 »	Арх. сборникъ	5,938	»
»	1863 »	Памятн. кн. на 1864 г., стр. 4, прим.	6,701	»
»	1864 »	Памятн. кн.	5,668	»
»	1873 »	Справ. кн. на 1875 г., стр. 19	6,050	»
»	1879 »	Отч. статист. ком.	5,598	»
»	1880 »	то же	5,598	»
»	1882 »	то же	5,994	»
»	1885 »	то же	5,555	»
»	1886 »	то же	6,267	»
»	1889 »	то же	5,424	»
»	1890 »	то же	5,400	»
»	1891 »	то же } провѣрено	5,380	»
»	1892 »	то же } г. Снѣгиревымъ	5,380	»
»	1893 »	Отч. статист. ком.	5,466	»
»	1894 »	то же	7,049	»
»	1895 »	то же	6,858	»

Нѣтъ сомнѣнія, что цифры эти, какъ показываютъ значительныя, ничѣмъ не оправдываемыя колебанія ихъ, не опредѣляютъ точно дѣйствительнаго числа самоѣдовъ за каждый годъ; тѣмъ не менѣе, изъ нихъ все-таки можно сдѣлать болѣе или менѣе правдоподобный выводъ о движеніи самоѣдскаго населенія за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

Къ 1895 году число самоѣдовъ въ Архангельской губерніи считалось 7,049 человѣкъ обоего пола; цифра эта губернскимъ статистическимъ комитетомъ была опредѣлена на основаніи посемейныхъ списковъ, составленныхъ самоѣдскими старшинами по каждой тундрѣ отдѣльно, и провѣрена мѣстными чиновниками по крестьянскимъ дѣламъ, а потому заслуживаетъ довѣрія. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, по офиціальному отчету за 1844 годъ, самоѣдовъ насчитывалось 5,540 человѣкъ. Если допустить, что при опредѣленіи численности самоѣдовъ въ 1844 году, часть ихъ не была зарегистрована, то, во всякомъ случаѣ, число самоѣдовъ въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ не уменьшилось. Но при этомъ необходимо принять еще въ расчетъ, что самоѣды, хотя и медленно, но всетаки сливаются съ своими сосѣдями, русскими и зырянами, и, слѣдовательно, часть ихъ, перешедшая въ зырянскія и русскія селенія и приписанная уже къ русскимъ волостямъ, за этотъ періодъ времени не вошла въ общую сумму самоѣдскаго населенія.

Если бы самоѣды дѣйствительно вымирали, то фактъ этотъ въ теченіе 50-ти лѣтъ, во всякомъ случаѣ, выяснился бы болѣе рельефно. Но если изложенныя данныя не устанавливаютъ точно факта прироста самоѣдскаго населенія, то, съ другой стороны, они не подтверждаютъ предположеній о его вымираніи подъ вліяніемъ экономическихъ и соціальныхъ условій, будто бы, неблагопріятно отзывающихся на существованіи этого племени.

Главную основу экономическаго благосостоянія самоѣдовъ составляютъ оленеводство, лѣсная охота, ловля рѣчной и озерной рыбы и промыселъ морского звѣря, — словомъ, всѣ важнѣйшія отрасли промышленности Сѣвера. Обиліе естественныхъ богатствъ въ тундрѣ и у моря, даже при самой незначительной энергіи промышленника, само-по-себѣ должно давать ему громадные доходы, тѣмъ болѣе, что коренные обитатели тундры, какъ нельзя лучше, ознакомлены съ мѣстными промыслами и условіями ихъ производства,—знаютъ, въ какое время года, что̀ и гдѣ лучше можно промыслить. Отсутствіе какихъ-либо путей сообщенія здѣсь не имѣетъ того рокового значенія, какъ въ другихъ безлюдныхъ мѣстностяхъ, такъ какъ подъ рукою есть прекрасное перевозочное средство — олень, для котораго не надо ни хорошо устроенныхъ дорогъ, ни станцій, ни даже запасовъ корма; онъ круглый годъ самъ себѣ находитъ пищу и не требуетъ никакого ухода, кромѣ защиты отъ хищныхъ звѣрей. Несмотря, однако, на такія благопріятныя условія, экономическое положеніе самоѣдовъ далеко не завидно. Фактъ этотъ замѣчается всѣми, наблюдавшими бытъ самоѣдовъ. Причину этого явленія объясняютъ многіе «вторженіемъ», будто бы, въ тундру зырянъ и русскихъ. На всѣ лады повторяется, что у самоѣдовъ были когда-то огромныя стада оленей, что эти олени перешли въ руки зырянъ и русскихъ, которые захватили ихъ частью обманомъ, частью явнымъ насиліемъ; что тѣ же зыряне и русскіе отбили у самоѣдовъ всѣ промысловыя мѣста, обзавелись нужными снастями и снарядами, которыхъ негдѣ взять бѣдному самоѣду; что, пользуясь пристрастіемъ самоѣдовъ къ пьянству, они ввозили въ тундры вино и эксплоатировали пьяныхъ самоѣдовъ. На самомъ же дѣлѣ, данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы, насколько велико было оленеводство у самоѣдовъ до поселенія въ тундрахъ русскихъ и зырянъ, нѣтъ никакихъ. Всѣмъ бросалось лишь въ глаза, что недавніе сравнительно пришельцы завели себѣ значительныя стада, и оленеводство зырянъ и русскихъ растетъ, тогда какъ у самоѣдовъ оно не

увеличивается. Быстрый успѣхъ дѣла у однихъ и застой у другихъ, а также отдѣльные случаи обмана самоѣдовъ новыми поселенцами, вѣроятно, и подали поводъ къ предположенію, что самоѣды безпощаднымъ образомъ эксплоатируются зырянами и русскими. Дѣло, какъ мнѣ кажется, совсѣмъ не въ зырянахъ и русскихъ. Самоѣдъ смотритъ на своихъ оленей не какъ на капиталъ, изъ котораго онъ могъ бы извлекать опредѣленныя выгоды и составлять извѣстныя денежныя сбереженія, а какъ на предметъ, необходимый для удовлетворенія его вседневныхъ потребностей. Олень перевозитъ его съ семьею и жилищемъ съ мѣста на мѣсто, изъ его шкуры онъ шьетъ себѣ платье и строитъ свой чумъ, его же мясомъ онъ питается. О сбереженіяхъ, о завтрашнемъ днѣ самоѣдъ не заботится; поэтому онъ и не особенно хлопочетъ о постоянномъ увеличеніи своего стада. Если у него есть 50—100 оленей, — съ него и довольно, а чѣмъ меньше стадо, тѣмъ медленнѣе оно можетъ увеличиваться, такъ какъ весь приплодъ уходитъ на пищу и одежду. Владѣльцу стада менѣе 50 головъ рѣдко удается его увеличить, несмотря на быстрое размноженіе оленей, тѣмъ болѣе, что объ уходѣ за оленями, объ улучшеніи породы, самоѣдъ заботится мало; въ запряжку употребляются молодые олени вмѣстѣ съ взрослыми, вслѣдствіе чего порода мельчаетъ, олени дѣлаются слабосильными и скорѣе гибнутъ, — особенно въ молодомъ возрастѣ и въ случаѣ эпизоотій. Между тѣмъ, при безпечности самоѣда и по неимѣнію сбереженій, какъ только онъ лишится своего стада, ему трудно сразу подняться на ноги и завести новыхъ оленей; а безоленный самоѣдъ—это нищій, который ни за что взяться не умѣетъ и въ лучшемъ случаѣ нанимается въ пастухи къ зырянину или русскому. Для него, въ сущности, безразлично, пасетъ ли онъ свое или чужое стадо; онъ—въ своей сферѣ, кочуетъ по тундрамъ, можетъ заниматься всякимъ промысломъ, сытъ, благо о немъ заботится хозяинъ. Хорошими пастухами, понятно, дорожатъ, потому что лучшаго пастуха, какъ самоѣдъ, найти трудно, — это его профессія по традиціямъ и по вѣковой привычкѣ.

Совсѣмъ иначе смотритъ на оленя зырянинъ; для него оленеводство представляетъ предпріятіе, которое даетъ ему хорошій, опредѣленный доходъ. Выше мы уже говорили, что зырянинъ получаетъ, по меньшей мѣрѣ, по одному рублю дохода съ каждаго оленя и старается, по возможности, увеличить свое стадо и вести дѣло на раціональныхъ началахъ. Баснословно большихъ стадъ въ

10,000 и болѣе головъ, которыми, будто бы, владѣли когда-то самоѣды, нѣтъ ни у нихъ самихъ, ни у зырянъ. Во всемъ Печорскомъ краѣ только у одного самоѣда есть стадо въ 6,000 головъ и у одного зырянина 4,000 головъ. Даже стадъ свыше 1,000 головъ очень немного. Оно и понятно: съ большимъ стадомъ кочевать очень трудно и для него не вездѣ найдешь въ одномъ мѣстѣ достаточно корма, да и надзоръ за нимъ надо большой, а въ случаѣ эпизоотій соотвѣтственно увеличиваются и потери. Чтобы составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное представленіе о томъ, въ какомъ положеніи находится оленеводство у самоѣдовъ и у зырянъ, обратимся къ имѣющимся, хотя и не полнымъ, цифровымъ даннымъ.

Въ 1847 году, по изслѣдованіямъ Штукенберга, у самоѣдовъ имѣлось 95,000 оленей. Затѣмъ, въ 1892 году, послѣ цѣлаго ряда падежей 80-хъ годовъ, по подробнымъ разслѣдованіямъ Снѣгирева, оленей у самоѣдовъ насчитывалось 79,677 штукъ. Изъ этихъ цифръ видно, что общее количество оленей у самоѣдовъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ измѣнилось сравнительно незначительно. Если мы затѣмъ примемъ во вниманіе, что все самоѣдское населеніе состоитъ изъ 1,750 семействъ, въ числѣ около 7,000 душъ, и что для безбѣднаго существованія самоѣдской семьи нужно, по крайней мѣрѣ, 50 оленей, т.-е. 87,500 штукъ, то окажется, что число оленей, которыми нынѣ владѣютъ самоѣды, было бы нормальнымъ, будь оно только распредѣлено между ними болѣе или менѣе равномѣрно. Въ дѣйствительности же число оленей между самоѣдскимъ населеніемъ распредѣляется такимъ образомъ:

у 439	семействъ	по	1 — 50	оленей; всего	11,300 головъ.
125	»	»	51 — 100	» »	8,300 »
53	»	»	101 — 200		
41	»	»	201 — 500		
19	»	»	501 — 1000	. . . . . .	60,077 »
8	»	»	1001 — 2000		
1	»	до	6000		
686 семей.				Итого . .	79,677 головъ.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что бо́льшая часть оленей сосредоточена въ рукахъ 122-хъ болѣе крупныхъ хозяевъ, которые владѣютъ слишкомъ 60,000 оленей, тогда какъ остальные владѣльцы, въ числѣ 564 семействъ, имѣютъ всего около 20,000 головъ, т.-е., въ среднемъ, около 35-ти штукъ на семью. Каждый годъ изъ этихъ 564 семействъ нѣкоторая часть утрачиваетъ, по раз-

нымъ случайностямъ, послѣдній десятокъ своихъ оленей и переходитъ, такимъ образомъ, въ разрядъ безоленныхъ. Отдѣльно такія семьи кочевать не могутъ; онѣ обыкновенно соединяются группами въ 2—3 семьи и кочуютъ въ тундрахъ сообща, пока не съѣдятъ послѣднихъ оленей.

Совсѣмъ не такъ распредѣлены олени между оленеводами-зырянами. Еще въ 1842 году, по свидѣтельству Иславина, среди зырянъ Мохченской волости было 244 оленевода, владѣвшихъ 120,470 оленями, а въ 1892 году Снѣгиревъ въ трехъ зырянскихъ волостяхъ — Мохченской, Красноборской и Усть-Кожвенской насчитывалъ уже 739 оленеводовъ, владѣвшихъ 207,115 оленями.

Общее число принадлежащихъ нынѣ зырянамъ оленей распредѣляется между ними слѣдующимъ образомъ:

по 1 — 50	оленей	 246	семействъ.
» 51 — 100	»	 129	»
» 101 — 500	»	 245	»
» 501 — 1000	»	 82	»
» 1001 — 2000	»	 36	»
до 4000	»	 1	»
Всего . 207,115	оленей	на 739	семействъ.

Изъ этихъ данныхъ видно, что зыряне уже издавна занимались оленеводствомъ. О движеніи русскихъ и зырянъ въ тундры имѣются свѣдѣнія уже въ XVI-мъ вѣкѣ; тогда еще самоѣды жаловались московскимъ царямъ на обиды со стороны зырянъ. Такъ, грамотою Іоанна IV отъ 15-го апрѣля 1545 года, Канинскимъ и Тиманскимъ самоѣдамъ предоставлены рыбныя ловли и звѣриные урожаи «по старинѣ». Грамота эта не возбраняла доступа въ тундры зырянамъ и русскимъ, но запрещала только отнимать у самоѣдовъ занятые ими промысловые пункты. Такимъ образомъ, русскіе и зыряне издавна фактически пользовались тундрами для промысловъ и для пастьбы оленей, а потому едва ли представляется достаточно основаній признавать за самоѣдами право исключительнаго пользованія ими, какъ это предлагаютъ защитники самоѣдской самобытности. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, выселить изъ тундры слишкомъ 20,000 человѣкъ зырянъ, съ болѣе чѣмъ 200,000 оленей, живущихъ здѣсь уже нѣсколько вѣковъ и составляющихъ главную экономическую силу края, для того только, чтобы дать возможность небольшой кучкѣ самоѣдовъ безпечно гулять по тундрамъ и охранить ихъ отъ вреднаго на нихъ вліянія.

Многіе, между прочимъ, утверждали, что тундры должны быть предоставлены исключительно самоѣдамъ и потому, что съ увеличеніемъ числа оленей, въ тундрѣ, будто бы, истощаются пастбища, съ лишеніемъ коихъ самоѣды должны будутъ окончательно погибнуть. Въ дѣйствительности, по изслѣдованіямъ Снѣгирева, оказывается, что на одной квадратной верстѣ средняго качества тундроваго пространства, безъ его истощенія, въ теченіе одного года могутъ прокормиться отъ 4-хъ до 5-ти оленей, а такъ какъ архангельскія тундры занимаютъ площадь около 250,000 кв. верстъ, то онѣ, слѣдовательно, вполнѣ могутъ прокормить до одного милліона оленей; такого числа оленей съ избыткомъ хватитъ на всѣхъ — на самоѣдовъ, зырянъ и русскихъ.

За стадомъ до 500 головъ присматриваетъ обыкновенно самъ владѣлецъ. Стада свыше 500 штукъ разбиваются на нѣсколько отдѣльныхъ стадъ и для ихъ пастьбы нанимается пастухъ, обыкновенно изъ самоѣдовъ.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ установившагося мнѣнія о необходимости оградить самоѣдовъ отъ нанимателей были изданы особыя правила, которыя вошли въ Высочайше утвержденный 18-го апрѣля 1835 г. Уставъ объ управленіи самоѣдами. По этому положенію, самоѣдамъ предоставлено право заключать условія найма на срокъ не болѣе одного года. Если условіе заключено словесно, на одномъ лишь личномъ довѣріи, то оно не подлежитъ судебному разбирательству ни у самоѣдскихъ старостъ, ни въ волостныхъ правленіяхъ или другихъ присутственныхъ мѣстахъ; въ такихъ случаяхъ сторонамъ предоставляется право разбираться полюбовно черезъ посредниковъ, и разборъ этотъ считается окончательнымъ. При наймѣ на основаніи письменныхъ условій, между хозяиномъ и работникомъ каждый годъ должны производиться расчеты для выясненія того, кто кому остается долженъ, при чемъ, если окажется, что работникъ остался должнымъ хозяину болѣе 5 рублей, то долгъ его считается возникшимъ «безъ дозволенія начальства» и не подлежитъ никакому иску.

Упомянутый уставъ 1835 года предоставляетъ самоѣдамъ самыя широкія права по самоуправленію. Во внутреннихъ своихъ дѣлахъ самоѣды управляются по обычаямъ своего племени собственными старшинами, избираемыми по одному на каждую тундру. Старшины являются единственными посредниками между самоѣдами и мѣстною администраціею. Для удобства самоѣдовъ, въ болѣе

удобное для нихъ время назначаются общественныя собранія (суглаты), на которыхъ чинится разборъ дѣлъ между ними. По общимъ законамъ самоѣды судятся только за самыя тяжкія преступленія; всѣ менѣе важные проступки, не исключая кражъ, разбираются по ихъ обычаямъ.

Несмотря, однако, на такія значительныя привилегіи, самоѣды не сумѣли упрочить своей самостоятельности и своего экономическаго положенія. Это неумѣніе самоѣда видно не только въ положеніи оленеводства, но и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ промышленности, какими бы онъ ни занимался. Такъ, напримѣръ, морской звѣриный промыселъ производится по всему побережью океана отъ устьевъ рѣки Мезени до рѣки Кары и на островахъ Вайгачѣ, Колгуевѣ, Матвѣевѣ, Долгомъ, Варандеѣ; здѣсь бьютъ моржей, нерпъ, морскихъ зайцевъ, бѣлухъ и бѣлыхъ медвѣдей. Промыселъ этотъ находится почти исключительно въ рукахъ самоѣдовъ, которые на лѣто перекочевываютъ сюда со своими стадами, и отъ нихъ самихъ зависѣло бы извлекать изъ него всевозможныя выгоды. Но неумѣніе обезпечить себѣ сбытъ добычи ведетъ къ тому, что они вынуждены бываютъ отдавать ее скупщикамъ по произвольной цѣнѣ. Самоѣды въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ своей собственной обстановки для промысла—судна, снастей, ружей и т. д. Русскіе скупщики разъѣзжаютъ по всему берегу, сами обыкновенно не промышляютъ, а составляютъ изъ самоѣдовъ артели въ 5—8 человѣкъ, даютъ имъ судно невода, ружья, провизію, — словомъ, берутъ на себя всю организацію промысла, получая, конечно, за это львиную долю добычи. Ѣдетъ же скупщикъ отъ мѣста промысла зачастую на оленяхъ того же самоѣда въ Мезень, Пинегу или въ Пустозерскъ и продаетъ тамъ самоѣдскую добычу по настоящей цѣнѣ. Отчего бы кажется, самому промышленнику не везти ее туда лично или не послать довѣреннаго отъ себя и отъ нѣсколькихъ своихъ товарищей по промыслу?

Бездѣятельность самоѣдовъ, отсутствіе какой-либо болѣе или менѣе правильной хозяйственной организаціи въ ихъ быту и непониманіе ими собственныхъ интересовъ—вотъ единственныя причины ихъ бѣдности. Никакая опека правительства, въ лицѣ, напримѣръ, проектированныхъ самоѣдскихъ приставовъ, открытія казенныхъ складовъ для снабженія ихъ хозяйственными и промысловыми припасами, ни запрещеніе доступа въ тундры зырянамъ и русскимъ, не избавятъ ихъ отъ косности, а скорѣе пріучатъ къ

мысли, что казна будетъ ихъ кормить на свой счетъ. Удачная по результатамъ опека надъ самоѣдами, поселенными на Новой Землѣ, не можетъ служить примѣромъ, потому что тамъ вмѣшательство администраціи въ экономическій бытъ поселенцевъ вызвано географическимъ положеніемъ Новой Земли, отсутствіемъ частной конкуренціи и необходимостью снабжать поселенцевъ продовольствіемъ и орудіями промысла. Въ громадной же тундрѣ никакая охрана не мыслима; невозможно также никакими искусственными мѣрами прервать между ея обитателями сложившихся вѣками сношеній..

Пока самоѣды не оставятъ своего кочевого быта, они никогда не упрочатъ своего экономическаго положенія. Нигдѣ и никогда кочевники не пользовались благосостояніемъ, если не считать тѣхъ случаевъ, когда имъ попадало чужое добро, захваченное грабежомъ, но и такого добра хватало не надолго. Когда самоѣды сдѣлаются до нѣкоторой степени осѣдлыми, когда они войдутъ въ болѣе тѣсное общеніе и торговыя связи съ сосѣдями и будутъ имѣть общее съ ними административное и общественное управленіе, тогда, безъ всякой опеки, они сумѣютъ отстаивать свои интересы, сумѣютъ воспользоваться дарами природы, при чемъ имъ вовсе нѣтъ надобности бросать оленеводства. Живымъ примѣромъ тому служатъ зыряне и лопари.

V.

Оленеводство — Производство замши. — Звѣриный и рыбный промыслы. — Пароходство по р. Печорѣ. — Село Куя. — Пароходъ «Норденшильдъ». — Печорскій баръ. — Отъ Печоры до Архангельска. — Пароходство отъ Архангельска къ Печорѣ.

Я остановился нѣсколько подробнѣе на описаніи экономическаго быта, нравовъ и обычаевъ зырянъ и самоѣдовъ, какъ главныхъ обитателей Печорскаго уѣзда, представляющихъ характерныя племенныя особенности отъ остального населенія края, русскихъ,— особенности, которыя должны будутъ сгладиться съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія торговли и промысловъ, улучшенія путей сообщенія, устройства школъ и развитія грамотности, — вообще, когда край выйдетъ изъ того обособленнаго состоянія, въ кото-

ромъ онъ до сихъ поръ находился, и когда сюда проникнетъ болѣе культурная жизнь.

Природныя богатства края даютъ полную возможность въ значительной мѣрѣ расширить его производительныя силы: минеральныя богатства и лѣсной промыселъ еще не тронуты, а морской звѣриный промыселъ, лѣсная охота, рыболовство, скотоводство и даже хлѣбопашество въ южной части уѣзда могли бы принять болѣе широкіе размѣры. Мы видѣли, что оленеводство въ Печорскомъ уѣздѣ получило уже значительное развитіе: къ 1-му января 1896 г. въ уѣздѣ насчитывалось слишкомъ 276,000 оленей; въ то же время огромныя луговыя пространства по Печорѣ и ея притокамъ даютъ возможность содержать значительное количество скота: у осѣдлаго населенія въ рѣдкомъ дворѣ не найдутся теперь 3—4 коровы, 2—3 лошади и 5—7 овецъ. Всего въ уѣздѣ къ 1-му января 1896 г. считалось: рогатаго скота 11,975 головъ, 7,600 лошадей и 12,600 овецъ. Ячменя было посѣяно въ 1895 г. 4,400 четвертей и собрано 13,900 четвертей.

Въ связи съ увеличеніемъ количества оленей, значительное развитіе въ уѣздѣ получило также и замшевое производство; всѣхъ замшевыхъ заводовъ къ 1-му января 1896 г. состояло 64, которые выработали замши на сумму 127,400 руб. Самая выдѣлка замши крайне проста и требуетъ самыхъ ничтожныхъ приспособленій; она заключается въ слѣдующемъ: прежде всего съ оленьихъ шкуръ острыми ножами сбриваютъ шерсть, и затѣмъ помѣщаютъ ихъ на нѣкоторое время въ растворъ извести; послѣ этого, чтобы удалить известь, шкуры выскабливаютъ двуручными ножами. Очищенную такимъ образомъ шкуру пропитываютъ ворванью, мнутъ на мялкахъ, опять пропитываютъ ворванью, повторяя это до тѣхъ поръ, пока замша не получитъ требуемой мягкости. Наконецъ, замша высушивается, тщательно вымывается щелокомъ, вывѣтривается и снова сушится. Иногда ее развѣшиваютъ на солнцѣ, отчего она дѣлается бѣлою. Обработка замши производится въ видѣ кустарнаго промысла въ небольшихъ заводахъ, обыкновенно силами одной семьи; необходимые для ея производства матеріалы: известь, ворвань, зола и дрова, находятся подъ рукою и стоятъ не дорого, такъ что на выдѣлку одной шкурки выходитъ, въ среднемъ, 7 коп., а вся выдѣлка оцѣнивается въ 25—30 коп. Выдѣланная замша поступаетъ въ продажу по цѣнѣ приблизительно около 2 руб. за шкуру.

Остальные промыслы дали въ 1895 г. слѣдующіе результаты.

Морскимъ звѣринымъ промысломъ занимались 960 человѣкъ, которые добыли:

3,550 звѣрей на сумму		11,600 р.
Рыбы добыто: семги	4,100 пуд. на сумму	30,600 »
» » наваги	15,600 » » »	23,400 »
» » рѣчной и озерной, главнымъ образомъ, нельма, чиръ, омуль, пелядь и сигъ	19,300 » » »	37,000 »
Всего	39,000 пуд. на сумму	102,600 р.

Лѣсною охотою занимались 2,500 человѣкъ, которые добыли 35,500 звѣрей (главнымъ образомъ, бѣлокъ) и 70,000 паръ птицъ (бѣлыхъ куропатокъ и рябчиковъ), всего на сумму 22,500 рублей.

Рыба скупается на мѣстѣ преимущественно чердынскими купцами, которые сбываютъ ее въ Перми и далѣе по Камѣ, а дичь свозятъ обыкновенно на ярмарку въ Пинегу, откуда она идетъ дальше — въ Петербургъ, Москву и Нижній. Само собою разумѣется, что при отсутствіи путей сообщенія и конкуренціи промышленники вынуждены сбывать продукты своихъ промысловъ за сравнительно дешевую цѣну скупщикамъ, которые въ то же время снабжаютъ ихъ въ кредитъ хлѣбомъ и всякими другими предметами, вслѣдствіе чего промышленники должны неизбѣжно находиться въ постоянной кабалѣ у купцовъ.

Всѣ эти данныя, какъ нельзя лучше, показываютъ, какимъ богатствомъ обладаетъ этотъ обширный край и насколько представлялось необходимымъ связать его соотвѣтствующими путями сообщенія съ архангельскимъ и другими рынками для сбыта его произведеній и для развитія промышленной дѣятельности. Осуществить, по возможности, эту задачу и было моею главною цѣлью при поѣздкѣ на Печору.

Въ Усть-Цыльмѣ меня ожидалъ пароходъ чердынскаго купца Черныхъ. У Черныхъ плаваетъ по Печорѣ два парохода; они приспособлены для буксировки баржей, имѣютъ довольно сильную машину и сидятъ неглубоко въ водѣ, — до пяти четвертей. На этихъ пароходахъ Черныхъ привозитъ весною съ Якшинской пристани, Пермской губерніи, всѣ необходимые для Печорскаго края товары, главнымъ образомъ, муку, вино, соль, сахаръ и т. д. Между прочимъ, въ ренсковомъ погребѣ въ Усть-Цыльмѣ мы нашли сносное красное вино, хересъ, — вѣроятно, пермскаго приготов-

вленія,—и даже очень хорошую сельтерскую воду отъ Грахе изъ Казани. Что въ ренсковомъ погребѣ оказался хересъ и другіе крѣпкіе напитки, — это нисколько неудивительно. Зыряне вообще очень много пьютъ водки и вина, при чемъ зажиточные предпочитаютъ больше вино. Здѣсь настолько все приноровлено къ оленямъ, что зыряне и напитки употребляютъ, сообразуясь съ тѣмъ, сколько у кого оленей; такъ, у кого ихъ менѣе тысячи головъ, тотъ удовлетворяется водкою, у кого больше тысячи, тотъ уже пьетъ коньякъ чердынскаго приготовленія, а у кого двѣ тысячи оленей, тотъ считаетъ своимъ долгомъ пить хересъ. Разумѣется, коньякъ и хересъ такого сорта, что безъ сельтерской воды обойтись бываетъ трудно.

Къ осени баржи нагружаются мѣстными товарами: семгою и другою рыбою, мѣхами, тюленьимъ саломъ, дичью, и буксируются вверхъ по Печорѣ до Якшинской пристани, гдѣ пароходы остаются на зимовку, а привезенный товаръ сухимъ путемъ перевозится на Каму.

Отъ Усть-Цыльмы мы проплыли внизъ по Печерѣ до села Куи— разстояніе въ 280 верстъ — не болѣе 20-ти часовъ. Печора поражаетъ своею шириною и массою воды, но берега ея очень неприглядны: корявая растительность, песчаныя отмели и безконечные, насколько видитъ глазъ, не то луга, не то тундры и болота, крайне однообразные и унылые, точно пустыня.

Со временемъ, когда установятся правильныя пароходныя сообщенія какъ между Архангельскомъ и Печорою, такъ и вверхъ по этой рѣкѣ, с. Куя обѣщаетъ сдѣлаться значительнымъ торговымъ центромъ края. Хотя Куя расположена въ 120-ти верстахъ отъ устья Печоры, но морскіе пароходы свободно доходятъ до этого мѣста. Верстахъ въ 50-ти отъ Куи, Печора начинаетъ уже дѣлиться на нѣсколько рукавовъ, которые дробятся все больше и больше, образуютъ множество острововъ и вливаются, наконецъ, въ океанъ, въ числѣ слишкомъ 20-ти протоковъ, которые, всѣ вмѣстѣ, составляютъ огромную дельту этой рѣки. Главный фарватеръ имѣетъ отъ 20-ти до 30-ти футовъ глубины и лишь въ немногихъ мѣстахъ находятся въ немъ мели, которыя довольно трудно обходить, тѣмъ болѣе, что никакихъ знаковъ на фарватерѣ не поставлено.

Подходя къ Куѣ, мы увидали большой пароходъ «Норденшильдъ» купца Сибирякова. Самъ хозяинъ, поручивъ капитану ожидать меня и предоставивъ пароходъ въ мое полное распоряже-

ніе, отправился на лодкѣ по притокамъ Печоры къ Уралу, а затѣмъ, чрезъ Уралъ, къ Оби и далѣе въ Сибирь, гдѣ у него были дѣла. Сибиряковъ не въ первый разъ проходилъ этимъ путемъ; заботясь, въ интересахъ торговли, соединить бассейны Оби и Печоры, онъ устроилъ конный путь между ближайшими притоками этихъ рѣкъ и доставлялъ этимъ путемъ нѣкоторые товары изъ Сибири къ Печорѣ. Въ будущемъ, когда край этотъ заселится, будетъ учреждено постоянное пароходство и разовьются торговля и промыслы, тогда, быть-можетъ, и этотъ путь получитъ извѣстное значеніе, въ настоящее же время всѣ заботы должны быть направлены къ тому, чтобы соединить, по крайней мѣрѣ, Печору съ Архангельскомъ.

Я пріѣхалъ въ Кую около 12-ти часовъ ночи; конечно, было совсѣмъ свѣтло. Пока «Норденшильдъ» оканчивалъ нагрузку, я обошелъ село и зашелъ въ церковь. Она произвела на меня очень хорошее впечатлѣніе; иконостасъ уставленъ, сравнительно, богатыми образами въ серебряныхъ ризахъ. Я спросилъ священника, какъ ему живется, какъ онъ переноситъ суровый климатъ, доволенъ ли своею паствою или думаетъ перейти въ другой приходъ, поближе къ Архангельску.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — я доволенъ своими прихожанами; устроилъ школу, у меня человѣкъ 20 учениковъ, между ними нѣсколько человѣкъ самоѣдовъ: было бы жаль съ ними разстаться.

Нельзя не преклониться передъ этими достойными служителями православной церкви на далекомъ Сѣверѣ. Призванные внести свѣтъ христіанскаго ученія среди полудикихъ еще инородцевъ, они безропотно переносятъ всякія лишенія. Стòитъ только вспомнить подвиги отца Іоны на Новой Землѣ, окруженнаго самоѣдами, о. Щеколдина на границѣ Норвегіи, среди лопарей, о. Кулакова въ с. Куѣ на Печорѣ и многихъ другихъ священниковъ, которыхъ я встрѣчалъ въ дебряхъ Архангельской губерніи, во время моихъ путешествій.

Обходя церковь въ с. Куѣ, я, между прочимъ, обратилъ вниманіе на изящный бѣлый мраморный памятникъ, какой рѣдко можно встрѣтить на деревенскомъ кладбищѣ. Этотъ памятникъ, сдѣланный въ Екатеринбургѣ, поставленъ на могилѣ самоѣдки Хотанзей ея мужемъ.

Затѣмъ, взявъ съ собою мальчика изъ деревни, я отправился по близости въ тундру, чтобы настрѣлять на дорогу бѣлыхъ ку-

ропатокъ, которыхъ, по словамъ моего проводника, можно было найти въ какихъ-нибудь 100—200 саженяхъ отъ деревни. Дѣйствительно, куропатки вырывались на каждомъ шагу изъ-подъ ногъ, и не прошло получаса, какъ я уже убилъ ихъ съ десятокъ. Мальчикъ принесъ мнѣ еще штукъ десять, которыхъ онъ наловилъ наканунѣ, при чемъ у всѣхъ его куропатокъ были отрѣзаны крылья.

— Что же тебѣ дать за нихъ?

— Да копѣйки по двѣ за пару надо.

— Зачѣмъ же ты имъ обрѣзалъ крылья?

— А съ крыльями дороже: крылья больше стоятъ, чѣмъ куропатки; за крылья даютъ по три копѣйки за пару.

Оказывается, что куропатокъ лѣтомъ дѣвать некуда, а крылья можно продать. На «Норденшильдѣ» мы везли грузъ этихъ крыльевъ въ Архангельскъ, въ количествѣ 600 пудовъ. Можно себѣ представить, какая бездна ихъ заключалась въ этихъ 600 пудахъ! Изъ Архангельска крылья отправляютъ за границу, гдѣ ими украшаютъ дамскія шляпки. Бѣлыя перья крыльевъ куропатки представляютъ, между прочимъ, то удобство, что ихъ легко окрасить въ любой цвѣтъ и такимъ образомъ превратить ихъ въ перья попугая и какой угодно другой птицы.

На другой день, 5-го августа, мы прибыли на Печорскій баръ и застали тамъ транспортъ «Баканъ». Недалеко отъ него лейтенантъ Жданко и другіе офицеры на шлюпкахъ производили промѣръ фарватера, а вдали, въ Болванской губѣ, виднѣлся крейсеръ «Вѣстникъ» и поморская шкуна Антуфьева.

Такимъ образомъ, въ устьяхъ Печоры впервые собралась значительная флотилія: военныя суда—крейсеръ «Вѣстникъ» и транспортъ «Баканъ», коммерческій пароходъ купца Сибирякова «Норденшильдъ» и поморская парусная шкуна Антуфьева. Послѣ взаимныхъ привѣтствій и поздравленій съ благополучнымъ прибытіемъ къ главной цѣли нашихъ странствованій, я отдохнулъ нѣкоторое время на крейсерѣ, ознакомился съ произведенными офицерами работами по изслѣдованію окрестностей Печорскаго устья и затѣмъ, 6-го августа, простившись съ любезными хозяевами, которымъ предстояло еще закончить нѣкоторыя гидрографическія работы, пошелъ на «Норденшильдѣ», сперва на востокъ, мимо острова Варандей, въ обходъ цѣлаго ряда кошекъ, окружающихъ Печорскую губу, а потомъ открытымъ океаномъ, прямо на сѣверную оконечность острова Колгуева, мимо Канина носа, въ Архангельскъ.

Пароходъ «Норденшильдъ» —небольшое, но превосходное судно, приспособленное для плаванія въ сѣверныхъ моряхъ; оно построено прочно и не разъ попадало въ полярные льды, оставаясь невредимымъ; ходъ его не быстрый, около 8 узловъ, обыкновенно идетъ подъ парусами. Капитанъ парохода, г. Кишъ, опытный морякъ, въ теченіе десяти лѣтъ плавалъ къ устьямъ Печоры, къ Югорскому Шару и къ Енисею.

Намъ предстоялъ довольно продолжительный переходъ открытымъ океаномъ. Смотрѣть было не на что, — кругомъ небо и вода, а потому, пользуясь свободнымъ временемъ, я занялся просмотромъ судовыхъ журналовъ, любезно предоставленныхъ мнѣ капитаномъ. Эти журналы представляли тотъ интересъ, что въ значительной степени уясняли условія плаванія изъ Архангельска на Печору, такъ какъ пароходъ «Норденшильдъ», какъ я уже упомянулъ выше, не однократно совершалъ переходы на Печору. Вотъ подробная выписка его плаваній къ Печорѣ за 10 лѣтъ, съ 1885 по 1895 гг.

Въ 1885 г. «Норденшильдъ» сдѣлалъ одинъ рейсъ изъ Архангельска къ Югорскому Шару и на Печору; въ 1886 г. два рейса — одинъ изъ Архангельска къ Печорѣ, другой изъ Вардэ на Печору; въ 1888 г. одинъ рейсъ изъ Архангельска на Печору; въ 1888 г. изъ Архангельска въ Югорскій Шаръ и на Печору; въ 1889 г. изъ Соловецка на Печору; въ 1890 г. изъ Шотландіи къ Печорѣ; въ 1891 г. изъ Соловецка въ Югорскій Шаръ и на Печору; въ 1892 г. изъ Архангельска въ Югорскій Шаръ и на Печору; въ 1893 г. два рейса изъ Архангельска на Печору и въ 1894 г. два рейса изъ Архангельска на Печору. При подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ данныхъ объ этихъ плаваніяхъ выяснилось, что навигацію къ Печорѣ можно опредѣлить въ два мѣсяца, приблизительно съ 10 — 15-го іюля по 10 — 15-е сентября; одинъ и тотъ же пароходъ въ теченіе этого времени свободно можетъ сдѣлать три рейса, и пароходы могутъ проходить Печорскій баръ до с. Куи съ осадкою не болѣе 11-ти футовъ, такъ какъ въ полную воду глубина воды на барѣ достигаетъ только 12-ти футовъ.

Самый ранній срокъ, въ какой «Норденшильдъ» приходилъ на Печору, былъ въ 1885 г.—12-го іюля, въ 1892 г. — 13-го іюля и въ 1893 г. — 15-го іюля, выйдя, притомъ, изъ Архангельска въ 1885 г.—5-го іюля, въ 1892 г.—9-го іюля и въ 1893 г.—11-го іюля. Ранѣе 10—15-го іюля почти всякій годъ можно встрѣтить значи-

тельныя скопленія льдовъ, которыя едва ли представится возможнымъ обойти. Самые поздніе рейсы «Норденшильдъ» совершилъ въ 1891 г., выйдя изъ Печоры 20-го августа, въ 1893 г.—23-го августа, въ 1894 г. — 4-го сентября. Позднѣе, хотя и нѣтъ еще льдовъ, но плаваніе затрудняется темнотою ночей и туманами. Переходъ изъ Архангельска до Печоры «Норденшильдъ» совершалъ обыкновенно въ 5 — 6 дней, дѣлая отъ 7 — 9-ти узловъ, а потому, полагая на переходъ изъ Архангельска до Печоры и обратно 10—12 дней и на стоянки 5—6 дней, можно прійти къ заключенію, что одинъ и тотъ же пароходъ, во всякомъ случаѣ, будетъ въ состояніи дѣлать ежегодно по три рейса изъ Архангельска на Печору.

Для полноты свѣдѣній о плаваніи всѣхъ судовъ, которыя въ 1894 г. ходили на Печору, приведу слѣдующія свѣдѣнія о плаваніи транспорта «Баканъ», крейсера «Вѣстникъ» и поморской шкуны Антуфьева. «Баканъ» вышелъ изъ Архангельска 1-го іюля, 3-го обошелъ Канинъ носъ и взялъ курсъ на сѣверную оконечность Колгуева, гдѣ встрѣтилъ льды; пройдя 4-го іюля льдами 15 миль къ востоку, вынужденъ былъ вернуться обратно и остановился на якорѣ у Канина носа 6-го іюля, гдѣ встрѣтился съ нами, когда я шелъ на «Ломоносовѣ» на Новую Землю. 8-го іюля «Баканъ» снялся съ якоря и направился къ южной оконечности Колгуева, но и тамъ встрѣтилъ льды. 9-го пошелъ къ югу вдоль Тиманскаго берега, 11-го прошелъ Русскій Заворотъ, а 12-го сталъ на якорь у острова Варандея, гдѣ поджидалъ крейсера «Вѣстникъ», который долженъ былъ прибыть сюда со мною съ Новой Земли. Обратно съ Печоры «Баканъ» вышелъ 14-го августа, 15-го миновалъ Колгуевъ и Канинъ носъ, 16-го выдержалъ въ Бѣломъ морѣ сильный штормъ и 17-го сталъ на якорь у Соловецка. Крейсеръ «Вѣстникъ», выйдя 24-го іюля изъ Архангельска, безпрепятственно, не встрѣтивъ льдовъ, прибылъ 26-го къ Варандею и, пройдя въ Болванскую губу, остановился тамъ на якорѣ. 14-го августа крейсеръ вышелъ съ Печоры, зашелъ на Мурманъ, въ Екатерининскую гавань, и оттуда пошелъ прямо въ Кронштадтъ. Поморская шкуна Антуфьева вышла съ запасомъ угля для судовъ, отправленныхъ къ Печорѣ, 1-го іюля, 4-го іюля пришла къ Канину носу, 5-го встрѣтилась съ транспортомъ «Баканъ» и, получивъ свѣдѣнія отъ командира, что на сѣверъ отъ Колгуева ледъ, пошла къ югу къ Чешской губѣ и далѣе,

вдоль Тиманскаго берега. Постоянно встрѣчая льды, она шла между ними и берегомъ, 11-го пришла къ Русскому Завороту, 12-го и 13-го, вслѣдствіе тумана и льдовъ, медленно подвигалась вдоль Гуляевскихъ Кошекъ, 14-го достигла острова Варандея и 15-го вошла въ Печорскую губу.

Офицерами транспорта «Баканъ», во время пребыванія ихъ въ устьяхъ Печоры, съ 12-го іюля по 14-е августа, были произведены слѣдующія работы: пройденъ нѣсколько разъ промѣромъ путь отъ острова Варандея до Болванской губы; произведены наблюденія надъ высотою прилива, а также надъ направленіемъ и скоростью теченія у острова Варандея; сдѣлана съемка Болванской губы, опредѣлены наименьшая вода и высота прилива на Печорскомъ барѣ, произведены съемка и промѣры рѣки Печоры до с. Куи, поставлены вѣхи у Черной Лопатки, на мели у Константинова мыса, на отмеляхъ у Гуляевскихъ Кошекъ. Лейтенантомъ Жданко сдѣланы магнитныя наблюденія и опредѣлены астрономическіе пункты на островѣ Варандеѣ, на Болванскомъ мысѣ и на мысѣ Двойничномъ, произведены наблюденія надъ температурою и удѣльнымъ вѣсомъ воды въ океанѣ на разныхъ глубинахъ. На основаніи всѣхъ этихъ работъ гидрографическимъ департаментомъ исправлены карты устьевъ рѣки Печоры, которыя нынѣ уже отпечатаны.

Самое плаваніе наше на «Норденшильдѣ», съ Печоры до Архангельска, было вполнѣ удачное; погода была хорошая, море по большей части спокойное, нигдѣ мы не встрѣчали никакихъ признаковъ льда. 11-го августа мы благополучно прибыли въ Архангельскъ.

Такимъ образомъ, цѣль была достигнута и возможность плаванія къ Печорѣ вполнѣ выяснилась. Поэтому я считалъ себя въ правѣ тотчасъ же войти съ ходатайствомъ къ Министру Финансовъ объ учрежденіи правильныхъ пароходныхъ сообщеній между Архангельскомъ и Печорою и по самой Печорѣ.

Благодаря живому участію и содѣйствію Министра Финансовъ С. Ю. Витте, вслѣдъ засимъ были внесены въ Государственный Совѣтъ предложенія объ учрежденіи этого пароходства, а 8-го мая 1895 года Государю Императору благоугодно было утвердить положеніе Государственнаго Совѣта объ учрежденіи пароходства по Печорѣ и пароходства изъ Архангельска къ Печорѣ, съ ежегодною субсидіею отъ правительства. Мнѣ было предоставлено войти въ соглашеніе съ лицами, выразившими готовность принять

на себя содержаніе пароходства, и заключить соотвѣтствующіе контракты на 1895 годъ. На содержаніе пароходства между Архангельскомъ и Печорою мною заключенъ контрактъ съ купцомъ Сибиряковымъ, а на содержаніе пароходства по Печорѣ съ купцомъ Черныхъ.

Опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: пароходъ Сибирякова «Норденшильдъ» благополучно совершилъ съ 8-го іюля по 2-е сентября 1895 г. три рейса между Архангельскомъ и с. Куей на Печорѣ, при чемъ собственно на плаваніе употреблено 34 сутокъ и 22 сутокъ на стоянки, для нагрузки и выгрузки товаровъ и баласта въ Архангельскѣ и Куѣ. Плаваніе какъ по океану, такъ и по Печорскому бару совершалось безпрепятственно; перевезено изъ Архангельска на Печору 30,000 пудовъ груза и 35 пассажировъ. Такое сравнительно небольшое количество грузовъ и пассажировъ объясняется тѣмъ, что торговыя сношенія между Архангельскомъ и Печорою не успѣли еще установиться вполнѣ.

Пароходъ купца Черныхъ началъ плаваніе по Печорѣ 17-го мая и окончилъ плаваніе 22-го сентября, при чемъ имъ было совершено семь рейсовъ отъ с. Шугорь, Вологодской губерніи, до с. Куи и обратно. Перевезено груза 24,000 пудовъ и 157 пассажировъ.

Открытіе пароходныхъ сообщеній принесло уже видимую пользу краю. Почти всѣ предметы первой необходимости, которые до сего времени привозились въ Печорскій уѣздъ чердынскими купцами, устанавливавшими на нихъ, вслѣдствіе отсутствія конкуренціи, произвольныя цѣны, стали значительно дешевле, а нѣкоторыя мѣстныя произведенія, которыя прежде вовсе не находили сбыта, были отправлены въ Архангельскъ.

Такимъ образомъ, богатая восточная окраина Архангельской губерніи соединена нынѣ телеграфомъ и почтовою дорогою до с. Усть-Цыльмы и пользуется пароходными сообщеніями по рѣкѣ Печорѣ и отъ рѣки Печоры до Архангельска. Нѣтъ сомнѣнія, что эти пути сообщенія въ недалекомъ будущемъ послужатъ къ еще большему развитію экономической жизни, торговли и промысловъ обширнаго Печорскаго края.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Общій обзоръ экономической и промышленной жизни русскаго Сѣвера . . . . 1—15

Путешествіе въ Кемскій и Кольскій уѣзды.

Цѣль этого путешествія.—Значеніе для Сѣвера посѣщенія Архангельска и Мурмана Министромъ Финансовъ С. Ю. Витте въ 1894 г.—Значеніе телеграфа на Мурманъ.—Условія его устройства.—Соловецкій монастырь.—Островъ Поповъ и его значеніе при проведеніи желѣзной дороги въ Кемь.—Городъ Кемь.—Рѣка Кемь и Подужемскій водопадъ. . 16—31

Корела или Корелія.

Пространство и населеніе Кемскаго уѣзда.—Историческія свѣдѣнія о корелахъ.—Пространство, занимаемое нынѣшнею Кореліею.—Поверхность.—Пути сообщенія.—Земледѣліе.—Подсѣчное хозяйство.—Лѣсной промыселъ.—Рыболовство.—Охота.—Извозъ.—Разносная торговля.—Расположеніе деревень.—Жилища.—Одежда.—Пища.—Языкъ . . . . 32—40

Поморье.

Волости Кемскаго уѣзда съ поморскимъ населеніемъ.—Историческій очеркъ заселенія береговъ Бѣлаго моря выходцами изъ Новгорода.—Поморскіе промыслы, ловъ семги, сельди и наваги.—Судостроеніе.—Выборъ направленія Мурманской телеграфной линіи и способъ ея устройства.—Село Кереть.—Ловля жемчуга.—Село Ковда.—Заводъ Русанова.—Поморы.—Село Кандалакша.—Исторія серебро-свинцовыхъ рудниковъ . 41—58

Лапландія.

I.

Кольскій полуостровъ.—Изслѣдованія финляндскихъ экспедицій.—Минеральныя богатства.—Климатъ.—Населеніе.—Лопари, ихъ обычаи и образъ жизни . . . . 59—68

II.

стр.

Путь отъ Кандалакши до Колы.—Рѣка Нива.—Пинозеро.—Земскія станціи.—Озеро Имандра.—Хибинскія горы.—Перевальная верста между водораздѣломъ Сѣвернаго океана и Бѣлаго моря.—Пудозеро, Мурдозеро и рѣка Кола.—Комары.—Городъ Кола . . . . 68—83

Мурманъ.

I.

Историческій очеркъ.—Границы.—Печенгскій монастырь.—Преподобный Трифонъ Печенгскій и Ѳеодоритъ Кольскій.—Льготы переселенцевъ.—Воспрещеніе привоза спиртныхъ напитковъ.—Существующія колоніи.—Климатъ.—Дѣятельность Общества «Краснаго Креста».—Промысловыя артели.—Правительственныя ссуды.—Соль.—Рыбный промыселъ.—Административный пароходъ.—Военный крейсеръ.—Морскіе промыслы: тресковый, тюленій, китобойный, акулій, сельдяной . . . . 84—107

II.

Открытіе телеграфнаго сообщенія между Колою и Екатерининскою гаванью.—Изслѣдованіе мѣстности между Колою и Екатерининскою гаванью.—Пріисканіе мѣста для будущаго порта и административнаго центра на Мурманѣ.—Неудобство г. Колы.—Екатерининская гавань . 108—119

III.

Заливъ Ура.—Портъ Владиміръ.—Колонія Ура.—Мотовскій заливъ.—Колонія Китовка.—Гавань Озерко.—Тупики.—Ловля трески на поддёвъ.—Островъ Кильдинъ.—Климатическія условія Мурмана.—Становища Териберка и Гаврилово.—Подъемъ духа на Мурманѣ.—Значеніе порта на Мурманѣ.—Возвращеніе въ Архангельскъ . . . . 120—136

Новая Земля.

I.

Экономическое значеніе восточныхъ побережій Ледовитаго океана . 137—140

II.

Снаряженіе на Новую Землю новыхъ колонистовъ-самоѣдовъ.—Крещеніе самоѣдскихъ дѣтей.—Переѣздъ изъ Архангельска на Новую Землю на пароходѣ «Ломоносовъ».—Нашъ грузъ.—Мои спутники.—Встрѣча съ транспортомъ «Баканъ».—Полуночное солнце . . . . . . 140—146

III.

Прибытіе на Новую Землю.—Выгрузка.—Крейсеръ «Вѣстникъ».—Лейтенантъ Жданко.—Свѣдѣнія о Новой Землѣ.—Западныя и русскія экспедиціи.—Экспедиція горнаго инженера Ѳ. Н. Чернышева.—Каменный уголь.—Растительность.—Морскія животныя. . . . . 146—154

IV.

стр.

Пернатыя Новой Земли.—Скала «Птичій Базаръ».—Гуси.—Новоземельскіе промыслы.—Благія мѣропріятія Е. И. В. Великаго Князя Алексѣя Александровича.—Новоземельскіе самоѣды.—Срочные пароходные рейсы на Новую Землю.—Заботы администраціи о новоземельскихъ самоѣдахъ . . . . 155—164

V.

Новое самоѣдское становище.—Самоѣдское населеніе, его содержаніе и промыслы.—Новоземельскія постройки.—Церковь.—Отецъ Іона.—Новая церковь.—Новый домъ для причта.—Духовное просвѣщеніе самоѣдовъ.—Санитарныя условія.—Вѣнчаніе самоѣдовъ . . . . 164—176

VI.

Маточкинъ Шаръ.—Суровость природы.—Поѣздка въ Маточкинъ проливъ.—Новоземельскія собаки.—Гурій.—На крейсерѣ «Вѣстникъ».—Медвѣдица Машка и лайка. — Судно Воронина.— Крушеніе его въ 1895 г. — Новоземельскіе медвѣди . . . . 176—189

VII.

Уходъ крейсера «Вѣстникъ» на Печору.—Во льдахъ.—На подводномъ камнѣ.—Недостатокъ гидрографическихъ изслѣдованій въ сѣверныхъ водахъ Россіи.—Опасеніе за участь транспорта «Баканъ».—Отходъ крейсера «Вѣстникъ» на Печору . . . . 189—192

Печорскій край.

I.

Изъ Архангельска въ Мезень.—Мезенскій уѣздъ.—Пространство.—Населеніе.—Промыслы.—Зимній берегъ.—Островъ Моржовецъ.—Село Койда.—Тюленій промыселъ.—Городъ Мезень.—Отъ Мезени до села Койнаса.—Новая дорога и телеграфъ къ Печорѣ.—Тиманскій горный хребетъ . . . . 193—211

II.

Печорскій уѣздъ.—Пространство.—Рѣки и озера.—Минеральныя богатства.—Ухтинская нефть.—Село Усть-Цыльма.—Село Ижма.—Село Мохча.—Пустозерскъ.—Населеніе. . . . . 212—219

III.

Зыряне.

Историческія свѣдѣнія.—Стефанъ Пермскій.—Обычаи.—Языкъ.—Оленеводство.—Споръ между зырянами и самоѣдами о пользованіи тундрами. . . . . 219—231

IV.

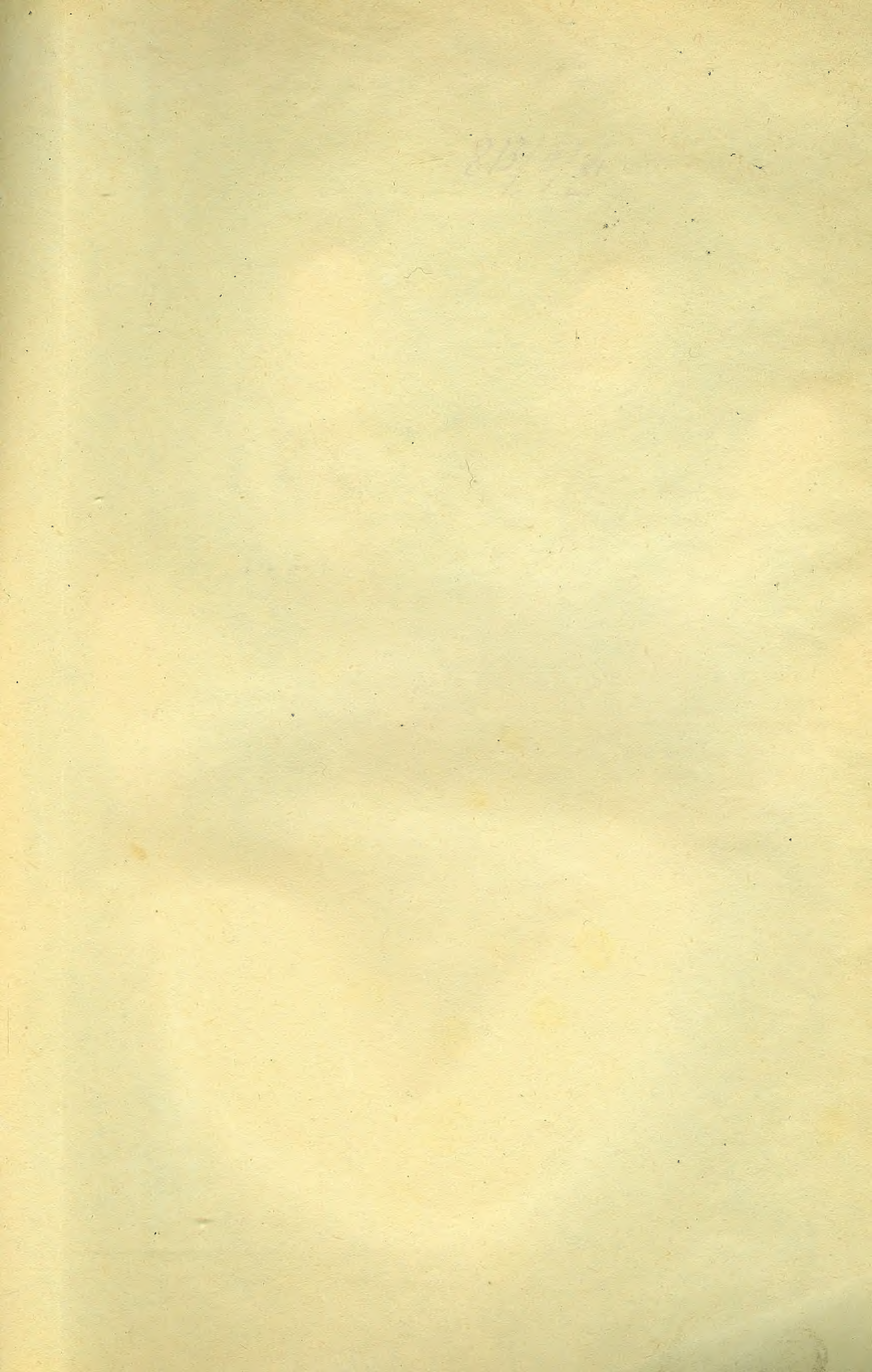
Самоѣды.

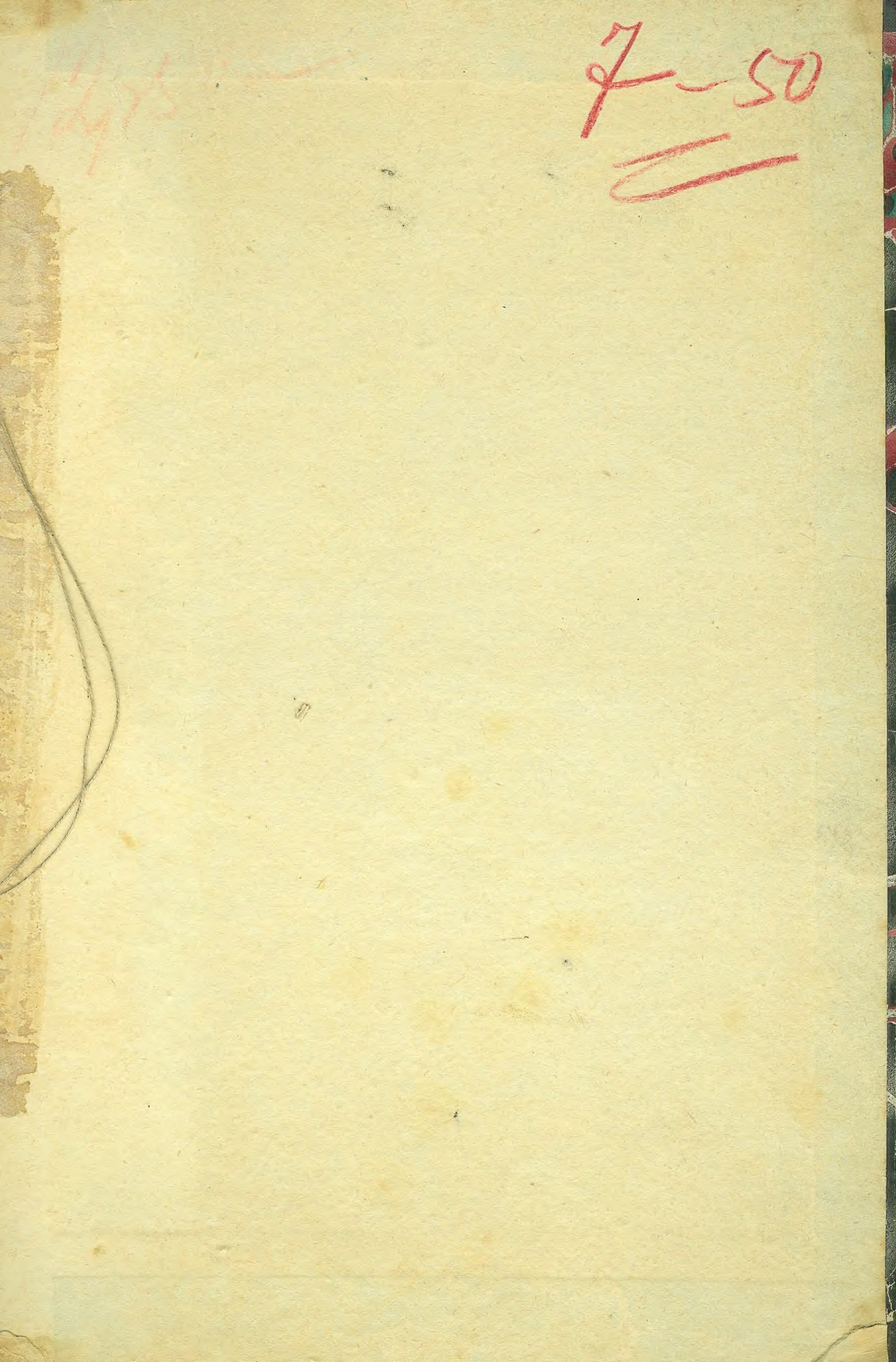
стр.

Историческія свѣдѣнія.—Образъ жизни.—Вѣрованіе.—Семейная жизнь.—Нравы.—Промыслы.—Самоѣдское управленіе . . . . 232—249

V.

Оленеводство.—Производство замши.—Звѣриный и рыбный промыслы.—Пароходство по рѣкѣ Печорѣ.—Село Куя.—Пароходъ «Норденшильдъ».—Печорскій баръ.—Отъ Печоры до Архангельска.—Пароходство отъ Архангельска къ Печорѣ. . . . . 249—258




7-50